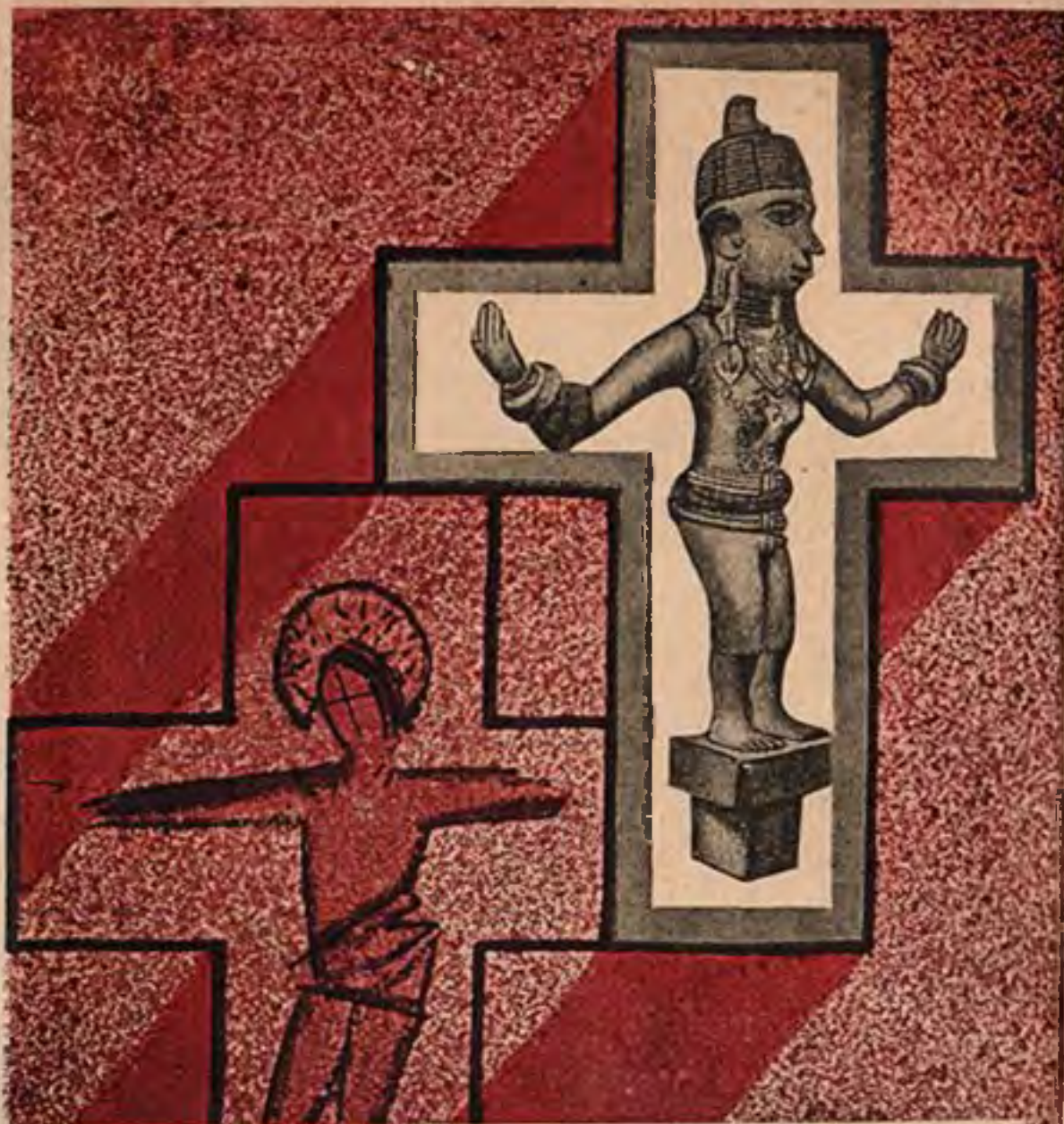

Н. РУМЯНЦЕВ

Цена 60 коп.

Я З Ы Ч Е С К И Е

Х Р И С Т Ы

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1929

Н. РУМЯНЦЕВ

ЯЗЫЧЕСКИЕ ХРИСТЫ

АНТИЧНЫЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
ХРИСТИАНСТВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

ВВЕДЕНИЕ.

Присматриваясь к христианству, мы видим, что центральные моменты его, как религии, все вращаются вокруг имени и личности Иисуса Христа. Действительно, главным христианским таинством-обрядом является «причащение плотью и кровью Христовой»; главным праздником — празднование смерти и воскресения Христа; главным догматом — учение об искупительной, мученической смерти и воскресении Христа, и, наконец, главными, священными книгами — евангелия, сказания о жизни Христа.

Невольно напрашивается вопрос: кто же этот Христос, кем он был в действительности?

Христианская церковь утверждает, что Иисус Христос — историческая личность, что он был сыном Божиим, который специально, во искупление грехов всего человечества, некогда сошел на землю, родился от женщины, преподавал людям учение о спасении, затем пролил свою божественную кровь на кресте, претерпел мученическую смерть и на третий день после смерти воскрес.

Наука говорит иное. Она доказывает, что Иисус Христос, как человек, как историческая личность, никогда не существовал; что все евангельские и прочие сказания о нем являются лишь мифами — вымыслами, и что само христианство представляет собой плод синкретизма — смешения различных древних религий, откуда оно заимствовало свои обряды, свое учение и самый образ своего Христа. Она показывает, что еще в дохристианскую эпоху в целом ряде религий имелись и чтились свои «христы», т. е. умирающие и воскресающие божества, «спасители», и что слит-

ный образ всех их и вылился потом в образ Христа христианского, личности, подобно им всем, мифической.

Поэтому, чтобы понять этот образ, чтобы узнать, из чего и как он сложился, где и каковы его первоисточки, куда восходит он своими корнями, надо предварительно познакомиться и разобраться в религиях и природе всех тех «языческих христов», кои наделили его своими чертами.

Это ознакомление с ними и попытку разбора их природы мы и делаем на страницах данной книги, причем заранее оговариваемся, что берем здесь не всех христов, а только тех, чьи культы сыграли наибольшую роль в зарождении и развитии раннего христианства.

І. ЕГИПЕТСКИЙ «ХРИСТОС» ОЗИРИС.

Начиная обзор религий древнего мира, мы обращаемся прежде всего к Египту и видим там характерное явление: в центре египетской, особенно — народной, религии стоит культ страдающего, умирающего и воскресающего «спасителя», «христа» Озириса.

О нем рассказывают нам различные мифы, его воспевают или призывают в многочисленных, дошедших до нас, славословиях и молитвах, его чествуют в обрядах ежедневного храмового богослужения, моменты из его «истории» вспоминают в главнейшие ежегодные праздники, к нему обращаются верующие в решающие моменты своей жизни, наконец его же изображениями покрыты стены египетских храмов. Поэтому мы вряд ли ошибемся, если скажем, что народной религией седой страны пирамид была религия Озириса.

Невольно напрашивается вопрос: чем объясняются эти роль и место Озириса, что кроется в основе его образа и культа? Ответ на все это дает нам рассмотрение связанных с ним мифов и обрядов.

1. Сказания об Озирисе.

Цельного, связного сказания об Озирисе от самих египтян до нас не дошло, и нашим главным источником здесь являются рассказы и сообщения греческих авторов, в особенности Плутарха, написавшего специальное сочинение-исследование под заглавием «Об Изиде и Озирисе». И вот, если взять за основу эти рассказы и сообщения и присоединить к ним отдельные места из литературы

египетской, сказания об Озирисе выступают перед нами, приближительно, в следующем виде...

Однажды жена солнечного божества (Ра), богиня неба Нут вступила в половую связь с богом земли (Себом, Кебом или Жебом). Узнав об этом, разгневанный супруг проклял изменницу и заявил, что не позволит ей ни в один день года разрешиться от бремени. На помощь пришел другой возлюбленный — бог Тот и подарил ей выигранные им у лунного бога в шашки пять дней.

Эти пять дней Тот присоединил к обычному египетскому году, в 360 дней, а так как они не попали под клятву Ра, богиня использовала их для разрешения от бремени. В первый из этих добавочных в году дней она родила Озириса, во второй — Гора Старшего, в третий — Сета, в четвертый — Изиду, в пятый — ее сестру Нефтис.

Дело при этом не обошлось без иных еще чудес. Так, Озирис, якобы, еще во чреве матери влюбился в свою сестру Изиду и там же вступил с ней в супружеское общение. Затем в самый момент его рождения таинственный голос возвестил миру, что на свет явился владыкка вселенной. Некоторые добавляют, что голос этот послышался в Фиванском храме некоему Памилесу и повелел ему объявить, что «родился великий царь, благодетель Озирис».

Сделавшись впоследствии царем Египта, Озирис занялся насаждением культуры среди народа. Так, в области хозяйственной он научил своих подданных отличать съедобные растения, сеять и убирать хлеб, разводить виноград, выделывать вино и пиво, распознавать руды, добывать и обрабатывать металлы, изготовлять из них оружие и орудия для обработки земли. Он же дал им законы, ввел богопочитание, познакомил с основами нравственности.

Во всей этой культурнической работе верной и деятельной помощницей Озирису была его сестра-жена Изида:

она научила женщин молоть зерна в муку, печь хлеб, прясть, ткать и делать прочие женские работы. Она же вместе с мужем познакомила людей с различными науками и искусствами.

Но этим деятельность Озириса не ограничилась: благодетельствовав свой народ элементами культуры, семена ее он понес и дальше, по всему свету, и всюду, где только он проходил, прежнее дикое варварство сменялось периодом культурного развития и расцвета.

Осыпавший за это благословениями народов, нагруженный полученными от них в дар богатствами, возвратился Озирис в Египет. В торжественной встрече народ приветствовал его, как божество, — народ, но не ближайшие родственники и помощники...

Родной его брат Сет с вельможами устроил заговор, дабы погубить героя и захватить власть в свои руки. С этой целью он устроил званый пир, по заранее снятой мерке сделал богато украшенный ящик, принес его в пиршественную залу и пообещал отдать тому из гостей, кому ящик окажется по росту. Один за другим гости ложились в ящик, — он не подходил. Когда, наконец, в него улегся Озирис, Сет с заговорщиками захлопнули и забили крышку и бросили ящик в реку Нил.

Так был умерщвлен Озирис, что произошло в семнадцатый день египетского месяца Атира.

Изида, узнав о трагической смерти своего супруга, в горести рвет на себе волосы, одевается в траурные одежды и с плачем пускается на поиски трупа. Коварный Сет преследует ее, она бежит от него в пустынные, болотистые места нильской дельты и там, в тростниках, рождает своего сына — Гора Младшего или Гарпократа («Гора-младенца»). Между тем волны выносят ящик с останками Озириса в море и выбрасывают на сирийский берег, около города Библа. Весть об этом доносится до Изиды.

Она отправляется туда, после различных злоключений и чудесных деяний получает ящик-гроб и увозит в Египет. Здесь чувства матери берут в ней верх: оставив на время ящик в потаенном месте, она спешит проведать своего малютку-сына Гора.. В ее отсутствие происходит новая беда: Сет случайно, охотясь, наталкивается на ящик, узнает труп брата, разрывает его на четырнадцать частей и разбрасывает их по стране.

Вернувшись, Изида не находит дорогого ей тела и снова пускается на поиски. Одну за другой она находит отдельные части Озириса, хоронит их или их изображения на месте нахождения, причем прибегает при этом к особой уловке.

«Изида, — рассказывает греческий автор Диодор Сицилийский, — обрела все части Озириса, за исключением его полового органа, а так как она хотела, чтобы могила ее супруга осталась неизвестной и чтимой всеми обитателями Египта, она прибегла к такой уловке... Из воска и пряностей она делала человеческие изображения (статуи) в рост Озириса и заделывала в них отдельные его члены. Затем она призывала одного за другим жрецов и предлагала им поклясться, что они не выдадут ее тайны. После этого каждому из них она говорила, что только ему одному она доверяет и поручает погребение трупа.

Напоминая при этом о полученных ими благодеяниях, она советовала похоронить Озириса на их земле и чтить его, как бога... Чтобы материально заинтересовать их в этом деле, она за служение богам отдала им третью часть земли всей страны. И вот, говорят, признательные за благодеяния Озириса, привлекаемые наградой и желая угодить царице, жрецы исполнили все ее указания. И до сих пор каждый из жрецов воображает, что Озирис погребен в его местности».

Действительно, в Египте показывали много могил Озириса и мест погребения отдельных его членов. Так, жрецы

храма в Атриде хвастались обладанием мощей — сердца Озириса; в Бузирисе чтили его позвоночный столб; в Летополе — шею, в Мемфисе — голову. Второй экземпляр его головы находился, по словам местных жрецов, в Абидосе, а ноги — во многих местных храмах. Пред нами здесь — один из типичных примеров шантажной практики духовенства: многоэкземплярность «мощей» (притом мифической личности) — явление, наблюдаемое еще и поныне в христианском культе мощей.

Дальнейшая история умерщвленного египетского «христа» такова: Изида собирает части или сделанные из воска изображения частей своего супруга, соединяет их вместе, кладет на погребальное ложе и вместе с сестрой своей Нефтис начинает плач над трупом.

«Приди, Озирис, в свой дом, — причитает Изида. — Оний, приди в свой дом. Нет врагов твоих. О прекрасный юноша, приди, чтобы посмотреть на меня: ведь я твоя сестра, которую ты любишь; не уходи от меня. Онуфрий, вернись в свой дом сейчас же. Я не вижу тебя, и скорбит мое сердце, и ищут тебя глаза мои. Я стремлюсь лицезреть тебя. Могу ли я устать смотреть на тебя... сладостно видеть тебя... Приди к своей сестре, приди к своей жене, приди к своей супруге. Я твоя сестра от одной матери, не разлучайся со мной. Боги и люди взирают на тебя и плачут по тебе. Я взываю к тебе и плачу до высоты небесной, но ты не слышишь моего голоса, хотя я твоя сестра, которую ты любил на земле, и кроме которой ты не любил никакой другой, о брат мой!».

«О прекрасный князь, — вторит ей Нефтис, — приди в дом твой возрадовать сердце твое. Ни одного из врагов твоих здесь нет; это — две твоих сестры возле тебя; они охраняют смертное ложе твое и с плачем зовут тебя; повернись на ложе, чтобы увидеть сестер твоих. Приди взглянуть на сына твоего Гора, царя богов и людей, он совер-

шает обряды для тебя, Тот произносит заклинания, он призывает тебя молитвами; дети Гора стерегут тело твое... Приди к сестрам твоим, князь наш, владыка наш. Не отходи больше от нас!»

Из слов причитаний видно, что в погребении Озириса принимают участие также божества Тот и Гор младший. Все они вместе завертывают труп в погребальные пелены, совершают над ним надлежащие обряды погребения, производят магические заклинания и действия, и умерший... воскресает.

Но воскресший не желает более быть владыкой живых: он отныне делается царем над умершими, их судьей, почему и получает наименование Властелина подземного царства, Владыки вечности, Правителя усопших, и т. п.

Итак, Озирис — страдающее, умирающее и воскресающее божество, а его страдания, трагическая смерть и воскресение — центральные моменты, основные мотивы соответствующих египетских мифов.

Какова же природа этого «христа» и какова подкладка этих мифов?

2. Египетские земледельческие праздники.

«Дата, когда справляют праздник в честь какого-либо божества, — говорит Фрэзер, — часто дает нам драгоценное указание на природу этого божества. Так, если праздник справляется в новолуние или полнолуние, мы можем думать, что чествуемым божеством является луна, или что оно носит лунный характер. Наоборот, если праздник приходится на зимнее или летнее солнцестояние, мы легко можем допустить, что богом его является солнце, или что он стоит в прямой связи с этим светилом. С другой стороны, если праздник справляется во время посева или жатвы, мы заключаем отсюда, что их божество олицетворяет собою землю или хлеб».

Под этим календарным и хозяйственно-производственным углом зрения рассмотрим теперь религию Озириса. И вот мы замечаем здесь такое показательное явление: все важнейшие народные праздники, так или иначе связанные с именем Озириса, падают на важнейшие в хозяйственном году населения моменты. Рассмотрим эти праздники и вообще распорядок этого года.

Как известно, древние египтяне были народом земледельческим, и все их благосостояние зависело от сбора хлеба. В свою очередь, этот сбор хлеба зависел от ежегодных разливов реки Нила, так как Египет в продолжение всего года почти лишен дождей и орошается только распределяемой по целой системе каналов и плотин нильской водой. Поэтому повышение воды в реке было радостным событием, приветствовалось обитателями нильской долины, причем если половодье было незначительным или чрезмерным, стране неминуемо угрожал голод.

Вода в Ниле начинала прибывать в начале июня, в половине июля река выходила из берегов и разливалась по стране. В конце сентября наводнение достигало своей высшей точки, и Египет превращался в огромную, бурливую водную поверхность, над которой там и сям выступали в виде островков города и деревни, построенные на более возвышенных местах. Около месяца вода стояла на одном уровне, затем начинала постепенно спадать и в декабре или январе река входила в свое русло.

С приближением лета уровень воды продолжал уменьшаться, и в первых числах июня река сужалась до половинного своего размера. В то же время, под действием знойных лучей африканского солнца и под влиянием иссушающих ветров с соседней пустыни Сахары, Египет снова превращался в пустыню, и так — до нового разлива Нила. Сообразно и в связи с этим распределялся хозяйственный год древних египтян и распорядок их праздников.

Первым главным моментом этого года, отмечавшимся особым праздником, было поднятие уровня воды в Ниле. Египтяне говорили, что подъем реки происходит от слез Изиды, кои она льет в это время, плача по своему умершем супруге. Это обстоятельство дает нам основание предполагать, что в лице оплакиваемого божества мы имеем дело с божеством хлеба и вообще растительности. Действительно к этому времени жатва в Египте заканчивалась, поля оголялись, трава на лугах увядала или скашивалась: благодетельный бог лежал мертвым, бездыханным, растерзанным, оплакиваемым своей супругой.

В чем заключался самый праздник, каковы были совершавшиеся на нем обряды, — сведений об этом до нас, к сожалению, не дошло. Календарной датой его была ночь на 12 и самое 12 июня. Если мы возьмем теперь этот праздник 12 июня и присоединим сюда то обстоятельство, что одним из употребительнейших именовании Озириса у египтян было «Уннофер» или «Онуфрий», т. е. «благое существо», то, заметим кстати, получим христианский праздник в честь «святого Онуфрия», справляемый церковью 12 июня, — пример заимствования и христианизации церковью одного из элементов древнеегипетского, «языческого» культа и пантеона.

Мало мы знаем и о другом египетском празднике, связанном со вторым важным хозяйственным моментом, — с ломкой, разрушением плотин, чтобы воды разливающегося Нила могли проникнуть в каналы, а по ним — и на поля. Некоторое представление о нем дает нам совершающийся поныне в Каире один обряд, — наследие далекого прошлого.

Здесь имеется старинный канал Калидж, некогда пересекавший город пополам и в самом начале своем прегражденный особой плотиной. И вот, когда вода в Ниле начинает выходить из берегов, на берегу, около плотины, устраивают из земли холмик в виде усеченного конуса и на вер-

шине его сеют немножко маиса или проса. Холмик этот называют «повенчанной, обрученной», а предание добавляет, что некогда с него бросали в прибывающую воду, в качестве жертвы, богато украшенную и разодетую молодую девушку, дабы обеспечить себе обильный разлив Нила.

Пред нами — магический обряд с целью сделать воды реки не только обильными, но и плодоносными, плодотворными для полей и тем обеспечить богатый урожай хлебов. Эту же цель — повышение урожая — преследует и другой, совершающийся на этом празднике и засвидетельствованный также и в древности, магический обряд — обычай бросать деньги в воду.

Третьим и самым главным хозяйственным моментом у египтян-земледельцев, отмечавшимся и самым главным у них праздником, был посев хлебов. Приходился он на ноябрь месяц — египетский Атир, когда Нил входит в свои берега, оставляя после себя на полях толстый слой плодородного ила. Крестьяне выходили тогда на поля, бросали в еще не успевшую просохнуть, вязкую почву зерна и втоптывали их ногами или с помощью скота. В начале этого периода ими праздновался самый главный праздник — «смерть и воскресение Озириса», своего рода египетская пасха.

Начинался он 17 Атира — 13 ноября — и продолжался четыре дня. Первый день носил скорбный характер: вспоминалась трагическая смерть «спасителя» и происходило его погребение. Верующие одевались в траурные одежды, плакали, били себя в грудь и всячески старались показать свою скорбь. В храмах в это время жрецы разыгрывали в лицах страстную историю Озириса: один из них, одетый под Изиду, ходил и с плачем отыскивал растерзанные части божества; другие, игравшие роль Нефтис, Тот и Гора, помогали богине восстановить тело супруга. Нефтис вме-

сте с Изидой совершала над трупом-статуей погребальный плач, часть слов коего мы привели выше, затем происходило погребение.

Наряду с этим проделывался другой обряд: жрецы брали землю, смачивали ее речной водой, смешивали с хлебными зернами, ладаном и благовониями, из этой массы лепили маленькую статую в виде лунного серпа (один из символов Озириса), одевали ее в роскошные погребальные одежды и с похоронными церемониями зарывали в землю.

19 Атира — 15 ноября — было самым торжественным и радостным моментом этого многодневного праздника. Верующие шли к морю, там жрецы лили воду в золотой сосуд, после чего раздавались радостные крики, что Озирис обретен, воскрес. Это воскресение египетского «христа» изображалось в тот день и в храме: жрецы проделывали над статуей его все те магические действия, кои, якобы, в свое время проделывала над трупом божества Изида с Нефтис, Тотом и Гором, и, повидимому, посредством особых приспособлений приподнимали статую на его погребальном ложе.

Итак, страдающий и умирающий Озирис воскресает на третий день.

Из всего ритуала этого праздника, египетской «пасхи», обряд лепки из земли и хлебных зерен изображения божества и погребения его в земле определенно говорит нам или подтверждает, что в его лице мы имеем дело с божеством хлеба, хлебных злаков, и что самый праздник связан с началом посева после спада нильских вод.

Прекрасное подтверждение этого мы находим в описании того, как данный праздник справлялся в некоторых провинциях Египта в месяце Хойаке (декабре). Дело в том, что благодаря большому протяжению нильской долины и разнице местных условий в некоторых областях ее спад вод, а отсюда — начало посева и самый праздник имели место

не в Атире — ноябре, а несколько позднее: в месяце Хой-аке — декабре.

На стенах Дендерского храма сохранилась большая надпись, описывающая нам обрядовую сторону этого декабрьского праздника, причем так, как он справлялся в разных местах. Длился он восемнадцать дней — с 12 по 30 число месяца, — причем специально к нему лепились из земли и хлебных зерен маленькие изображения Озириса, которые втискивались в золотую форму, изображавшую его в виде мумии с белой короной Египта на голове.

Праздник начинался 12-го числа обрядом пашни и посева: в деревянную соху с бронзовым сошником впрягали двух черных коров, за ними шел мальчик и разбрасывал семена. Один край священного поля засевался ячменем, другой — пшеницей, середина — льном. Жрец в это время читал вслух по служебнику главу «О засеве полей».

20-го числа в г. Бузирисе имел место другой обряд: брали так называемый «садик» — горшок, наполняли смоченной землей и сеяли в нем быстро прорастающие зерна ячменя. Все это проделывали перед деревянной, вызолоченной статуей коровы, внутри которой находилось изображение обезглавленного человека и которая изображала собой богиню-корову Шенти. Затем золотым сосудом почерпали воду, лили ее на богиню и «садик» и таким путем старались ускорить прорастание ячменя, долженствовавшее магически вызвать и символизировать воскресение умершего и погребенного растительного спасителя.

22-го числа статуя Озириса вместе с изображениями тридцати четырех других божеств совершала плавание на тридцати четырех лодочках из папируса (тростника), освещаемых тремястами шестьдесятю пятью светильниками (по числу дней в году).

24-го числа, после захода солнца, в могилу опускали деревянный гроб Озириса, а в девятом часу вечера вынимали

положенную еще в предыдущем году статую его и помещали ее на ветви сикоморы.

30-го числа отправлялись в священную могилу, — подземную комнату в храме, — входили в нее через западную дверь, в находящийся там гроб торжественно клали изображение умершего божества и выходили из комнаты восточной дверью.

На этом заканчивается в Дендерской надписи описание обрядов декабрьского праздника. Места ее, говорящие о воскресении Озириса, очень туманны и запутанны, но их хорошо заменяют сопровождающие надписи и сохранившиеся резные картины-иллюстрации (барельефы). В целом ряде рисуемых там сцен изображается, как умерший бог в виде мумии лежит на погребальном ложе, как он затем медленно поднимается, покидает свое ложе и, наконец, становится между двух крыльев охраняющей его Изиды, а другое божество держит перед его носом крест — египетский символ жизни.

В Фивах, в храме Изиды, в зале Озириса, имеется еще более красноречивое изображение: на погребальном ложе лежит труп — изображение Озириса, из трупа растут колосья ячменя, и жрец поливает их из увенчанного крестом сосуда с водой. Сопровождающая эту картину надпись поясняет, что «это — образ того, кого нельзя назвать, — Озириса таинств, рождающегося после спада вод».

Фрэзер, у коего мы позаимствовали сообщение о декабрьском празднике и изображениях Озириса, по поводу последнего примера говорит: «взятые вместе эти картина и надпись, думается, доказывают определенно, что в лице Озириса мыслили и представляли олицетворение хлебных злаков, произрастающих из земли после того, как она была оплодотворена разливом. Судя по надписи, это было центральным моментом таинств, мистерией, глубочайшей тайной, открываемой посвященным.

Мы можем теперь понять, почему на великом празднике посева, в месяце Хойаке, жрецы погребали сделанные из земли и хлебных зерен изображения Озириса. Когда, в конце года или еще раньше, вынимали эти изображения, то находили зерна проросшими из тела Озириса и это приветствовали, как предсказание или, вернее, как причину роста хлебов. Бог хлеба произрастал из самого себя хлеб, он отдавал свою плоть, чтобы питать народ; он умирал, чтобы мог жить народ».

Самый момент прорастания зерна и появления первой зелени на полях подводит нас к рассмотрению другого большого праздника древних египтян — «рождества Озириса».

Плутарх определенно говорит, что рождение этого божества отмечалось ежегодным праздником, из других же источников мы узнаем, что последний справлялся 6-го или, вернее, в ночь с 5 на 6 января. Что происходило тогда, какие совершались обряды, — некоторую картину этого рисует нам церковный писатель Епифаний Кипрский. В своем полемическом произведении «Об ересях» он отмечает, что рождение Иисуса Христа и соответствующий христианской праздник «рождества Христова» падают на 6 января, а далее пишет так:

«И первоначальники идольского служения, вынуждаемые признать отчасти истину, хотя и с обманом, к обольщению доверившихся им идолослужителей, во многих местах справляют в сию самую ночь богоявления (с 5 на 6 января) величайшее празднество для того, чтобы понадевавшиеся на заблуждение не искали истины.

Во-первых, в Александрии (в Египте), в так называемом Корионе; это — обширный храм, т. е. капище Коры. Здесь целую ночь проводят в бдении, какими-то песнями со свирелями воспевают идола и по совершении всеобщего торжества, после пения петухов, сходят со светильниками в

какое-то священное подземелье и выносят оттуда некоего голого деревянного истукана (статую), сидящего на носилках, с раззолоченною печатью креста на челе и еще с двумя такими же печатями на обеих руках и с двумя другими также на двух коленах, а всего с пятью печатями (крестами), оттиснутыми из золота.

Этого истукана обносят семь раз вокруг середины храма со свирелями, тимпанами и песнопениями, и после этого ликования уносят истукана опять в подземное место. На вопрос же, что это за таинство, отвечают словами: «сегодня, в сей самый час, Кора, — что значит: Дева, — родила Эона», т. е. Век.

Этим Эоном-Веком является все тот же Озирис, а Корой-Девой — небесная богиня, его мать, и после разрешения от бремени оставшаяся, по верованиям египтян, девой, девственницей.

Итак, своего сына Озириса она рождает в ночь с 5 на 6 января. Почему? Потому что в самом начале, в первых числах января, прорастают посеянные в ноябре зерна и на полях появляется первая зелень. Что между этими хозяйственным моментами и рождением Озириса действительно была внутренняя связь, — прямое свидетельство об этом дает нам опять-таки Плутарх. Он пишет: «они (египтяне) говорят, что Озирис погребен, когда хоронят зерно в землю; что он возвращается к жизни и появляется на свет, когда ростки начинают всходить».

Из этого ценного для нас сообщения мы видим, что у египтян идея рождения Озириса переплеталась с идеей его возрождения и воскресения. Действительно, прорастание незадолго до того погребенных-посеянных зерен, появление первой зелени является или мифологически может рассматриваться и изображаться одновременно и как рождение, и как возрождение, и как воскресение растительного бога — зерна.

Что же касается самой даты праздника — ночь с 5 на 6 января, — она находит простое объяснение в том, что на этот момент в египетском календаре приходились середина — перелом зимы и первое после зимнего солнцестояния полнолуние, с каковым, как и вообще с фазами луны, древние ставили в связь рост растительности и вообще жизнь хлеба.

Оставляя пока в стороне вопрос: имеет ли и, если — да, то какое отношение это «рождество Озириса» к одному из древнейших христианских праздников, — к январскому «рождеству Христову» (6 января), позднее названному «богоявлением» и «крещением», — скажем несколько слов еще об одном египетском празднике.

Падал он на начало весны и жатвы хлебов, причем носил одновременно и радостный и скорбный характер. В чем он заключался, мы точно не знаем; нам известна только одна, но зато весьма характерная деталь его, сообщаемая Диодором Сицилийским. Последний рассказывает, что египетские крестьяне, срезая первые колосья, сжиная первый сноп, падали на землю, били себя в грудь, скорбели, жалобно призывали Изиду и пели печальную песнь — манерос.

В объяснение этого, непонятного грекам, названия говорили, что Манерос был молодым, рано умершим сыном египетского царя, научившим народ земледелию, и что его-то смерть и оплакивали при жатве. В действительности же это слово является начальной фразой египетских обрядовых причитаний — плача по умерщвленному Озирису — и означает: «маа-не-хра» — «вернись к нам».

Данное обстоятельство, взятое вместе с другими: скорбью, призывами к Изиде и пр., проливает свет на характер разбираемого весеннего праздника: срезая колосья, египтяне, по их верованиям, умерщвляли, разрезали, рассекали на части своего растительного бога, при-

ста Озириса. Вот почему радостный для них, как земледельцев, момент начала жатвы соединялся с мотивами скорби, печали, с представлением, что они умерщвляют своего «господа», супруга Изиды. Вместе с тем, сжиная первые колосья, умерщвляя и оплакивая Озириса, они призывали его вернуться к ним опять, т. е. магическими обрядами и причитаниями-заклинаниями старались обеспечить себе и на следующий год возвращение растительного божества, — урожаем хлебов, а на этот год — обильный умолот.

Этим заканчивался цикл главных египетских праздников, связанных с жизнью ишвы, хлеба и Озириса.

3. Озирис — божество зерна, растительности, плодородия и мертвых.

Подведем теперь итоги сказанному и сделаем соответствующие выводы.

Обзор праздников Озириса показал нам, что они и совершавшиеся на них обряды неразрывно связаны с земледелием и жизнью нивы, и что чествуемое на них божество является богом зерна, хлеба. Больше того, мы видим также, что основные, главные моменты «истории» этого египетского христа приходятся на решающие производственные моменты хозяйственного года египтян.

Действительно, Озирис рождается и его «рождество» празднуется в момент появления первой зелени на полях. Он умерщвляется весной, в момент начала жатвы. Поиски его трупы и оплакивание длятся все то время, когда поля после жатвы стоят оголенными, растительная жизнь в стране кажется замершей. Самое оплакивание приходится на поднятие воды в Ниле вследствие таяния снегов и дождей в его верховьях. Далее следует решающий момент и главный праздник погребения божества, когда начинается посев, после спада вод. Последующее прорастание посеян-

ных зерен охватывает собой воскресение, возрождение и рождение «спасителя».

История страдающего, умирающего и воскресающего Озириса — история хлеба, зерна, а сам он — божество хлеба или обожествленный хлеб.

Если мы учтем теперь основное положение, что в каждой религии всегда сначала складываются обрядовая практика, обряды, культ, и только потом на этой основе создаются мифы и учение, мы легко поймем происхождение и начальный смысл мифологии Озириса. Обрядовая практика его праздников и вообще культа сложилась из тех магических действий и заклинаний, кои пускались в ход древними египтянами-земледельцами с целью искусственно, магически вызвать и обеспечить себе желанный разлив Нила и орошение полей, затем — благоприятный посев, хороший всход, рост хлебов и, наконец, богатый, обильный урожай.

Центральным мотивом всех сказаний об Озирисе являются его смерть и погребение, главным его праздником были смерть и погребение, главным моментом хозяйственного года египтян был посев и главным магическим обрядом египтян было, скажем теперь, ритуальное, обрядовое погребение зерна. Об этом свидетельствуют нам древние источники, сообщая, что посев хлебов египтяне начинали с того, что погребали, хоронили зерно со всеми теми обрядами, кои они применяли при погребении человека.

Однако и это еще не все, ибо самый мотив магического «погребения» зерна — мотив смешанный: в него уже привзошел позднейший элемент анимистический, связанный с культом мертвых. Если этот элемент отбросить, то пред нами предстанет основной, первоначальный и чисто магический момент — магический посев первого зерна, а если проделать такой же процесс вышелушивания основного ядра и в отношении остальных обрядов, то получим,

опять-таки, чисто магические обряды, совершавшиеся при появлении зелени, затем — жатвы первых колосьев и в начале поднятия воды в Ниле. Эти-то чисто магические обряды, связанные с трудовой, производственной деятельностью земледельческого населения Египта, и послужили первоосновой культа и мифологии Озириса.

Мы говорим — «первоосновой» культа и сказаний, так как в том виде, в каком они выступают пред нами в наших источниках, они уже представляют собою пеструю смесь первоначальной магии и позднейшего анимизма, отчего выводится и сам Озирис с чертами духа и божества зерна, хлеба, нивы. Это переплетение магизма и анимизма и ряда других элементов мы видим в обрядовом погребении первого зерна крестьянами при посеве, это мы наблюдали также в том же, но только усложненном жрецами, храмовом обряде погребения слепленного из смоченной земли, зерен и ладана изображения Озириса, это же выступает еще и в другом обряде: разрывании на части человеческих жертв.

Древние авторы определенно сообщают, что египтяне сжигали рыжеволосых людей и пепел их разбрасывали по полям с целью сделать последние более плодородными и вызвать рост хлебов. Несомненно, что первоначально эти жертвы разрывались на части, а эти части зарывались в отдельных местностях на полях. Это — смешанно-магический обряд, где разрываемая и погребаемая жертва замещала и олицетворяла собою растерзываемого духа и бога хлеба Озириса, на что частично намекает и самый цвет волос избираемых жертв — рыжий, т. е. цвет спелого зерна и золотистого колоса.

Показательно также, что в жертву Озирису приносились быки обязательно рыжей масти, причем из них браковались те, кои имели на себе хоть один волосок или шерстинку белого или черного цвета. Эту связь цвета волос жертв с цветом зерна отмечает и Фрэзер. Он говорит:

«Если эти человеческие жертвоприношения имели целью вызвать урожай (а развеивание их пепла, как будто, подтверждает данное предположение), то рыжеволосые жертвы избирались, быть может, потому, что они лучше олицетворяли духа золотистого зерна. Когда бога изображала живая личность, то избирали человека, похожего на божественный оригинал.

Так, древние мексиканцы, представлявшие себе маис в виде личного существа, обычный ход жизни коего проходит в период между посевом и жатвой, в момент посева приносили в жертву новорожденных детей, в момент прорастания зерен маиса закалывали детей более взрослых и т. д., наконец, когда маис созревал, они умерщвляли в жертву стариков».

Возвращаясь опять к Озирису, заметим теперь, что смешанный обряд разрывания рыжеволосых жертв, переплетенный с древнейшей, первоначальной магией срезания первых колосьев, и повлек за собою создание мифологического мотива растерзания и разбрасывания, затем — погребения частей трупа Озириса Сетом и Изидой. Деталь же, что Озирис был рассечен на четырнадцать частей, кусков, может быть, намекает на то, что он, т. е. хлеб и занятие земледелием, кормил собою, питал четырнадцать областей древнего Египта. В этих попытках понять первоначальную подкладку и историю мифов и культа Озириса можно сделать еще шаг дальше.

Так, древние авторы сообщают, что при магическом обряде погребения зерна крестьянами при посеве последние руками рыли или делали ямки и клали туда зерно. При устойчивости магических обрядов нельзя ли видеть здесь пережиток той эпохи, когда земледелие только начиналось и производилось вручную, без знания и применения простейших орудий — палок и мотык? И нельзя ли в большой роли, отводимой в культе и сказаниях об Озирисе богине Изиде, видеть отражение того, что первоначально земледелие вообще, посев в частности были занятием женским, женщин?

Но как бы ни объяснять все это, ясно, неоспоримо одно: египетский христос-Озирис, в том виде, как он выводится перед нами, был духом, божеством и олицетворением зерна, хлеба; недаром одним из именований, прозвищ его было «Посев» или «Жатва». Однако, всем этим природа его не исчерпывается: он был также божеством растительности вообще, деревьев в частности. Общерастительный характер Озириса, думается, не нуждается в пояснениях или подтверждениях, поскольку сам он — божество хлебных злаков и поскольку все, отмеченное нами относительно жизни нивы, распространяется и на жизнь лугов.

Так, после спада нильских вод, когда засеянные поля начинают покрываться зеленью, зеленью же покрываются и луга. Весной происходит не только жатва хлебов, но и покос; затем земля постепенно оголяется, лишается растительности не только от жатвы и покоса, но и от знойного, иссушающего влияния африканского солнца, а также ветров с пустыни Сахары. Недаром сами древние в коварном брате Сете, убивающем Озириса, видели олицетворение этой именно пустыни с ее ветрами, которая давно бы превратила Египет в продолжение себя самой, т. е. тоже в пустыню, не будь благодетельных, ежегодных разливов Нила.

Не менее ясна связь Озириса и с деревьями, его «древесный» характер.

Древний автор Фирмик Матерн сообщает об одном египетском обряде: срубали сосну, выдалбливали в ней отверстие, вынимали сердцевину, делали из нее изображение Озириса и хоронили в то отверстие в сосне на целый год. В самих мифах о нем рассказывается также, что его ящик-гроб в городе Библе был заключен в стволе дерева и что там-то нашла его Изида. Это самое выражалось еще тем, что гроб с мумией — трупом божества — рисовали оплетенным ветвями дерева. «Древесным» же характером Ози-

риса жрецы объясняли запрет вредить плодовым деревьям, а также засорять колодцы и прочие водные источники, столь необходимые для растительности в знойной Африке.

Особенно тесная связь была у Озириса с виноградной лозой. В мифах сообщается, что он первый научил людей разводить виноградники, ухаживать за ними и изготавливать виноградное вино. На стенах храмов он часто изображался сидящим в беседке, с крыши которой свешиваются спелые гроздья винограда, или на берегу пруда, около обремененной гроздьями виноградной лозы.

Однако и это еще не все: тесная, внутренняя связь Озириса с растительностью и ее жизнью логически приводила к представлению о связи его с плодородием вообще. В нем видели ту творческую, производительную силу природы, которая вызывает и способствует продолжению растительного, животного и человеческого рода. Эта сторона его ярко выступает, например, в следующем обряде: во время его праздника женщины носили сделанное из дерева большое изображение его полового органа, причем посредством особых приспособлений двигали его взад и вперед, подражая половому акту. Смысл этого обряда ясен: женщины старались магически вызвать и обеспечить плодородие нив, рост хлебов, а также свое чадородие.

Эту идею выражали также огромные фаллы — изображения полового органа божества, стоявшие в египетских храмах и украшенные различными плодами и злаками. На это же намекают и гимны — песнопения, говорящие, что благодаря Озирису «мир произрастает и зеленеет», и что он является «отцом и матерью человеческого рода», живущего его дыханием и питающегося его плотью. Такая связь божества с плодородием, продлением жизни в природе вызывает вопрос: в каком отношении оно находилось к противоположному всему этому моменту и явлению, — к смерти?

Центральным, главным праздником Озириса было чествование его смерти и воскресения, в мифах о нем последние моменты тоже являются основными, и, наконец, в мифах же говорится: определенно, что спаситель после своего воскресения сделался царем подземного царства и судьей над умершими. Все это, вместе взятое, вскрывает нам еще одну сторону Озириса: он — также божество умерших.

По верованиям древних египтян, смерть Озириса с его последующим воскресением имела спасительный для людей и искупительный характер: она обеспечивала им продолжение их существования там, за гробом, личную загробную жизнь. Эта идея хорошо выражена в часто встречающейся на надгробных памятниках-пирамидах надписи: «Как жив Озирис, так и он (покойник) будет жив; как не умер Озирис, так и он не умрет; как не погиб Озирис, так и он не погибнет». Однако эта загробная жизнь возможна только при одном обязательном условии: если при погребении умерший будет магически отождествлен с названным божеством.

В связи с этим стоит погребальный ритуал египтян, суть коего вкратце сводится к следующему: когда человек умирал, над ним проделывались все те обряды, кои в свое время, якобы, проделали Изида, Гор и другие божества при погребении Озириса. Умерший наделялся именем Озириса, жена умершего именовалась тогда Изидой, сын — Гором и т. д. Над трупом проделывали фактическое или фиктивное (мнимое) рассечение, затем сложение рассеченных членов, и путем магических формул-заклинаний вызывали мнимое его воскресение. Этим объясняется то, что при раскопках в Египте в могилах было найдено много трупов, рассеченных на части и затем сложенных вместе, на манер Озириса.

Шли еще дальше... При погребении трупы иногда осыпались зернами пшеницы и ячменя, как это делалось с

изображениями погребаемого божества, причем прорастание этих зерен должно было магически влечь за собой и символизировать воскресение умершего. Эту же цель преследовали магические обряды или обычаи класть сделанное из смоченной земли и хлебных зерен изображение Озириса или в самую мумию, или, что чаще, вообще в могилу.

Так, например, в могиле одного умершего за полторы тысячи лет до христианской эры «носителя царского опахала» среди массы разного рода предметов было найдено при раскопках погребальное ложе, на котором лежал сделанный из тройной материи матрац. На матраце было нарисовано изображение Озириса в натуральную величину, а внутри находилась смесь из земли, ячменя и клейкой жидкости, причем оказалось, что зерна проросли и дали ростки в 5—8 сантиметров.

Другой пример: на кладбище, близ города Кинополя, было найдено много зарытых в землю, погребенных изображений Озириса. «Они были сделаны из завернутых в матерью хлебных зерен и более или менее приближенно имели форму Озириса. Помещены были они в особом углублении в одной из стенок могилы, заделанном кирпичами, причем одни из этих изображений находились в маленьких глиняных гробах, другие — без гробов».

Итак, при погребении путем магических обрядов и формул старались уподобить умершего Озирису и тем обеспечить ему судьбу последнего, т. е. загробное существование и воскресение. Покойник, над которым были проделаны все надлежащие обряды, по верованиям египтян, становился подобием Озириса и, в качестве такового, отправлялся в свой дальний путь, провожаемый словами:

«Пришли к тебе твой дух и твоя сила, как к богу, наместнику Озириса; твоя душа в тебе, твоя сила позади тебя, твоя корона на тебе, твоя диадема на твоём плече... Служители бога позади тебя, и знатные боги перед тобой и восклицают: «идет бог! Идет бог!»

Идет этот имл рек на трон Озириса! Идет этот славный дух!» Иианда говорит с тобой, Нефтис тебя приветствует; прославленные духи подходят к тебе и кланяются; они целуют прах пред ногами твоими... Ты проходишь пред твоею матерью, Нут; она дает тебе руку, она указывает путь к горизонту, к месту, где пребывает Ра. Открыты тебе врата неба, отверсты тебе двери Кебху (прохлады); ты находишь Ра стоящим. Он подымает тебя, берет тебя за руку, ведет к двум святилищам неба, помещает на трон Озириса.

О, имя рек! Идет к тебе око Гора и называет тебя. Идет к тебе твоя душа, пребывающая среди богов. Идет к тебе твоя сила, пребывающая среди прославленных духов... Ты стоишь, имя рек, защищенный, снабженный, как бог, украшенный образом Озириса. Ты делаешь то, что он когда-то делал среди прославленных духов — неразрушимых звезд... Говорит тебе Ра: «О, имя рек, я даю тебе жизнь, я даю тебе речь твою, я даю тебе тело твое. Ты принимаешь образ божий; ты велик там, у богов... О, имя рек, душа твоя стоит среди богов, среди прославленных духов, страх твой против сердец. Живо имя твое на земле, старо имя твое на земле. Ты не уничтожаешься, ты не погибнешь вовеки веков».

Уподобленный Озирису умерший, вернее, его душа, отправлялся в путь, к судилищу этого божества. Там, в зале суда, пред лицом самого Озириса и 42 других судей (по числу округов Египта), умерший давал отчет о своей земной жизни, затем происходило взвешивание его грехов и благих дел. В зависимости от того, что перевешивало, решалась дальнейшая участь: душа умершего или поступала в распоряжение чудовищных духов для мучений и уничтожения, или отправлялась в райские обитатели, на покрытые зеленью поля Аалу, в «место злачно, место прохладно».

До нас дошло много изображений этого загробного суда, где мы видим следующее: на судебном кресле-престоле сидит в качестве председателя Озирис, рядом с ним — прочие судьи; на больших весах взвешиваются — на одной чашке — сердце умершего, на другой — перо справедливости. Загробный секретарь — бог Тот — записывает ре-

Зультаты взвешивания; здесь же — чудовищные духи и душа умершего.

Эта загробная сцена суда, заметим кстати, сложилась, конечно, под влиянием «земных» условий и хорошо отражает сложную бюрократическую систему управления Египта, где все и всегда обстоятельнейшим образом «взвешивалось», записывалось, отмечалось целой армией разного рода чиновников, писцов и пр.

Помимо изображений указанной сцены до нас дошла и самая речь или отчет умершего, делаемый им пред Озирисом. Он говорит там:

«Вот я пришел к тебе, владыка правды; я принес правду, я отогнал ложь. Я не творил несправедного относительно людей; я не убивал своих ближних, я не делал мерзости вместо правды. Я не знал того, что преступно. Я не делал зла. Я не отдавал приказаний работать на меня ежедневно больше, чем (должно быть) сделано для меня. Не превысило имя мое своего сана, не заставлял я рабов моих голодать, не был виновником бедности нищих. Не делал я того, что для богов мерзость, не осуждал никого пред начальством, не причинял страдания, не заставлял плакать, не убивал и не заставлял убивать. Не причинял боли никому. Не уменьшал хлебов в храмах, не убавлял пища богов, не исторгал заупокойных даров у покойников.

Не развратничал я, не был чувственен в святилище моего городского бога. Я не уменьшал меры зерна, не убавлял меры длины, не нарушал меры полей, не увеличивал весовых гирь, не подделывал стрелки весов. Я не отнимал молока из уст младенцев, не вводил скота с чужого пастбища, не ловил птиц богов, не ловил рыбы в их прудах. Я не задерживал воду в подобающее время (в оросительных каналах на полях), не преграждал плотиной воды текущей, не гасил лампы в назначенный для горения час, не преступал против девяти главных божеств в жертвенных дарах, не наносил ущерба храмовому скоту, не задерживал бога в его выходах. Я чист, я чист, я чист, я чист, я чист».

Этот отчет хорошо рисует нам социальную жизнь древнего Египта, он дает нам также представление о господ-

ствовавших там моральных понятиях, но наряду с этим он же дает нам и нечто другое.

Отчет составляет часть 125-й главы, так называемой, «Книги мертвых», которую клали при погребении вместе с покойником в могилу и которая дошла до нас во многих экземплярах. В этой огромной книге, — путеводителе по загробному миру, — дается самое подробное описание и указание того, что душа умершего встретит на своем пути и что она там должна будет говорить и делать. Описываемые в ней действия и приводимые в ней формулы носят магический характер: правильное, безошибочное исполнение их всех обеспечивает, по мысли египтян, успех на загробном суде и последующее райское блаженство.

Можно здесь, на земле, жить, как хочешь, делать, что хочешь, надо только приобрести у жрецов продаваемую ими за деньги эту магическую «Книгу мертвых», взять ее с собой на тот свет, по ней там, после смерти, совершить и сказать, что требуется, и этого довольно. В частности, правильное произнесение отчета или исповеди магически должно было вести к тому, что загробные судьи обязаны признать за чистую монету, за действительность все то, что там говорится, и, значит, оправдать покойника.

Кто мог рассчитывать на это и пользоваться этой магической книгой? Только и только те, кто ее мог купить, приобрести и по ней умел читать, был грамотным, т. е. только и только богатые, состоятельные лица: низшие классы, трудовое население Египта, были и бедны, и неграмотны, — «золотая» книга была не для них.

Выступающее пред нами, глубоко вкоренившееся и широко распространенное верование в загробное существование и возможность телесного воскресения из мертвых предполагало соответствующее отношение к телесным останкам умершего и его душе. Отсюда — характерный для египтян обычай мумификации.

Когда умирал кто-либо из класса имущих, труп его омывали и потрошили: вынимали мозг из головы и внутренности. Затем этот труп погружали на несколько недель в особый рассол, чтобы он там пропитался предохраняющими от разложения солями. После этого тело вынимали, на место внутренностей клали душистые травы и смолы, заворачивали в просмоленные, длинные погребальные бинты-пелены и клали в один или три гроба. Часто лицо покрывалось золотой маской.

Приготовленный таким образом труп называется мумией. Самый гроб покрывали изображением умершего и различными биографическими и магическими надписями, причем в него вместе с мумией клалась и знакомая нам магическая «Книга мертвых». Разумеется, для менее состоятельных применялся более простой и дешевый способ мумификации, беднота же, повидимому, зарывалась прямо в песок.

Чтобы предохранить мумию от всякого рода нежелательных случайностей, ее с гробом помещали в огромные надмогильные сооружения-пирамиды, в разного рода гробницы и т. д., причем самое местонахождение трупа скрывалось, а специальные надписи умоляли, заклинали или грозили не тревожить его. Разрушение, уничтожение трупа, по мысли египтян, лишало умершего возможности телесно воскреснуть.

Вместе с трупом-мумией в могилу помещались также различные вещи, коими умерший пользовался при жизни и коими он мог бы пользоваться после смерти в своем загробном существовании. Это были различные драгоценности, предметы домашнего обихода и продукты питания. Стремление навсегда обеспечить всем этим покойника вело к тому, что на стенах могил делались также изображения предметов или последние просто перечислялись в особых надписях, затем над ними произносились маги-

ческие заклинания, долженствовавшие превратить на том свете в действительность то, что здесь только писалось или изображалось. Какую силу придавали здесь этой магии, видно также из того, что в могилы богатей клались деревянные или глиняные изображения крепостных и рабов, и они в силу произнесенных над ними магических заклинаний должны были обслуживать умершего там, за гробом.

Все это налагало определенные обязанности по отношению к умершим на живых. Последние должны были заботиться о том, чтобы произвести над умершим все соответствующие обряды и произнести магические заклинания, надлежало похоронить его, обеспечить всем для загробного существования и поддерживать его периодическими приношениями-жертвами и молитвами — магическими заклинаниями. Отсюда — разного рода надгробные тризны, дни «поминовения» усопших, специальные праздники.

Главным из этих праздников был все тот же праздник смерти и воскресения Озириса. В одну из его ночей египтяне украшали свои дома большим числом горящих светильников, а в домах и перед домами расставляли всевозможные яства. Считали, что в эту ночь умершие возвращаются на землю, к своим родным, в былые свои жилища. Свет горящих повсюду светильников должен был, по мнению одних, помочь умершим легче найти впотьмах путь к дому, а по мнению других, — и это вернее, — наоборот, отогнать их от дома, чтобы они не могли причинить какого-либо зла, несчастья.

Как видим, праздник возвращения умерших является тем же главным у египтян праздником смерти и воскресения Озириса, а это лишний раз подтверждает и выводит его пред нами также в качестве божества умерших, мертвых.

Итак, египетский страдающий, умирающий и воскресающий «спаситель», «христос» Озирис выступил перед нами с чертами божества хлеба, растительности, вообще плодородия и мертвых. Оказалось, что его личность, мифология и культ сложились на почве местных, египетских, хозяйственно-производственных условий, выросли из основного занятия населения — из земледелия и были связаны также с главнейшими, решающими моментами в жизни каждого человека. Отсюда понятно то огромное значение, каким пользовался Озирис и его культ в Египте, что видно, хотя бы, из того, что он считался и был общеегипетским божеством, тогда как прочие боги имели большую частью только местное значение, чтились в одних местах и не признавались в других.

Разумеется, культ этот старательно, деятельно пропагандировался и поддерживался египетским жречеством и правительством: в нем они были заинтересованы и политически, и экономически. Прививая и поддерживая в широких народных массах, состоявших из рабов, крепостных и полунезависимых мелких крестьян и ремесленников, веру в загробную жизнь, в возможность лучшего «там» «райского» существования, указывая на страдальческую, мученическую во имя человечества жизнь и смерть «христа», жрецы тем самым призывали эти бесправные и обираемые имущими классами массы мириться с земным положением и безропотно переносить свое настоящее во имя будущего. Иными словами, они заглушали в народе классовое чувство, старались вытравить классовую ненависть к эксплуатирующим, ослабить в нем волю к власти и изменению социального строя, основанного на насилии и паразитической жизни одних на счет других.

Экономическая заинтересованность жрецов понятна сама собой и не нуждается в пояснении. Известно, как хорошо они были организованы для этого и какими огромными

богатствами они обладали. Маленький пример этого дает нам ценнейший документ, так называемый, «большой папирус Гарриса». Документ этот — отчет, составленный к погребению фараона Рамзеса III и относящийся к XII в. до христианской эры. Из приводимой в нем и далеко не полной описи храмовых имуществ видно, что в то время жрецам и храмам принадлежало «около 15% всей обрабатывавшейся земли в Египте, более 500 садов, до полумиллиона голов скота, флот из 88 судов, более 50 мастерских и верфей, более 160 городов в самом Египте, в Сирии, в Нубии». Впоследствии, с ходом столетий, эти богатства, конечно, все возрастали, увеличивались, и недаром жрецы приписывали потом Изиде, будто она отдала им за почитание Озириса и вообще за служение богам треть всей земли в стране.

4. Мистерии-тайнства Сераписа и Изиды.

Возвращаясь к культуре Озириса, отметим, что он на протяжении столетий и тысячелетий должен был, конечно, отражать собой изменения социального порядка, видоизменяться, усложняться и принимать новые наслоения. Мы не можем проследивать этого процесса и возьмем только последнюю его стадию, падающую на последние века до и первые после начала христианской эры.

В эту эпоху в Египте выдвигается на сцену и делается мировым торговым центром основанный Александром Македонским город Александрия. Множество кораблей, нагруженных египетским хлебом и другими товарами, ежедневно отправляется отсюда и бороздит моря по всем направлениям. Александрийские купцы постепенно захватывают в свои руки всю мировую торговлю, покрывают все соседние и многие дальние страны густой сетью своих торговых контор и отделений. С другой стороны, в Александрию массами съезжаются и там оседают дельцы из других

стран, особенно греки, и смешиваются с местным, египетским населением.

На почве политического (захват Египта греками) и экономического сближения происходит сближение также культурное, — взаимопроникновение египетской и греческой культур. Все это налагает свой отпечаток, отражается и на религии: происходит ее эллинизация. Образы египетских божеств начинают принимать некоторые черты богов греческих, изменяются, лишаются части грубых сторон обряды, новое истолкование получают мифы, богослужение совершается уже на греческом языке и т. д.

Такое изменение происходит и с культом Озириса.

Прежде всего, сам Озирис в условиях мирового, интернационального, торгово-промышленного города принимает черты верховного и всеобъемлющего божества, владыки мира, царя богов и людей, одновременно и грозного, и милостивого, каковыми чертами он сливается с греческим образом Зевса. Изображается теперь он тоже в виде Зевса и только модий, — мера сыпучих тел, хлеба, — выдает еще его растительную природу. В этом своем новом облике он получает и новое имя — Сераписа или Сараписа, каковое, по видимому, произошло от греческого слияния двух египетских имен — Озириса и Аписа (священного быка Озириса, — пережиток тотемизма).

Выдвигается на сцену и занимает выдающееся положение также Изиды — бывшая богиня природы, женского начала в ней и женский эквивалент Озириса, причем она делается теперь матерью всего сущего, богиней земли и в особенности моря, покровительницей мореплавания, морской торговли.

Самый культ их, делающийся отныне государственным, в главной своей части становится тайным, сокровенным, доступным не всем, а только избранным, «посвященным», и в этом случае именуется мистериями-тайнами Сера-

писа и Изида. На египетских судах, вместе с египетскими купцами, служащими, ремесленниками, рабами, товарами, он проникает на острова Средиземного моря, пробирается в Грецию и Малую Азию, затем, позднее, на берега Италии, в Галлию, Испанию и даже далекую, туманную Англию. Отражая на себе политическое и экономическое соперничество с Александрией Рима, тайнства Сераписа и Изида встречают себе здесь сначала недружелюбный прием.

Римское правительство в конце республики всячески препятствует распространению у себя этого египетского культа. Так, в 59—58, 53, 50 и 48 гг. до христианской эры оно пять раз издает сенатские декреты о разрушении храмов и статуй Сераписа и Изида. Первые десятилетия империи проходят под знаком все той же нетерпимости, хотя и ослабляемой постепенно. Но жизнь — экономика и политика — делает свое, и мы видим, что в 38 г. христианской эры император Калигула уже строит огромный храм в честь Изида Полевой на Марсовом поле, в самом Риме. Флавию, Антонины и Северы следуют его примеру; в 215 г. Каракалла воздвигает два роскошных храма — на Квиринале и Целийском холме.

Больше того, Серапис и Изида вводятся в государственную религию Рима, их праздники — в официальный календарь. В третьем веке, в эту эпоху синкретизма — религиозного смешения, — Серапис и Изида получают полные права римского гражданства.

Что же представлял в это время самый культ, т. е. мистерии-тайнства их?

Здесь мы прежде всего остановимся на ежедневном, обычном храмовом богослужении. Распадалось оно на три момента, на три «службы»: заутреню, обедню и вечерню. Заутреня начиналась еще до восхода солнца и носила характер пробуждения божеств. Верховный жрец с бритой,

как у католических священников, макушкой — тонзурой, окруженный целым рядом обычных жрецов и служителей, сначала кадил в храме ладаном, затем окроплял «святой» нильской водой присутствующих верующих и, наконец, обращался к статуям Сераписа и Изиды с таинственными, магическими словами, называя их тайными именами и призывая к пробуждению. В это время возжигался огонь на жертвенниках и в лампадах, пелись надлежащие песнопения. После этого происходило облечение статуй божеств в дорогие дневные одежды и приносились жертвы. Закачивалось все новыми молитвами и «прикладыванием» к изображениям, целованием их.

Обедня имела место около второго часа дня, и центральным моментом ее было поклонение священной чаше со «святой» водой. Сопровождалось это антифонным, т. е. попеременным, пением двух хоров, бряцанием особых погремущек-систров и каждением. Вечером справлялась вечерня с главным обрядом — раздеванием статуй божеств и приготовлением их ко сну.

Более торжественные и более сложные богослужения происходили в праздничные дни. Из последних главными были два: «праздник корабля Изиды» и праздник смерти и воскресения Сераписа-Озириса.

Первый справлялся в первых числах марта, когда после зимнего перерыва возобновлялось плавание по морю, открывалась навигация. Верующие собирались в храме, затем особой процессией отправлялись на морской берег. Впереди шли разного рода «ряженные», за ними украсившая себя цветами толпа девушек — поклонниц богини, с принадлежностями ее священного туалета; далее — смешанные ряды мужчин и женщин, а также музыканты и хор девушек; все это завершала «священная процессия» из жрецов и посвященных, несших изображения божеств и различные священные, непонятные толпе предметы; некоторые из

участников были в масках, одеты под божества. Пели молитвы и гимны.

Когда процессия приходила к берегу, верховный жрец-первосвященник посредством факела, яйца и серы очищал специально сделанный и богато разукрашенный кораблик, давал ему имя, произносил особые магические формулы и молитвы и посвящал кораблик Изиде. Затем совершалось возлияние, и кораблик отталкивался от берега в открытое море, а процессия прежним порядком возвращалась в храм. Там, после расстановки священных предметов, жрец по священной книге читал особые «молитвы за великого императора, за сенат, за войско, за весь народ римский, за мореходство, за мореплавателей, за все то, что в общем составляет благо нашей (римской) империи», а затем произносил отпуст: «Пусть все удалется!» (А пулей, «Золотой о ег»).

Смысл и цель этого весеннего праздника ясны: стремление магически обеспечить счастливое, удачное мореплавание, морскую торговлю, освятить начало ее, призвать благоволение небесной покровительницы ее Изиды. Отсюда следует, что праздник этот — не исконный, народно-египетский, а позднейший, сложившийся под влиянием городской жизни и развития торгового мореплавания.

Характерна здесь торжественная процессия — родоначальница позднейших христианских «крестных ходов» с молебнами; любопытны и отмеченные нами молитвы за императора, сенат, войско и т. д., послужившие первоосновой позднейшей христианской «великой ектении», с ее пятым, шестым, восьмым, девятым, десятым и одиннадцатым прошениями («О благочестивейшем... государе... о всей палате и воинстве... О плавающих, путешествующих... о благорастворении воздушных, о изобилии плодов земных и временех мирных... господу помолимся»).

Вторым и самым главным праздником в таинствах Сераписа и Изиды было, как мы уже сказали, празднование смерти и воскресения «спасителя». Длилось оно три дня и протекало, в общем, так же, как и в древнем Египте, т. е. в первый день оплакивали страдания и смерть Озириса, жрецы разыгрывали все это в храме в лицах, после чего происходило погребение статуи. Второй день — продолжение скорби, оплакивания погребенного божества; третий день — обряд магического воскрешения Озириса и радостное, торжественное богослужение по случаю воскресения божества после трехдневного пребывания во гробе.

Какие были другие праздники и как они справлялись поклонниками Сераписа, — сведений об этом до нас не дошло, зато мы знаем о существовании некоторых любопытных для нас обрядов и таинств, совершавшихся в среде «посвященных». Так, нам известно, что принятие в число последних предварялось длившимся несколько дней «оглашением» новичка, т. е. сообщением ему предварительных сведений и элементов религиозного учения. После оглашения следовало таинство крещения чрез погружение в купель с освященной водой. За крещением шел строгий десятидневный пост и, наконец, самое посвящение, причем оно сопровождалось таинством причащения — ритуальным вкушением «тела и крови спасителя».

Таковы были мистерии-таинства египетского «христа» Сераписа-Озириса и Изиды, обрядовая сторона их культа, сложившегося окончательно и распространявшегося как раз в те века и в тех странах, когда и где зарождалось, складывалось и распространялось христианство.

II. АССИРО-ВАВИЛОНСКИЕ „ХРИСТЫ“ — ТАММУЗ И МАРДУК.

1. Мифы и культ Таммуза.

Если с берегов Нила мы отправимся теперь на берега «райских» рек — Тигра и Евфрата, то найдем, что орошаемая ими древняя Ассирия-Вавилония тоже имела своего «христа», умирающего и воскресающего «спасителя» — Таммуза, чье имя значит: «истинный сын водной стихии».

Обращаясь к рассмотрению его, мы по части мифов находим безотрадную картину: до нас дошли от них лишь жалкие остатки, намеки, замечания, рассеянные там и сям по богатой религиозной литературе «страны бывшего рая», да мотивы некоторых праздников. Если соединить все это воедино, получим, приблизительно, следующее:

Таммуз рождается от преступной связи богини земли Иштар с богом водной стихии Эа. Скрывая свой позор, мать кладет ребенка в тростниковую корзинку и бросает ее в реку. Корзинка приплывает к богине подземного царства Эрешкигал, и ребенок делается ее пленником. Мать требует его обратно. По приговору божественного суда постановляется, что Таммуз одну половину года должен принадлежать адской царице и находиться у ней, а на другую половину года выходить из подземного царства и пребывать у матери.

Таммуз подрастает, превращается в красавца-юношу, мать Иштар влюбляется в него и делает своим возлюбленным, но смерть в конце лета и начале осени уносит его. Неутешная возлюбленная отправляется тогда в подзем-

ное царство за «живой водой» и сама делается пленницей Эрешкигал. Со смертью юноши и уходом Иштар на земле замирает вся жизнь, прекращается всякое рождение. Тогда верховный бог Ану повелевает владычице ада выпустить, освободить богиню и дать ей желаемую воду. Получив последнюю, мать окропляет ею своего возлюбленного, и он воскресает.

Таково содержание сказаний об этом ассиро-вавилонском «христе».

Кто же он сам, кто этот сын божеств воды и земли?

Он — аналогичное египетскому Озирису божество растительности.

Чтобы видеть, так ли это, и чтобы понять вышеприведенные мифы, обратимся к рассмотрению его культа и, в первую очередь, праздников. Их было несколько: в декабре — рождество и утопление, в июне — смерть, в конце марта — воскресение Таммуза. Ключ ко всем им дают природные условия Ассиро-Вавилонии и распорядок хозяйственного года ее населения.

С декабря там начинался период дождей, увлажнявших палимую солнцем почву. В связи с этим из земли начинала пробиваться растительность, зелень. Будучи еще молодой, слабой, она местами затоплялась и погибала под ударами ливней. В это же время начинались работы на полях, и начало их отмечалось соответствующими магическими обрядами, выливающимися в специальный праздничный ритуал, в праздник. На почве этих хозяйственных, производственных моментов, неразрывно связанных с началом роста среди дождей зелени, с другой стороны — на почве с ними же связанной первоначальной магии и переплетения ее с элементами позднейшего, выросшего из разложения тотемизма, антропоморфизма и анимизма, сложился декабрьский праздник рождества и утопления Таммуза. Рождающийся в декабре и бросаемый в воду, утопляемый

сын богини земли и бога неба Таммуз есть не что иное, как рождающаяся из оплодотворенной дождями земли растительность вообще, зелень на полях в частности.

Праздник этот, как и все вообще праздники, связанные с хозяйственно-производственными и природными моментами, первоначально не приурочивался, конечно, ни к какому определенному дню, числу декабря: он справлялся каждый год в зависимости от фактического начала дождей, появления зелени и работ. Позднее же, с выработкой постоянного календаря и жреческой, храмовой фиксации праздников в нем, рождество Таммуза было закреплено за 25 декабря, днем зимнего солнцеворота, что объясняется подмеченной древними связью жизни растительности с солнечным теплом, с солнцем. Итак, растительный Таммуз рождается 25 декабря. Когда же он умирает?

Весною растительность достигает полного своего расцвета, колосья наливаются зерном, луга покрыты изумрудным ковром своих трав, деревья красуются в полном наряде своей листвы. Но дальше картина начинает меняться: под остриями серпов никнет хлебное поле, шелковистая трава падает под ударами кос, знойное, неумолимое солнце льет убийственные, иссушающие потоки своих лучей, — растительность медленно, постепенно умирает, исчезает. К концу июня Ассиро-Вавилония представляет собою голую, обнаженную страну: в ней замерла растительная жизнь, — умер и... Таммуз.

Таммуз умирает в названном по нем месяце Таммузе, в июне, когда оголяются поля и луга благодаря человеку и знойному, летнему солнцу.

Это опять — важный, ответственный момент в хозяйственном году вавилонян, почему они отмечали его тоже надлежащими обрядами и праздником смерти растительного божества. В чем он заключался, какие совершались на нем обряды, — подробности до нас не дошли, и нам изве-

стен только главный, основной момент его: оплакивание умершего «спасителя».

Праздник носил скорбный, печальный характер; участники его всячески старались выказать свою скорбь. Они одевались в траурные одежды, наносили себе побои, рвали на себе волосы, причитали, рыдали по умершем. Изображение-статуя его полагалась в гроб, и над этой плащаницей производился обрядовой плач особыми плакальщиками и плакальщицами. Они произносили специально составленные для этого «плачи», в коих выражалась скорбь богини Иштар по своему сыну и возлюбленному и некоторые из коих приписывались ей. До нас дошло много этих песней, подкупающих своею непосредственностью и вместе с тем вскрывающих природу оплакиваемого. Вот одна из них:

«Увы, мужественный мой Думу (Таммуз)! Увы, чадо Нингипзиды!.. Бурный вихрь сломил его... Он сокрушен, как тростник... Мужественный, он оставил свое поле, пастырь Таммуз, и утеснен. Да возгласит над ним его мать плач, плач, стенание да возгласит по нем. Идя, она жалобно рыдает; сидя, она простирает руки к сердцу. Она издает стоны, стоны жалобные; она испускает крики, крики жалобные. Таммуз, ты — в месте пустом, ты исторгнут, куда ты взят? Ты — в месте печали, ты пребываешь там без радости, а ты озарял радостью мрак Белит-церя».

Третьим и самым главным праздником древних вавилонян было воскресение Таммуза из мертвых — «вавилонская пасха». Падала она на весну, на самый конец марта, — как раз на то время, когда справлялась некогда, а иногда и теперь, христианская пасха. К сожалению, об этом празднике вавилонского «христа» мы знаем так же мало, как и о предыдущем. Носил он радостный, веселый характер. Статую божества, новидимому, омывали «святой водой», умащали, одевали в праздничное платье и выносили из могилы под веселые звуки флейт. Этот день был также

днем умерших, когда, якобы, они покидали свое подземное царство и выходили на землю.

Все это можно заключить из слов дошедшей до нас древней поэмы о схождения Иштар в ад, где читаем об окропляемом «живой водой» умершем:

«На Таммуза, друга ее юности,
Чистую воду возлей, лучшим елеем помажь;
Светлое платье пусть он наденет,
И лазурная флейта разобьет его сердце,
И веселые девы полонят его сердце...
В дни Таммуза играйте на лазуревой флейте,
На порфирном тимпане с ним мне играйте,
С ним мне играйте, певцы и певицы,
Мертвецы да восходят, да вдыхают куренья».

Заметим кстати, что флейты играли большую роль на этом празднике: их звуками пытались магически пробудить, воскресить Таммуза.

Таковы наши скудные сведения о древней вавилонской пасхе. Скудость эта объясняется тем, что данный весенний праздник в более позднюю эпоху, — эпоху возвышения города Вавилона, — был поглощен другим весенним праздником — воскресением родственного Таммузу божества Мардука, — и черты, детали их обоих переплелись, смешались до неразличимости. Ниже мы будем говорить об этом втором празднике, а пока остановимся еще немного на воскресении Таммуза и природе его самого.

Таммуз воскресал весной, в самом конце марта. Почему?

Потому что тогда «воскресала» растительность. К этому времени в Ассиро-Вавилонии зелень, растительность достигала своего полного развития и расцвета, именно тогда-то поля, нивы покрывались золотистым морем колосьев, луга — пестрым ковром трав и цветов, деревья — листвою. Это был радостный момент для тамошнего зем-

ледедца, один из главнейших моментов его трудового, производственного года, и недаром с него начинали год: праздник Таммуза был одновременно и новогодним праздником.

После этого становится понятным установление, происхождение этой «пасхи»: она сложилась на основе тех магических, а позднее и анимистических обрядов, коими начинал древний крестьянин весенний период своих полевых работ и коими он пытался воздействовать на ход совершавшихся тогда в природе явлений, а также (в эпоху появления анимизма) привлечь на свою сторону духов души умерших, якобы, выходявшие весной вместе с растительностью из земли, из «подземного царства».

Как видим, основные мотивы мифов и праздники Таммуза располагаются по трем главным моментам жизни нивы, хлебных злаков, вообще растительности и главным моментам производственного года местного населения. Все это говорит за то и о том, что данный «христос» — дух, божество растительности вообще, хлеба в особенности. Судьба и «история» Таммуза — их судьба и история: от «общения» неба и земли рождается зимой, среди дождей и подвергается опасности растительность, от руки земледельцев и лучей солнца она погибает в конце июня, летом, и буйно, пышно разрастается, воскресает к концу марта, весной.

Этот растительный характер божества вскрывается нам не только при рассмотрении его праздников, — он определенно выводится и подчеркивается в погребальных песнях «плачах». В одной из них прямо отмечается, что плач по Таммузу — плач по зерну, по полю, по траве, по лугам, по лесам, по фруктовому саду. В другой — оплакиваемое божество именуется «тамариском (деревом), не пившим воды в саду, ивой, не радующейся водному потоку и вырванной с корнем, растением, не пившим воды в саду».

Все эти выражения, места характеризуют его одновременно божеством хлеба, травы и деревьев, — духом всей и всяческой растительности, — тем, кто «лелеет ростки на земле» и является «владыкой земной силы».

В этом у Таммуза — полная аналогия, сходство, родственность с египетским Озирисом, причем она идет еще дальше. Те же песни-«плачи» рисуют его и духом, божеством плодородия вообще. В поэме о схождении Иштар в ад эта идея выражена грубо реалистично: по смерти божества и удалении богини в подземное царство «не приближается больше бык к корове, осел к ослице, муж спит на своем месте, жена спит одна, без него», т. е. прекращается плодородие и чадородие, самая жизнь грозит прекратиться.

Жизни противоположна смерть. Но как эти два полюса, две противоположности сходятся и переходят одна в другую в жизни зерна, хлеба, так они сходятся и в жизни Таммуза: он — божество не только плодородия, продления жизни, но и умерших, смерти. Это мы видели в том, что весенний праздник его воскресения был одновременно и праздником чествования духов, умерших; это же следует и из того, что, по верованиям вавилонян, мученическая смерть и воскресение Таммуза искупали грехи людей и обеспечивали им дальнейшую, загробную жизнь и воскресение.

Такой всеобъемлющий характер вавилонского «спасителя», захватывавший все главные стороны хозяйственной и личной жизни древнего земледельца, отчасти объясняет тот любопытный факт, что культ его продолжал существовать даже тогда, когда от вавилонского царства остались одни только воспоминания и груды засыпанных многовековым песком развалин. Так, арабский писатель конца X в. христианской эры Эн-Недин рассказывает, что жители Харрана в середине месяца Таммуза справляли «праздник плачущих женщин», каковой праздник тождествен с тем,

что справлялся в честь бога Та-уза (т. е. Таммуза): «Женщины оплакивают его, так как господин жестоким образом его умертвил, кости его смолол на мельнице и развеял по ветру. В течение этого праздника женщины не вкушают ничего смолотого (мучного), а питаются лишь размоченной пшеницей, стручками, финиками, изюмом и тому подобными вещами».

Другой арабский писатель Ибн-Вашийя (XI в.), а за ним Эль-Макризи (XIV в.) сообщают о праздновании харранцами этого праздника, причем добавляют, что Таммуз был некогда языческим пророком, научившим своего царя поклонению небесным светилам и затем им убитым. То же самое передает и еврейский писатель XII в. Маймонид.

Пред нами любопытный пример длительного переживания культа, сохранения «хлебных», растительных черт его божества и превращения последнего в проповедника, пророка и мученика, — пример, и в этом роднящий Таммуза с Христом.

Впрочем, подождем говорить, с кем, а вместо этого обратимся к рассмотрению того, чей весенний праздник поглотил собою воскресение Таммуза, — к другому вавилонскому «христу» — Мардуку.

2. Мардук и новогодний праздник его воскресения.

Мардук первоначально был небольшим местным божеством незначительного города Вавилона, но затем, когда последний в силу ряда благоприятных политических и экономических условий возвысился и объединил вокруг себя всю долину Двуречья, — возвысился и Мардук. Возвышаясь, он из прежних главных богов одних отеснил на второй план, других поглотил, впитал в себя, как например Бэла, отчего стал иногда носить двойное именование Бэла-Мардука. Считался он первородным сыном

бога водной стихии Эа, подобно Таммузу, и, подобно ему же, тоже был страдающим, умирающим и воскресающим божеством растительности. Однако эта его природа, в связи и на фоне жизни огромного торгового и промышленного города, политического центра, с течением времени была полузатерта, отодвинута жрецами на второй план. В дошедших до нас памятниках храмовой письменности Мардук выводится уже в качестве царя богов и людей, юного божества нового года, весны и весеннего солнца.

Главным праздником его было весеннее воскресение из мертвых, каковое являлось одновременно и праздником нового года. Охватывало оно первые одиннадцать дней месяца Нисана, соответствовавшего второй половине марта и первой апреля, и состояло из массы не всегда нам понятных обрядов. Часть их, ранее неизвестную, рисует нам недавно (1923 г.) опубликованный ассириологом Тюро-Данженом вавилонский документ.

Из этого документа следует, что 2-го Нисана главный жрец Мардука, омывшись речной водой и облачившись в льняную одежду, поздней ночью входил во святилище храма, произносил перед статуей божества таинственные магические заклинания, затем открывал двери храма, подымал прочих жрецов, и начиналось богослужение. 3-го числа происходило то же самое, но вечером жрец призывал к себе трех мастеров, давал им золото, драгоценные камни, куски кедра и тамариска и поручал им из этого изготовить к 6-му числу две статуэтки. За все время работы мастера находились, повидимому, при храме, питались мясом жертвенных животных и должны были соблюдать ритуальную чистоту. Статуэтки, — одна из кедра, другая из тамариска, — одевались в красную одежду, хранились в храме, причем перед ними ставились хлебцы, а 6-го числа они обезглавливались и бросались в огонь, символизируя, повидимому, злых духов.

4-го числа, к вечеру, жрец, омывшись, шел к статуе Бэла (Мардука), затем — к статуе его жены Бэлтии (Сарпаниту) и обращался к ним с длинными молитвами, причем говорил богине, что «среди богинь нет подобной ей, она — та, кто обвиняет и защищает, кто низводит богатого и возводит смиренного, кто опрокидывает врага, кто спасает пленного, поднимает за руку упавшего». После этого, выйдя на возвышение и став лицом к северу, он благословлял храм Бэла и трижды призывал звезду Вавилона. Затем, после короткого отдыха, вечером жрец с поднятой вверх рукой прочитывал вслух от начала до конца всю поэму о сотворении мира.

5-го числа ночью жрец, с соблюдением обычных обрядов, являлся в святилище и произносил пред Бэлом и Бэлтней длинные молитвословия, причем обращенное к Мардуку кончалось такими словами: «Господь мой — бог мой, господь мой — владыка мой; есть ли господь иной, кроме него?» Затем следовало обычное богослужение, а через два часа происходило «великое очищение» храма, совершаемое особым магом-заклинателем, каковой в самое святилище не входил. Маг снаружи окроплял храм водой из Тигра и Евфрата, ударял в бронзовый кимвал, кадил ладаном и махал факелом. То же самое он проделывал над храмом бога Набу, причем там входил во святилище.

Потом маг мазал кедровым маслом двери храма, посреди его двора ставил кадьлицу, приказывал особому служителю отрубить голову барану, брал тело последнего, тер им по храму и произносил магические заклинания. Очистив таким образом храм, маг убирал кадьлицу, шел с телом барана к Евфрату и там бросал его в реку; служитель бросал туда голову жертвы. Затем оба они, маг и служитель, удалялись в поле, за город, и должны были пребывать там до 12-го числа — до конца праздника; они счл-

тались нечистыми, ибо прикасались к барану, магически принявшему на себя всю нечистоту храма.

После этого очищения храма, каковой обряд жрец не должен был видеть, чтобы не сделаться нечистым, утром он призывал жрецов-мастеров и с их помощью вынимал из сокровищницы Мардука «золотое небо» — особое покрывало. Сделав это, они все приглашали Мардука очистить храм, просили удалить скверну и уничтожить демона. Мастера уходили. Немного позднее, днем, жрец расставлял пред Мардуком золотой стол с яствами-жертвами и обращался к нему с молитвой за царя, долженствовавшего «схватить руку» бога, чтобы получить власть на новый год. Кушанья отсылались затем с мастерами на берег канала, по которому приплывал бог Набу (его статуя) и где он должен был выйти; туда же шел и царь, чтобы встретить бога. Последний по прибытии отправлялся в очищенное для него святилище, мастера вводили царя в храм Мардука и тотчас удалялись.

Там, в храме, происходила исповедь царя. Царь становился пред статуей Бэла, подходил жрец, снимал с него (царя) все знаки его достоинства — корону, скипетр и пр., клал их пред Бэлом, возвращался и давал царю пощечину. Затем он проводил его перед статуей, брал за уши и заставлял стать на колени. В этой позе царь исповедывался перед жрецом. Последний выслушивал исповедь от имени бога, ободрял царя, сулил удачи за хорошее поведение, возвращался, брал царские инсигнии и надевал на кающегося, причем давал ему еще одну пощечину. Если царь тогда плакал, это показывало, что Бэл благорасположен к нему; если же слезы не текли, — это означало гнев божества и предстоящее падение царя. Так царь восстанавливался в своей власти.

Вскоре после захода солнца царь и жрец сообща, вместе совершали ответственные обряды. Пальмовой вет-

кой жрец связывал в пучок сорок трехфутовых, цельных, прямых тростинок и клал его в выкопанный во дворе храма ров; туда же лили мед, молоко и масло. Приводили белого быка. Царь посредством зажженной тростинки поджигал тростник во рву и вместе с жрецом обращался с особой молитвой к небесному быку (по мнению Тьюро-Данжена — созвездию Тельца). Дальше следовало, повидимому, заклание быка.

На этом обрывается документ, дошедший до нас неполностью. Из других источников мы знаем, что 8-го числа имела место торжественная процессия: статуи Мардука и его жены Сарпаниту помещались в поставленную на колеса лодку и везлись в загородный храм, в «чертог судеб», куда съезжались таким же образом остальные боги. В этом «выезде» Мардука некоторые видят его воскресение из мертвых. Там, в храме, происходило заседание божеств; бог старого года и зимнего солнца передавал власть богу нового года и весеннего солнца — Мардуку, и под председательством его намечались судьбы нового года. Там же и тогда же имело место бракосочетание Бэла с Сарпаниту. 11-го числа статуи всех божеств тем же порядком возвращались в свои храмы; это было последним днем праздника.

Приведенное нами описание обрядов праздника Мардука хорошо вскрывает нам храмовую, в большей своей части недоступную массам верующих, сторону его ритуала. Наиболее любопытными и важными для нас моментами его являются: чтение поэмы о сотворении мира; магическое очищение храма как водой, огнем, маслом, так и тушей воспринимавшего на себя все скверны, нечистоту барана; уничтожение царя, его исповедь и восстановление во власти, причем последнее — отметим кстати — иногда выражалось тем, что царь хватал, брал за руку статую Мардука, как бы получая власть из его рук; заседание богов и определение ими судеб грядущего года.

Все это — новогодний ритуал, связанный с концом одного и началом другого года. Но почему царю приходилось здесь играть такую большую и не всегда завидную, порой странную, роль?

Эта роль заставляет нас обратиться теперь к рассмотрению еще одной стороны праздника, к тому, как он справлялся в домах и на улицах, а справлялся он так:

Когда наступали праздничные дни, переворачивался вверх дном весь обычный строй жизни: в каждом доме, где имелись рабы, они становились господами, хозяевами, а последние — их рабами. Из своей среды слуги избирали себе шутовского «царя», получавшего имя Зогана, одевали его в шутовские царские одежды, и все в доме — рабы и господа — исполняли все его приказания. Так продолжалось все дни праздника, причем все это носило веселый, шуточный характер.

Шли еще дальше: из тюрьмы выводился осужденный на смерть преступник, и его заставляли играть уже главную, общегосударственную роль шутовского «царя» Зогана. Для этого ему придавали все знаки царского достоинства, разрешали вести себя подобно царю, даже пользоваться наложницами царя. Для нового «царя» наступало поистине «царское» житье на все дни праздника. Все, чего бы ни захотел он, ему давалось немедленно, приказания его исполнялись, на улице его приветствовали, как настоящего владыку. Все это сопровождалось, конечно, шутками, весельем, смехом. Но быстро летели дни, приближался конец старого и начало нового года. Тогда шутовского «царя» Зогана подвергали бичеванию и вешали-распинали.

Краткое, но выразительное описание всего этого мы имеем у христианского автора Диона Хризостома. «Они, — говорит он о персах-вавилонянах, — избирают одного из осужденных на смерть преступников, сажают его на царский престол, облачают в царские одежды и позволяют

ему отдавать приказания, управлять, наслаждаться, пользоваться даже царскими наложницами в продолжение этих дней праздника. Вообще ему разрешается все, что он захочет, и никто ему в этом не препятствует. Затем с него снимают все царственные украшения, подвергают бичеванию и вешают-распинают».

Как видим, мы опять наталкиваемся на странную роль царя, здесь — «царя» шутовского, осужденного на смерть преступника. В чем тут дело и вообще каков смысл, какова подкладка, суть этого и веселого и трагического обычая-обряда скоропроходящего «царствования» и кровавой расплаты за него?

Ответ на это дает нам история первобытной магии и культа мертвых: перед нами — пережиток былого, действительного царского жертвоприношения в начале весны.

По древним представлениям, человек после смерти становится духом, постоянно жаждущим крови. В поисках ее он бродит среди людей, готовый напасть на них, напиться их крови, причинить им несчастья. Постепенно духи эти в сознании живых превращаются в злых духов, демонов, жаждущих крови; переживаемые отдельными людьми или всем обществом несчастья, беды начинают рассматриваться, как следствие злой воли и деятельности этих духов, откуда — шаг до представления, что зловредная деятельность их — мщение за неудовлетворяемую жажду крови и за грехи-вины, обиды и оскорбления со стороны живых. Отсюда — умиловить демонов можно и должно лишь кровавой жертвой.

Наряду с этим существовало другое представление, возникновение коего выяснится дальше: вождь племени или царь, правитель государства — личность священная, жизнь и судьбы коей неразрывными магическими узами связаны с жизнью и судьбами его народа и даже всей природы. Под углом зрения всех этих (и некоторых других) пред-

ставлений становится понятным существовавшее в древности жертвоприношение царей, обрядовое их умерщвление.

Каждый год души умерших, духи, демоны, жаждут человеческой крови, каждый год надо поить их ею и ублажать за вины перед ними живых, за грехи. Но как? Ответственность за все бедствия народа, за все грехи его должно было брать на себя избранное в царя лицо, оно и должно было искупать их своею кровью. Поэтому каждый год должен был падать и падал царь кровавой искупительной жертвой, а его место заступало другое лицо, преемственно приобретающее всю полноту его магической царско-и силы и власти¹⁾.

В дальнейшем картина меняется: изменение социальных условий и упрочение царской власти ведут к тому, что царь начинает удерживать ее за собой, а за себя выдвигать «заместителя», заместительную жертву, — сначала своего сына, потом — кого-либо из аристократии. Последняя перекладывает это на плечи зависящих от нее социальных низов или пленных, позднее — на преступников, животных и даже просто на символические изображения — чучела, куклы. Магия позволяет это: по ее принципам, лицо, облаченное в царские одежды или, хотя бы, подобие их, магически может воспринять на себя всю полноту магической силы и власти царя и потому играть его роль, его «замещать».

После этого мы можем теперь разобраться в новогоднем празднике, обрядах и роли шутовского «царя» вавилоняи.

В конце марта, когда спелые колосья на полях, буйно разросшаяся зелень на лугах звали крестьян к новым,

¹⁾ Другой причиной ежегодного умерщвления старого и избрания нового царя было желание магически поддержать силы природы, ибо дряхление царя, упадок его сил, якобы, магически влекли бы за собой дряхление природы, истощение ее производительных сил.

весенним полевым работам, выходили на землю — по верованиям вавилонян — души умерших, духи, демоны. Они жаждали крови, готовы были причинить людям всяческие несчастья, попортить урожай, наслать беды на государство. Их надо было умиловать, загладить пред ними «грехи» всего кончающегося года и заручиться благоволением на год предстоящий. Ответственный за все это царь должен был пролить свою искупительную, жертвенную кровь, и он посылал вместо себя, в качестве «замещения», и без того осужденного на смерть преступника. Это замещение могло иметь силу лишь в том случае, если на преступника путем магических обрядов и формул переносились царская магическая сила и власть. Это делалось путем наделения его всеми знаками царского достоинства и предоставления ему (временной) полноты власти, каковой он и пользовался. Так магически создавался новый царь, замещавший настоящего, последний же на это время отстранялся.

Лжецарь, магически наделенный всей полнотой власти и силы царя, вместе с ними воспринимал на себя и всю ответственность за грехи народа, а потому должен был в конце года падать кровавой искупительной жертвой в умиловление демонов. Злобные духи, вернувшись на землю, могли мстить своим, оставшимся в живых, сородичам, близким. Как отвести от себя их месть, предотвратить несчастья? Надо их обмануть, направить на кого-либо другого. С этой целью хозяева домов менялись ролями со своими рабами: их превращали в господ, а себя в рабов.

Так объясняются и переходящая в трагическую веселая роль «царя» Зогана, и временное опрокидывание сц альной лестницы в домах отдельных граждан. То, что на первый взгляд кажется невинным, шутивным праздничным обычаем, является в действительности не всегда сознаваемым, ответственным, смешанного характера обрядом.

Шутовской «царь» Зоган, умерщвляемый преступник, ранее не носил шутовского наряда и характера, а считался и был на дни праздника настоящим и единственным царем.

Что это было так, видно из следующего: в одной, дошедшей до нас, нововавилонской летописи рассказывается, что однажды царь «Урра-Имитти посадил на трон в качестве своего «заместителя» своего садовника Эллил-Бани и возложил на его голову свою корону. Урра-Имитти в своем дворце... умер. Сидевший на троне Эллил-Бани не встал и сделался царем». Перед нами любопытный исторический случай: царь в качестве своего заместителя выставил на новогодний праздник своего раба, садовника, посадил на престол и, надев ему венец и передав ему свою магическую царскую силу и власть, умер, а садовник автоматически заместил его совсем и удержал власть, повидимому, отправив на тот свет кого-либо другого вместо себя.

Сделаем еще шаг дальше теперь на пути разбора и спросим: царя ли только замещал умерщвляемый под новый год шутовской «царь» Зоган?

Нет, не только царя, но и самого царя богов и людей Мардука. Действительно, когда под влиянием изменения социальных условий, о чем мы будем говорить дальше, произошло разложение, так называемого, тотемизма, что повлекло за собой культ человекообразных богов, когда из толкования магических, тотемистических и анимистических обрядов выросла мифология, когда, в частности, сложились образ и миф о смерти и воскресении бога Мардука, а в этой смерти и воскресении стали видеть искупительную жертву за людей и залог их воскресения, — тогда весенний новогодний праздник принял характер праздника смерти и воскресения этого божества, а царя стали рассматривать в качестве его земного представителя и заместителя.

Мардук, как он выступает в документах, был божеством растительности, позднее — солнца и года, почему он должен был ежегодно воскресать в начале весны. Отсюда связанные с весенними работами и культом мертвых магические, анимистические и прочие обряды с течением времени начинают рассматриваться и принимать характер магического воспроизведения божественной драмы, которая ставится в магическую же связь с жизнью природы, государства и отдельного человека. Иными словами, умерщвляемый под новый год шутовской «царь»-преступник замещал и магически воплощал собою не только долженствовавшего умереть действительного царя, но и умирающего за людей Мардука.

Подтверждение этого мы находим в двух источниках: в одном ассирийском документе и в Ветхом завете.

В 1918 г. ассириолог Циммерн опубликовал найденный в Ассирии документ, рисующий нам эту сторону новогоднего и «пасхального» ритуала вавилонян. Вот выдержка из него:

«Это — Бэл, когда он удерживается в скале. Это — дом на краю скалы, внутри которого допрашивают его. Это — раны, которыми он изранен, сочатся его кровью. Вот как он вступает в скалу. Это — голова преступника, которого уводят с ним и затем умерщвляют. После того, как Бэл вошел в скалу, город приходит в смятение... Это — его одежды, которые уносятся... Вот почему она (богиня) своей рукой смывает кровь сердца, которую пролили. В темницу, прочь от света и солнца, заставили его спуститься. Это — его стражи, их поставили над ним, они стерегут его. Там ищут Бэла: где он томится? Это — дверь гроба; она (богиня) входит туда, она ищет его. Она взывает: О, мой брат, мой брат! И вот, происходит..., что он снова выходит из внутренности скалы».

Из этого текста, к сожалению, дошедшего до нас в сильно поврежденном виде и частично пополняемого другими, можно уловить, что на новогоднем празднике Мардука разыгрывались в лицах, представлялись драматически его «страсти». Мардук схватывается, заключается в темницу-скалу, допрашивается, подвергается истязаниям, умерщвляется с ним преступник, одежды бога ~~уносятся~~, в городе смятенше, богиня смывает кровь, темница-гроб охраняется стражами, бога ищут, оплакивают, и он выходит из скалы — воскресает. Евангельские мотивы, евангельская трагедия Христа!

Преступник умерщвляется вместе с богом. Из приведенных здесь нами некоторых слов документа можно заключить, что в этой драме играли роль два преступника, причем один из них умерщвлялся, а другой отпускался на волю. Почему? Потому что только с помощью двух лиц можно было изобразить Мардука умирающим и воскресающим. Как и кем игралась роль умирающего Мардука, — мы видели. Как и кем он изображался воскресшим? Чтобы видеть это, обратимся к Ветхому завету, к Книге Эсфири.

Там рассказывается, что в г. Сузах при персидском царе Артаксерксе служил дворцовым привратником пленный еврей Мардохей, у которого была красавица родственница Эсфирь, или Эстер. Мардохей однажды узнал о заговоре двух придворных на жизнь царя, донес и тем спас повелителя. Виновных повесили на дереве, а поступок верного стража занесли в придворную летопись.

Далее рисуется пир царя, устроенный им для всех вельмож, отказ царицы Астинь явиться на него, гнев царя и удаление ослушницы. Место последней занимает Эсфирь, не выдавая своего происхождения. Правой рукой царя является злой и гордый Аман; он, видя однажды непочтение к своей особе со стороны еврея Мардохея, добивается от царя указа о всеобщем истреблении евреев и заранее

готовит виселицу для своего обидчика. День для избения евреев он определяет посредством жребиев. Но судьба решила иное. Царь вспомнил об услуге Мардохея и спросил у Амана совета.

«Что сделать, бы тому человеку, которого царь хочет отличить почетом? Аман подумал в сердце своем: кому другому царь захочет оказать почет, кроме меня? И сказал Аман царю: тому человеку пусть принесут одеяние царское, в которое одевается царь, и приведут коня, на котором ездит царь; возложат царский венец на голову его; и пусть подадут одеяние и коня в руки одному из первых князей царских, и облекут того человека, которого царь хочет отличить почетом, и выведут его на коне на городскую площадь, и провозгласят пред ним: так делается тому человеку, которого царь хочет отличить почетом!»

Книга кончается рассказом о том, как Эсфирь добилась отмены указа об избении евреев и раскрыла царю козни Амана. В результате: народ спасен, Мардохей получил вышеупомянутые почести и был назначен на место Амана, а последний повешен на той самой виселице, которую он приготовил для Мардохея. Евреи в память избавления от опасности установили праздник Пурим — «Жребиев».

Таков рассказ с его двумя враждебными парами героев: Мардохеем — Эсфирью и Аманом — Астинью. Исторические ли это лица и какова вообще подкладка самого рассказа?

Ответ на это дают нам самые имена: Мардохей — лишь еврейская форма знакомого нам Мардука, Эсфирь — богини Иштар, Аман — бог враждебного вавилонянам народа эламитов — Умман, а Астинь — их богиня. Здесь перед нами вражда двух государств — Вавилона и Элама — образно изображена под видом вражды их главных божеств. Это — с одной стороны.

С другой, — и это главное, — перед нами заглушенное описание, изображение все того же новогоднего празд-

ника вавилонян с его шутовским «царем», замещающим и царя, и Мардука. Под видом исторического события, в объяснение заимствованного евреями у вавилонян и персов праздника, рисуется их новогодний обряд — драматическое представление смерти и воскресения Мардука двумя рабами или преступниками. Этот обряд мы можем теперь восстановить полностью: в магическое замещение должствовавшего умереть царя и Мардука избирался преступник, одевался в царские одежды, получал на несколько дней царскую власть, а затем умерщвлялся. После его смерти второй преступник-актер одевался в его царские одежды, выводился, показывался народу, а затем отпускался на волю, изображая собою Мардука воскресшего и нового царя. Так наглядно, образно и магически выражались идея и драма умирающего и воскресающего весной Мардука.

Умиравший Мардук — шутовской «царь», преступник, — умрал повешенным на виселице, на дереве, распятым, ибо стоящие в греческом тексте евангелий и переводимые через «крест» и «распять на кресте» слова значат буквально и первоначально «дерево» и вешать на дереве-виселице. Другой преступник отпускался на волю. Не напоминает ли это одеваемого в царскую багряницу, украшаемого венцом и тростью-скипетром, осмеиваемого и избиваемого воинами, а затем распинаемого преступника — «царя иудейского», евангельского Христа, и другого, отпускаемого на волю вместо него, преступника Варавву?

Подведем теперь общий итог найденному относительно новогоднего праздника и «пасхи» вавилонян и их «христа» Мардука.

Праздник возник в связи с началом весенних полевых работ и сложился из совершавшихся тогда магических, анимистических и некоторых других обрядов, в особенности из обряда жертвенного умерщвления царя, пролития его

крови для напоения и умилоствления возвращающихся на землю душ умерших, духов, демонов. Затем эти обряды несколько видоизменяются и вводится заместительная вместо царя жертва — шутовской «царь» Зоган. Первоначально последний целиком замещает царя, потом ритуал раздваивается: Зоган замещает царя в кровавом обряде, совершаемом на улицах, пред народом, а сам царь в это время принимает участие в замкнутых, тайных, храмовых обрядах, причем, повидимому, тоже, но только символически истязается и умерщвляется (исповедь, побои, унижение пред жрецом и статуей Мардука), а затем получает власть на следующий, новый год.

Все это подвергается мифологизации и начинает рассматриваться и совершаться как магическое драматическое изображение «истории» умирающего за людей и мир и воскресающего божества Мардука, причем выводятся на сцену уже два актера-преступника (женские роли мы оставляем в стороне), из коих играющий роль Мардука умирающего умерщвляется, распинается, а другой (мнимовоскресший Мардук) отпускается на волю. Эта идея воскресения божества переплетается с другой: с идеей получения им власти на наступающий год, — отражение ежегодной смены царя и позднейшего ежегодного наделения его властью. Так как некогда, повидимому ежегодно, каждый новый царь, становившийся на место умерщвляемого, должен был при принятии власти вступать в брак, дабы магически поддержать плодородие, продление жизни в природе, — это обстоятельство послужило основанием для новогоднего обряда и мотива бракосочетания Мардука с богиней Сарпаниту — местной разновидностью Иштар.

Что же касается самого Мардука, то он — божество хлеба, растительности, родственное Таммузу. Эта родственность их природы отчасти помогла тому, что они и их весенние праздники слились.

Это слияние их объясняется политически: с возвышением Вавилона возвысился также его бог Мардук и поглотил, слил с собою или подчинил себе богов прочих городов и местностей, сделался царем их и людей. В связи с этим и весенний праздник Мардука слил с собой весенний праздник воскресения Таммуза, причем можно предполагать, что культ и праздник Таммуза все же продолжали существовать в своем чистом виде в сельских местностях, среди земледельцев, а праздник Мардука так, как он выступил перед нами, справлялся лишь в больших городах, среди городского населения и сделался государственным.

III. ФИНИКИЙСКИЙ „ХРИСТОС“ АДОНИС.

1. История финикийского „господа“ и его культа.

Покинем «страну бывшего рая» и посетим омываемую волнами Средиземного моря древнюю Финикию. Здесь мы опять находим знакомую картину: культ местного «христа» — Адониса.

Имя этого божества в переводе значит «господь», а его история почти целиком совпадает с мифом о Таммузе и сводится к следующему.

Дочь сирийского (по другим — кипрского) царя — Мирра влюбляется в своего отца, неузнанной вступает с ним в связь и делается матерью. Узнав об этом, взбешенный отец намеревается убить преступницу, та спасается от него бегством и волею богов превращается ими в дерево. Проходят месяцы беременности, дерево раскрывает свою кору и производит на свет красавца-мальчика — Адониса. Главная виновница всего этого, внушившая преступную мысль и страсть Мирре, богиня любви и красоты Астарта, или, по-гречески, Афродита, делается восприемницей, берет новорожденного и передает его на хранение богине подземного царства Прозерпине.

Проходит определенное время, Афродита требует возврата мальчика, но пленившаяся его красотой адская владычица отказывает ей в этом. Начинается тяжба богинь, в судьи ими избирается царь богов и людей Зевс, и он постановляет: одну треть года Адонис должен принадлежать своей восприемнице, другую треть — Прозерпине, третьей — располагать по своему желанию. Мальчик

дарит ее той же Афродите, а, подростки и превратившись в красавца-юношу, делается возлюбленным этой богини.

Но их счастье длится недолго: страстный охотник на диких зверей — Адонис однажды отправляется на охоту в лесистые ущелья Ливана, и там, на берегу носящей его имя реки, смертельно ранится диким вепрем-кабаном. Предчувствуя несчастье, Афродита пускается в поиски любимца, находит его истекающим кровью, принимает последний вздох и неутешно плачет над трупом. Что было дальше, — мифы не сообщают, но из других источников мы узнаем, что оплаканный богиней и погребенный «господь» воскресает, а затем возносится на небо, и что в воспоминание обо всем этом был установлен соответствующий культ, с праздником смерти и воскресения божества в центре.

В самой Финикии культ этот сложился в самые отдаленные времена, причем центральным местом его был священный город, своего рода Мекка или Иерусалим финикийян, Библи, недалеко от впадения реки Адониса в море. Там находился огромный храм Астарты-Афродиты, в святилище коего и справлялись обряды Адониса, особенно его финикийская «пасха». Греческий автор Лукиан, в свое время посетивший этот город и храм, оставил любопытное описание виденного им там.

«В Библие, — пишет он, — я видел великое святилище Афродиты Библиской, в котором справляются оргии в честь Адониса. Я ознакомился и с ними. Говорят, что оргии эти установлены в честь Адониса, раненного в этой стране вепрем; в память об его страданиях жители ежегодно подвергают себя истязаниям, оплакивают Адониса и справляют оргии, а по всей стране распространяется великая печаль. Затем, прекратив удары и плачи, они приносят жертву Адонису, как умершему. На следующий день они

рассказывают, что он жив и удалился на небо; в то же время они бреют себе головы, как египтяне, когда умирает Апис (воплощение Озириса — священный бык).

Если же какая-нибудь женщина не хочет остричь свои волосы, то ее подвергают следующему наказанию: в течение одного дня она должна стоять на площади и продаваться; доступ на площадь открыт тогда только иностранцам, а плата, получаемая от них женщиною, приносится в дар Афродите. Некоторые из жителей Библа говорят, что египетский Озирис погребен у них и что оргии и траур совершаются не в честь Адониса, а в честь Озириса. Я расскажу, на каких основаниях они считают себя вправе утверждать это.

Каждый год из Египта в Библ прибывает голова, плывущая по морю в течение семи дней. Ветры сами направляют ее в чудесном плавании. На своем пути она никогда не сворачивает в сторону, а приплывает прямо в Библ. Все это похоже на настоящее чудо. Это происходит каждый год; случилось также и при мне, когда я был в Библе. Я сам видел эту библоскую голову.

В стране Библа есть еще и другое чудо: это — река, текущая с Ливанских гор в море. Имя ее — Адонис. Каждый год она меняет свой цвет, делаясь кровавой. Впадая в море, она окрашивает его на далекое пространство и тем указывает библосцам время великой печали. Рассказывают, что в это время на Ливане уязвляется Адонис и что его кровь, стекая в реку, меняет ее цвет. Отсюда река и получила свое имя. Так думает большинство. Мне же один библосец указал на другую, по его мнению, истинную причину этого явления. «Чужестранец, — сказал он мне, — река Адонис протекает по Ливану, почва которого имеет красноватый оттенок. Свирепые ветры, подымающиеся в эти самые дни, несут эту землю с большой примесью сурика в реку. Таким образом, земля эта, а вовсе не кровь Адониса,

на которую указывают, придает реке кровавый цвет». Вот что говорил мне библосец».

Это описание Лукиана вместе с другими источниками дает нам возможность восстановить почти полную картину того, как справлялась в Библие финикийская «пасха» — праздник смерти и воскресения Адониса. Французский исследователь Шарль Вэллей, проделавший такую восстановительную работу, рисует дело так:

Когда река Адонис окрашивалась смываемой с гор глиной — кровью умершего божества, — женщины делились друг с другом вестью, что божественный охотник уязвлен вепрем, и в городе начинался траур. Наступал период жалобных причитаний, плача, рыданий и скорбных, печальных обрядов. Женщины носились по улицам и ударяли себя в грудь, — они искали Адониса, призывали его, плакали по нем и богине и восклицали: «увы, мой господин! увы, моя владычица!» Семь дней длился этот шумный траур, женщин охватывало как бы безумие, и они всячески выражали свою скорбь. С распущенными волосами, с развевающимися одеждами, без поясов, они по целым ночам рыдали на порогах своих домов или у стен храмов и, дабы сильнее выразить свое горе, на все это время воздерживались от супружеских сношений, а также налагали на себя самый строгий пост — питались только сушеными фруктами. Некоторые из них брили себе головы, а не желавшие сделать это в течение дня занимались священной или религиозной проституцией.

Наряду с этим жрецы каждый день совершали печальные пляски под заунывные звуки финикийских флейт. Среди всех этих обрядов возбуждение масс достигало высшей степени, принимало характер самого дикого, кровавого фанатизма, когда некоторые из поклонников «господа», опьяненные клубами ладана, звуками песнопений и флейт, наносили себе глубокие раны и обливались кровью. Тогда

же, в дни скорби, в различных местах города и около храмов выставлялись плащаницы Адониса, — погребальные лежа, гробы с лежащими на них его изображениями. Последние были по большей части деревянными статуями, причем они раскрашивались для большего сходства с божеством и на них часто отмечалась даже нанесенная ему вепрем рана. Статуи подобно покойнику обмывались, умащались благовонными маслами и мазями и обвивались погребальными пеленами. Самые плащаницы осыпались цветами — анемонами и розами, выросшими, по словам мифа, из пролитой на землю крови божества.

Вокруг этих плащаниц, снабженных иногда также изображением вепря-убийцы, проделывались все те обряды, кои обычно имели место при похоронах: песнопения, жалобные причитания, погребальные приношения умершему. Вместе с тем старались изобразить всю историю «спасителя»: его охоту, его ранение, смерть, поиски Афродиты, ее плач по умершему.

Затем в большой торжественной процессии происходило самое погребение Адониса: огромная толпа жрецов и верующих несла его плащаницу к могиле — подземной пещере. Скорбь, плач и причитания достигали высшей своей степени, когда гроб с божеством вносился в эту погребальную пещеру и за ними закрывался ее вход. Это погребение совершалось в последний, седьмой день этой «страстной седмицы» поклонников феникийского «христа».

На следующий за погребением день женщины Библа отправлялись на берег, к морю, и там со словами: «мы обрели его, мы радуемся», вылавливали принесенную волнами из Египта папирусную голову. Это отмечало начало радостного празднования воскресения Адониса. Скорбь, печаль сменялась необузданной радостью, траур и пост прекращались, все одевались в праздничные одежды, в воздухе слышались ликующие песнопения в честь победы гос-

пода над смертью, и верующие при встрече друг с другом обменивались вместо приветствия радостными словами: «Адонис воскрес!» Тогда же, как можно думать, статуя его выносилась из могилы-пещеры, а в храмах совершалось соответствующее торжественное богослужение.

Так справлялся ежегодный праздник смерти и воскресения финикийского «господа» жителями г. Библа. «Каждый год они, — отмечает также древний церковный писатель Иероним, — справляют праздник в честь его (Адониса), в течение которого женщины сначала оплакивают его, как умершего, а затем воспевают, как воскресшего». Нет сомнения, что наиболее торжественно и полно все обряды его совершались в главном храме Астарты-Афродиты Библоской, где их наблюдал и Лукиан. Другим таким местом был, повидимому, второй древний храм ее в Финикии, построенный в горах Ливана, как раз в том ущельи, где, якобы, был ранен и умер божественный охотник. Лукиан посетил и его, но описания виденного там не оставил.

Самый праздник совершался, повидимому, весной, в конце марта.

Ограничивалось ли этими двумя местами или вообще Финикией почитание ее «христа», или же оно, подобно культуре Озириса, с течением времени вышло за пределы своей родины и распространилось дальше?

Картина такая же, и иной не могло быть.

Как известно, приморское положение этой страны, ее богатство, с одной стороны, удобными для стоянки кораблей гаванями, с другой — великолепным строительным корабельным лесом и рудами, вместе с густотой населения и недостаточностью для его прокормления площади годной для пахви земли, — все это рано толкнуло финикийян на путь торговли и промышленности. На своих судах, нагруженных своими или чужими товарами, они начали

бороздить вдоль и поперек Средиземное море, посещать все его побережья и острова и даже забираться дальше.

Всюду, куда только они ни проникали с товарами или за товарами, они основывали свои торговые конторы, отделения и целые колонии, потом превращавшиеся в цветущие торговые города. Финикия скоро и надолго сделалась владычицей морей, монополисткой по части морской торговли, а ее купцы и промышленники — настоящими «англичанами древности». И вот эти-то «англичане», ловкие, пронырливые, настойчивые и отважные, в погоне за барышом пускавшиеся в самые далекие и рискованные плавания на своих судах, вместе со своими товарами развозили и насаждали также культ своего умирающего и воскресающего спасителя, «христа» — Адониса и его божественной возлюбленной — Астарты-Афродиты.

Первое, что они встретили на своем торговом пути и что они сделали первой своей стоянкой, а затем и целиком захватили экономически в свои руки, — был остров Кипр. Остров этот недаром назывался у греков «счастливым», «благоуханным» и т. п.: он обладал плодородной почвой, был покрыт цветущими нивами, садами, обширными виноградниками, а в недрах своих таил огромные залежи добывавшейся тогда и высоко ценившейся меди. Библосцы первыми открыли его, первыми основали там ряд цветущих колоний-городов: Китион, Амафунт, Пафос и др. Занесли они туда и культ Астарты и Адониса.

Култ, хорошо отвечавший местным хозяйственным и природным условиям, привился там настолько хорошо и прочно, что Кипр скоро сделался как бы второй его родиной, вторым его центром, и сложился даже миф, что сам Адонис родился именно здесь, на острове, от кипрской царевны, а не в Финикии, богиня же получила прозвище «Киприды». Главными и священными городами его здесь были Амафунт и, особенно, Пафос, где находился особо чтимый

мый и наиболее посещаемый храм Астарты, обладавший огромными богатствами. Насколько богатства эти и слава храма были велики, можно судить по тому, что, когда в 57 г. до христианской эры египтяне свергли с престола и изгнали из страны своего царя-союзника римлян Птолемея Авлета, Катон Старший предлагал последнему, как достаточное возмездие в смысле денег и почестей, управление указанным храмом в Пафосе. И еще до сих пор женщины Куклии — прежнего Пафоса, — как в былые времена, натираются маслом в честь богоматери Марии, заступившей собою Астарту-Афродиту, и молятся «святой Афродитиссе».

Завоевав Кипр, на тех же торговых судах финикийцы Адонис со своей возлюбленной приплывают к острову Родосу и подчиняют его себе: делаются одними из наиболее чтимых божеств населения, причем тогда же складывается там существовавшее долго потом и хорошо известное в древности женское общество-организация из особо ревностных поклонниц спасителя — «адониасток». Дело идет еще дальше: этот финикийский культ перебрасывается с одного острова на другой, из одной местности в другую, захватывает берега Малой Азии, проникает в Геллеспонт и Пропонтиду, оттуда — в наше Черное море и его побережья. С другой стороны, он заносится купцами в Архипелаг, прочно оседает на острове Лесбосе, где знаменитая поэтесса — «соловей древности» — Сафо, в VI в. до христианской эры слагает прелестные праздничные «плачи» по умершем Адонисе, один отрывок из коих дошел до нас:

Что, Киприда, творить нам повелишь?
 Никнет Адонис!
 Бейте в перси, взрыдав, девы, по нем,
 Рвите хитоны!

За Лесбосом следуют Кифера, затем — гавани Пелопоннеса, позднее — Аргос и, наконец, самые Афины, где наи-

более ревностными поклонниками финикийского «господа» делаются женщины, а также крестьяне.

Здесь, на почве древней Греции, культ его, в частности праздничный ритуал подверглись некоторому изменению. Так, главный праздник — смерти и воскресения Адониса — справлялся здесь поздним летом, причем длился тоже восемь дней: страстную седмицу и день воскресения божества. В первые дни имели место печальные, скорбные обряды. Женщины рыдали на порогах и крышах своих домов, рвали на себе одежды, били себя в грудь и, собравшись толпой, пели грустные песни: оплакивали умершего. Тогда же всюду выставлялись плащаницы его, и над ними совершались заукойные службы. Характерной особенностью этого праздника были, так называемые, «садики Адониса». Это были горшечки или корзинки, наполненные смоченной землей, — в них в начале праздника сеяли быстро прорастающие зерна ячменя, пшеницы и латука. За дни страстной седмицы зерна успевали прорасти, дать зелень, но последняя быстро увядала, что послужило основой греческой поговорки: «скоропреходяще, как садик Адониса».

Упоминание об этих «садиках» мы находим, например, в одном из диалогов Платона, где тот влагает в уста Сократа такие слова: «Вот что скажи мне, благоразумный земледелец: те семена, о которых он заботится и желает получить от них плод, стал ли бы он сеять старательно летом в «садах Адониса» и радоваться их хорошему всходу в течение восьми дней, или же он стал бы делать это ради забавы и праздника, — когда он это и делает?»

Садика эти обычно выставлялись на порогах дверей, на подоконниках и крышах; они же носились в обрядовых процессиях женщинами, а также помещались около погребальных лож-плащаниц божества. Часто при этом в их зелень ставились также сделанные из воска или глины

раскрашенные маленькие изображения его самого, в охотничьем костюме, с принадлежностями охоты, отмечалась на них и рана от удара клыком вепря.⁷

В последний день седмицы происходило самое погребение Адониса. Омытая, умащенная, овитая в погребальные пелены и осыпанная цветами статуя его торжественно неслась женщинами по улицам города, слышались рыдания и причитания, которые переходили в дикие вопли, когда процессия подходила к водному источнику, и в него бросали статую, хоронили Адониса. Вместе с ней бросали туда же и его «садики». Что было потом, праздновалось ли затем, на следующий день, воскресение божества, — неизвестно. Само собой разумеется, что все эти дни в Афинах носили характер строгого поста и считались неблагоприятными, приносящими неудачу, неуспех в предпринимаемых тогда делах. Потому-то, когда однажды по инициативе Алкiviада афиняне готовились отплыть в оказавшийся потом неудачным поход на остров Сицилию, «многие беспокоились, вспоминая, в какие дни назначено было отплытие флота. Женщины в то время справляли праздник в честь Адониса. На каждом шагу в городе выносили его статуи, которые женщины хоронили со слезами».

Вернемся к дальнейшей истории культа.

Распространившись по Греции и проникнув там далеко на север, в Македонию, он перебросился к берегам Италии, где сначала завоевал острова Сицилию, Сардинию и Корсику, а затем перешел на юг самой Италии. Этим победное шествие его не ограничилось: он захватил и север Египта. Мы не знаем точно, когда финикийские купцы, имевшие там свои цветущие колонии, занесли его туда, но мы знаем хорошо, что в последние века до и первые после начала христианской эры «адонии» — праздник Адониса — торжественно справлялся в тамошнем и тогдашнем центре мировой торговли, в г. Александрии.

В чем заключался праздник, каково было его содержание? Этого мы не знаем. Древний поэт Феокрит рисует только внешнюю обстановку и один его момент — гимн в честь Адониса, произносимый особой певицей, еще в предшествовавшем году оставшейся победительницей на состязании певиц-плакальщиц по божеству. В гимне, после традиционного обращения к богине, поется о том, как был ранен Адонис, как убитая горем спутница его жизни, босая, с распущенными волосами, бродила по дебрям, горам и долам, и острые ветви рвали ее божественное тело. Она плакала по любимце, громким эхом разносились повсюду ее стоны и вопли; вся природа плакала с ней: плакали горы и дебри лесные, плакали реки и родники, цветы краснели от скорби. С рыданиями неутешного горя бросалась Афродита на труп умершего, звала его по имени, молила о новых ласках и плакалась, что он уходит от нее, уходит далеко, туда, куда она, богиня, не может за ним следовать.

После этого певица обращалась к самой богине и заканчивала свой гимн словами:

«Радуйся, милый Адонис, и нам будь приход твой на радость! Милостив будь к нам и ныне, Адонис, и впредь; дружелюбно приняли ныне тебя мы, и примем, когда ты вернешься».

Сопоставляя эти слова с тем, что предельвалось на празднике адоний в Афинах, мы можем предполагать, что статуя божества в последний день александрийского праздника хоронилась, — бросалась в воду; почему день этот носил специальное название «исчезновения» «господа». Можно думать также, что описанным, т. е. обрядами двух дней, дело не исчерпывалось, и что в Александрии адонии тоже охватывали несколько, — быть может, семь или восемь — дней, причем в последние дни происходило состязание певиц-плакальщиц: они по очереди пели свои гимны у ложа Адониса. Падал праздник, повидимому, на лето, как и в Афинах.

2. Природа Адониса и отдельные моменты его культа.

Так на финикийских судах с финикийскими товарами, финикийскими купцами, их служащими и рабами распространялся, разносился культ финикийского «господа», «христа» Адониса, и так, в зависимости от условий места и времени, видоизменялся характер его главного праздника — финикийской «страстной седмицы» и «пасхи». Посмотрим теперь, кто же был он сам — этот умирающий, оплакиваемый, погребаемый и воскресающий «спаситель».

Самый характер адоний во всем разнообразии их обрядов определенно говорит нам, что и здесь, в лице и этого божества, мы имеем дело опять-таки с богом зерна, хлеба, плодов и вообще растительности. Действительно, праздник этот, подобно соответствующему празднику в честь Таммуза, справлялся в конце лета, когда нивы и луга оголялись под ударами серпов, кос и знойных лучей летнего солнца.

Можно даже предположить, что тогда же происходил и посев хлебов, погребение зерен в землю. Климат Ассирии, Вавилонии, Финикии и Египта, а также их орошаемая половодьями и дождями благодатная почва делали то, что в иные годы их земледельцам удавалось снимать урожай два раза в году, причем второй посев в первых из названных стран приходился как раз на конец лета и начало осени.

Два раза в году умирало погребаемое в землю зерно, два раза оно прорастало и превращалось в золотистые колосья — воскресало, и два раза эти колосья срезались неумолимым серпом жнецов.

Невольно напрашивается подозрение, что это обстоятельство, наряду с другими, повело к созданию мифологического мотива двукратного умираяния и двукратного воскресения растительных божеств — Таммуза и Адониса: один раз делаются они добычей богини подземного царства и на время выходят оттуда еще в младенческие годы; в дру-

гой раз они умирают и воскресают в расцвете своих юношеских лет. Напомним, что, согласно мифам, дважды проделывалась мучительная операция над телом и египетского растительного «христа» Озириса: в первый раз, — когда Озирис был заключен в ящик и брошен в реку; во второй, — когда его тело было разорвано на части коварным братом Сетом.

Правильно или нет это наше предположение, — суть дела от этого не меняется: растительная природа Адониса неоспорима, недаром сами мифы о нем выводят его проводящим две трети года на земле и одну треть под землю, в подземном царстве, ибо как раз столько времени бывает покрыта Финикия (и Ассирия-Вавилония) растительностью и столько времени лишена ее. На эту же природу божества намекает и мифологический мотив, что из крови его выросли анемоны и розы, коими, якобы, потому украшались позднее его плащаницы. Но этого, может быть, мало, и требуются еще документальные подтверждения, указания древних источников. Они имеются и в большом количестве; часть их, но только часть, мы приведем.

Древний философ Порфирий говорит определенно, что «Адонис является символом срезаемых зрелых плодов». Римский автор-историк Аммиан Марцеллин поясняет, что тот, кого женщины оплакивают на торжественном празднике Адониса, есть образ плодов, злаков, и что так учат сокровенные религии. Отец церкви Ориген пишет: «Говорят, что Адонис — символ плодов земли, оплакиваемых, когда они (т. е. зерна) сеются в землю, воскресающих и тем приносящих радость земледельцам, когда они (зерна) прорастают и превращаются в зелень».

То же самое отмечает другой отец церкви, «блаженный» Иероним: «Язычники, сопровождая скорбными ударами и радостью, тонко истолковывают умерщвление — смерть и воскресение Адониса: первое, по их мнению, проявляется.

выявляется в умирающих в земле семенах-зернах, второе — в колосьях, в каковых возрождаются умершие зерна». Философ Саллюстий передает, что в Адонисе видели плоды; у Иоанна Лида читаем: «Адонис — плод»; в одном орфическом гимне говорится, что «Адонис приносит поклонникам своим плоды земли».

Ограничимся хотя бы этими примерами: их, думается, достаточно, в пояснении они не нуждаются, и вместо дальнейшего перечисления подобных сообщений обратимся к одному моменту адонистического культа, тоже вскрывающему природу божества, — к «садикам Адониса». Каковы их смысл и значение, — это хорошо вскрывает уже не раз цитированный нами Фрэзер.

«Лучшее доказательство, — говорит он, — какое мы только могли бы привести в пользу того, что Адонис был божеством растительности вообще, хлеба, зерна — в особенности, дает нам то, что называется «садиками Адониса». Это были корзиночки или горшочки, наполненные землей, куда сеяли семена пшеницы, ячменя, латука-салата, укропа и различных цветов; в течение восьми дней за ними ухаживали, главным образом, если не исключительно, женщины. Под действием солнечного тепла они быстро проросли, но, не имея еще корешков, так же быстро увядали. На восьмой день они вместе с маленькими изображениями умершего Адониса уносились и бросались или в море, или в родники.

Вполне естественно понимать эти «садики Адониса» в его первоначальной природе в виде растительности, тогда как сопровождавшие «садики» и вместе с ними бросавшиеся в воду статуэтки изображали его в человеческом, более позднем, виде. Если мы правильно понимаем дело, все эти обряды Адониса имели первой своей задачей, целью магически воздействовать на произрастание и возобновление растительности, а принципом, от коего ожидали этого воздействия, служил принцип гомеопатической, подражательной магии.

Невежественный человек полагает, что, подражая какому-либо явлению, он способствует его осуществлению. Так, кропя почву водой, вызывают дождь; зажигая огонь, стараются вызвать солнце, и т. д. Точно так же, подражая росту хлебов, надеются

обеспечить хороший урожай. Быстрое прорастивание пшеницы и ячменя в «садиках Адониса» имело своею целью вызвать прорастание зерна на полях, а бросание этих «садигов» в воду было магическим обрядом для получения достаточного количества плодотворных для нивы дождей» (и половодий).

Следовательно, «садики Адониса», с одной стороны, выявляли растительную природу самого божества, а с другой — носили производственно-магический характер: с их помощью древние земледельцы пытались магически вызвать и способствовать росту хлебов на полях, растительности — на лугах и обеспечить их достаточным количеством необходимой влаги. Мы уже видели раньше, что такой обычай изготавливать эти «садики» существовал еще у древних египтян, его же мы наблюдаем в Александрии и Греции. Мы можем сказать теперь, что он не ограничивался только теми местностями и той эпохой, а был распространен гораздо шире и удержался местами даже до наших дней.

Так, ораоны и мундасы Бенгалии, когда приближается время посева риса, срубают в лесу дерево или ветку и с пением, под звуки барабана, сажают его посредине деревни, причем все это сопровождается танцами. К самому празднику посева девушки сеют в смешанную с шафраном, смоченную землю зерна и прорастивают их. В день праздника они берут полученную таким образом зелень, несут ее в корзинках к деревцу, простираются ниц и кладут перед ним принесенное. Затем деревцо и, повидимому, зелень уносят и бросают в воду.

То же самое продельвается в Северной Индии на празднике пшеницы. В месяце Саване сеют в горшки с навозом зерна пшеницы, которые к концу месяца прорастают и заполняют горшки зеленью. В первый день следующего месяца женщины вырывают эту зелень, землю и навоз бросают в воду, а ростки раздают своим друзьям, которые украшают ими свои тюрбаны и одежды. В некоторых местностях

Баварии в три последние дня масленицы сеют в горшки семена льна и затем по произрастанию гадают или судят, — какой посев, — ранний, средний или поздний, — принесет больший урожай.

На острове Сардинии «садики» Адониса изготавливаются к летнему празднику Ивана Крестителя: в конце мая девушки сеют в наполненные землей горшки зерна пшеницы и ячменя, которые к названному празднику пускают уже высокие ростки. В день праздника молодежь берет эти «садики», с песнями и плясками несет их на край деревни и там разбивает об угол церкви, после чего происходит выпивка с песнями и танцами. Там же, в Сардинии, в местечке Озиери, этот обычай носит несколько иной вид: накануне праздника Ивана Крестителя горшечки с пророшенной зеленью выставляются на завешанных тканями подоконниках. «Садики» эти украшаются разноцветными шелковыми ленточками и в середину их, в зелень, вставляются сделанные из картона изображения божка садов Приала.

Аналогичным образом поступают и в других местах Западной Европы, причем все это приурочивается большей частью к Иванову дню, т. е. как раз к тому времени, когда в Ассиро-Вавилонии, Финикии, Греции справлялся праздник смерти Таммуза и Адониса. Такой же сельскохозяйственный, производственно-магический характер носит родственный им всем и выродившийся в обычай обряд поляков и некоторых из наших соотечественников — украшать пасхальный стол зеленью, цветами и даже «садиками Адониса», что нам не так давно пришлось видеть в Ленинграде.

Итак, и эти «садики Адониса», изготовлявшиеся к торжественному празднику его смерти, выдают нам его растительную природу. В вышеприведенных словах Фрезера мы видели, что он эту природу разбираемого божества считает изначальной, первоначальной. Соглашаясь с ним во всем остальном, мы несогласны с ним в данном пункте

и считаем, что некоторые мотивы мифов и некоторые моменты культа Адониса позволяют нам проникнуть в еще более отдаленное прошлое и вскрыть еще более древнюю и в полном смысле первоначальную, исконную природу этого божества. Ее выдают нам указания на то, что в его мифах и культе играл роль дикий кабан, вепрь.

Напомним, что, согласно мифам, Адонис погиб на охоте, уязвленный, смертельно раненный клыком кабана, и что на его празднике около его плащаниц помещали изображения, статуэтки этого кабана. Присоединим сюда еще сообщение Лукиана, подтверждаемое другими источниками, что у сиро-финикиян «свиньи считаются нечистыми; их не приносят в жертву и не употребляют в пищу. Однако некоторые считают их животными священными». Сам собою теперь напрашивается вопрос: почему свиньи считались у поклонников Адониса то нечистыми, то священными животными, и почему дикая свинья, кабан или вепрь, стоит в какой-то странной связи с мифами и культом данного божества?

Только и только потому, что сам Адонис некогда, первоначально был дикой свиньей, вепрем; иными словами: пред нами здесь пережиток, так называемого, тотемизма, — одной из древнейших стадий в развитии религии.

Было время, когда отдельные кланы первобытных людей, имея только самые примитивные, простые и мало действительные орудия производства (оружие и пр.), сознавали свою слабость перед животными и признавали свою близость к ним. На этой почве в ту эпоху жестокой борьбы за существование и войны всех против всех выросли представления о необходимости для взаимопомощи и совместной защиты союза с тем или иным видом, кланом животных и о связи узами кровного родства с ними, даже о происхождении от них. Это обстоятельство налагало определенные обязательства на обе стороны и вело к ряду вытекавших отсюда следствий.

Так, запрещалось убивать, есть, причинять вред и вмешиваться в обязанность всячески поддерживать и защищать весь родственный животный клан и отдельных его представителей. Этот запрет носил религиозный характер — табу, а данные животные, их вид, делались тотемом, тотемными, священными животными для соответствующего человеческого клана, — почему последний часто назывался по ним, по своему тотему; например: кланом быка, волка, черепахи и др. Если человек находил труп своего тотемного животного, он обязан был оплакать и похоронить его, как своего родственника, сочлена клана. Если острая нужда, крайняя необходимость вынуждала человека убить такое священное животное, старались сделать это со всяческими извинениями, оправданиями, или же убийство поручалось члену какого-либо другого клана, для которого данный вид животных не был тотемом.

С другой стороны, члены клана, ведя свое происхождение от одного тотема, все считались родственниками, братьями и сестрами, почему обязаны были помогать и защищать друг друга; в случае убийства кого-либо из них за него должен был мстить убийце весь клан, равно как и весь клан убийцы нес на себе ответственность за преступление своего члена. Дело шло еще дальше: узы тотема считались крепче уз семейных и не совпадали с последними, так как перенесение тотема, его наследование происходило по материнской линии, а не по линии отца. Отсюда, а также из того, что все члены клана считались близкой родней, братьями и сестрами, вытекал запрет входить им в половое общение друг с другом, вступать в брак, и создавалась экзогамия, т. е. половое и брачное общение только с членами иных кланов и иных тотемов.

Наконец, для того, чтобы сильнее закрепить родственные, тотемные узы между собой и самим тотемом, раз в году (иногда и чаще) в главный праздник тотемное животное

с соблюдением определенных обрядов закалывалось или разрывалось, а его священное мясо и кровь распределялись между членами клана и поедались ими, причем все это сопровождалось оплакиванием умерщвленного и поедаемого тотема. Так «фиванцы, — по словам Геродота, — считают баранов священными (тотемными) и закалывают их только в день праздника Зевса. Это — единственный день в году, когда они приносят одного в жертву... Сделав это, все стоящие у храма бьют себя в грудь и оплакивают смерть барана».

Здесь перед нами в своей изначальной форме таинство причащения, ибо закалываемое или разрываемое и поедаемое священное, тотемное животное является и считается божеством совершающего обряд клана: весь тотемный животный вид — божество человеческого клана, и отдельные представители его, священные животные, — носители в себе и представители святости, божественности тотемного божества. Отсюда развивается зоолатрия — поклонение определенным животным; отсюда складывается тотемизм — своеобразные верования, представления и поклонения тотемному божеству, охватывающему собой весь соответствующий животный вид.

Классической страной тотемизма был древний Египет. Известно, что священными животными там считались, например, кошки, коровы, овцы, обезьяны, крокодилы, различные птицы и пр., и в виде их изображались соответствующие тотемные божества. Все это — следы древнейшей ступени развития религии, тотемистической, когда люди своих богов представляли себе и изображали еще в виде тотемных животных.

В дальнейшем, с течением времени, под влиянием изменения материальных условий человеческой жизни, идет разложение тотемизма. Это «изменение материальных условий жизни, — скажем словами Плеханова, — заключается

прежде всего в том, что растут производительные силы первобытного человека, т. е. другими словами, в том, что увеличивается его власть над природой. А увеличение его власти над природой изменяет его отношение к ней. Маркс сказал, что, воздействуя на внешнюю природу, человек изменяет свою собственную природу. К этому надо прибавить, что, изменяя свою собственную природу, человек изменяет между прочим и свои представления об окружающем его мире. Но когда изменяются его представления об окружающем его мире, то естественно, что происходит более или менее коренная перемена и в его религиозных представлениях. Было, как мы уже знаем, время, когда человек не только не противопоставлял себя животным, но, наоборот, в очень многих случаях склонен был признавать их превосходство над ним. Это было время возникновения тотемизма. Потом постепенно наступило другое время, когда человек стал признавать свое превосходство над животными и противопоставлять себя им. Тогда тотемизм должен был исчезнуть» («О религии»).

Это произошло тогда, когда человек научился изготовлять и применять более сложные и действительные орудия производства, оружие, и когда он научился приручать, делать домашними и использовать животных для своих целей, для работы, пользоваться их рабочей силой.

В чем же заключается это разложение тотемизма и какие следы, пережитки его сохраняются, удерживаются в дальнейшем?

Разложение это идет по разным направлениям, выливается в различные формы и под влиянием различных социальных условий ведет к различным следствиям. Так, под влиянием приручения и одомашнивания животных, применения их для работ и пр. священным тотемным божеством начинают считаться не все животные того или иного

вида, не весь вид, а только отдельные его представители, отдельные животные. Примеры этого: священный бык Апис в Мемфисе, козел в Мендесе, крокодил на озере Мэрис, лев в Леонтополисе и т. п. — в Египте.

Рядом с этим, на почве противопоставления человеком себя эксплуатируемым им животным нарождается и складывается антропоморфизм: представление и изображение тотемных божеств в человеческом виде, причем мы наблюдаем здесь три стадии: человек изображает божество в виде животного, затем — в виде человека, но с головою или какую-либо другую часть животного и, наконец, целиком в человеческом виде, а тотемное животное так или иначе ставится с ним в связь или присоединяется к нему в качестве лишь атрибута, символа или священного животного. Отсюда — странные на первый взгляд египетские изображения некоторых божеств: собакоголовый бог Анубис, соколиноголовый бог Тот, богиня Изида с головой коровы, кошачьеголовая богиня Бубастис, у греков — «волоокая» и «совоокая» Афина и т. п. Позднее все эти животные делаются священными животными названных божеств и их символами: у Афины — сова, у Зевса — орел, у Бубастис — кошка, у Изиды — корова, и т. п.

Вместе с тем происходит другое явление: запрет касаться, убивать и есть былых тотемных животных часто остается, причем они или попрежнему считаются табу, священными, запретными, или, — когда былой смысл этого табу забылся, стал непонятным, — рассматриваются как нечистые. Временами, на большие годовые праздники, этот табу часто снимается, животные умерщвляются, а верующие причащаются тела и крови своего бывшего тотемного божества. Мы говорим «часто», а не всегда, ибо здесь разложение тотемизма ведет к двум другим явлениям. С одной стороны, обрядовое, праздничное умерщвление тотемного животного принимает характер простой жертвы

человекообразному божеству. С другой, — когда боги стали представляться в человеческом виде и развилось представление, что тот или иной человек может воплощать в себе божество, всю полноту его божественной силы, стали жертвенно умерщвлять и поедать тело и кровь этого человека: жертвы животные сменялись жертвами человеческими.

Этими жертвами были сначала вожди, цари, потом, в силу магического «замещения», их дети, дети аристократии, простые члены общества, рабы, пленные, преступники и, наконец, опять животные или символические изображения человека, статуи, куклы.

Разумеется, когда начала складываться мифология, весь этот процесс развития и разложения тотемизма повлек за собою создание целого ряда мифологических мотивов, мифов, сказаний, в коих так или иначе фигурируют животные и посредством коих последующие поколения пытались объяснить сделавшиеся непонятными пережитки былого тотемистического прошлого.

После этих предварительных кратких замечаний вернемся опять к рассмотрению культа и мифов Адониса.

Отмеченная нами и казавшаяся странной связь Адониса с дикой свиньей, кабаном, вопреки определенно показывает, что мы имеем дело здесь с явными, несомненными следами и пережитками тотемизма, и что он сам был некогда священным кабаном, тотемным животным финикийян. Мифологический мотив умерщвления божества на охоте вопреки и культовой момент ежегодного оплакивания умерщвленного Адониса сложились на основе былого, ежегодного, обрядового умерщвления, оплакивания и причастного поедания тотемного вепря, божественного животного — божества финикийян, когда они были еще охотниками, а не земледельцами и купцами. Этому истолкованию нисколько не противоречит, а наоборот, подтверждает его правильность

сообщение Лукиана, что финикийцы считали свиней животными нечистыми, а иные священными, и не употребляли их в пищу. Мы уже видели, что идея нечистого и первоначально священного или, точнее, запретного входила, как одна из главных и составных частей, в понятие тотема, являвшегося табу, запретным для членов клана.

Характерно, что запрет касаться и есть свиней существовал не только у финикийцев, но и у сирийцев, ассирийцев, вавилонян, египтян; он же удержался до сих пор у евреев и арабов. Это обстоятельство показывает, что некогда кабан был тотемом, тотемным животным и божеством вообще всех семитов, притом, повидимому, уже тогда, когда они еще не распались на отдельные народности и не расселились по разным странам. В Финикии этот тотем особенно понятен, если мы учтем первоначальное главное занятие жителей — охоту (примитивное, слабо развитое земледелие мы не считаем): вершины, склоны и ущелья ее гор были, а отчасти и теперь, покрыты вековыми, непроходимыми лесами и чащами, где во множестве водились и водятся кабаны, вепри, т. е. дикие свиньи.

Дальше можно, несколько не рискуя ошибиться, утверждать, что некогда на празднике смерти Адониса запрет есть свиней, свиное мясо снимался; даже больше, — оно было главной принадлежностью обрядовой, причастной, праздничной трапезы, причем это имело место не только у финикийцев, но и, например, у древних евреев. Глухой отголосок этого мы находим в Библии, у пророка Исаии, в его словах: «Вечный произнесет свой приговор над теми, кто освящает и очищает себя друг за другом посреди садов, и ест мясо свиней и нечистых животных и мышей» (66, 17).

Можно идти еще дальше и предполагать, что обрядовое умерщвление, оплакивание и поедание тотемного кабана сменилось потом у финикийцев таким же умерщвлением и

поеданием обожествленного человека, царя и дальнейших его человеческих заместителей.

У финикийно-земледельцев существовала печальная песня, аналогичная египетскому манеросу и называвшаяся линосом. Говорили, что она пелась в честь умерщвленного на охоте юноши Линоса; на самом же деле, ее название произошло от финикийских причитаний: «ай ламе!» — «горе нам!» — причитаний по Адонису, а ранее — по умерщвляемой человеческой жертве — воплощению тотема.

Возьмем еще несколько моментов из культа и мифов Адониса.

Выше мы видели, что характерной чертой его праздника была религиозная проституция: женщины должны были целый день отдаваться за деньги, притом только иностранцам, а деньги поступали в пользу храма Астарты-Афродиты. Этот отвратительный обряд-обычай станет для нас ясен, как только мы припомним связь того же тотемизма с экзогамией. Все члены клана, имевшие один общий тотем, от коего они вели свое происхождение, считались близкими родными, братьями и сестрами друг друга, а потому не имели права вступать в половое, брачное общение; они могли это делать только с членами других кланов, имевших другие тотемы.

Это общение, необходимое для поддержания существования клана, а также для магического поддержания и размножения тотемных животных, принявшее дальше характер магического же поддержания жизни растительности и вообще всей природы, происходило некогда однажды в год, как раз в те праздничные дни, когда весь клан принимал участие в умерщвлении, оплакивании и поедании тотемного божества. На это торжество, на эти дни сходились члены других тотемных кланов и за особую плату, подарки вступали в общение с женщинами, ибо только они одни и имели право на это. Впоследствии, с изменением социаль-

ных условий, с разложением тотемизма, этот внутриклановый брачный запрет отпал, но как пережиток его остался разбираемый нами обряд-обычай ежегодной праздничной проституции поклонниц Адониса с иностранцами, как с членами других тотемных кланов.

Ранее в это общение с чужекланниками должны были вступать все женщины: это был их долг в отношении и клана, и божества клана — тотема. Позднее эта обязательность была смягчена и заменена, с одной стороны, установлением постоянного штата из добровольных, а иногда наследственных, профессиональных храмовых проституток. С другой, — возможностью женщине пожертвовать собою только один раз в жизни или даже пожертвовать только частью себя, заменяющей и замещающей все тело. Отсюда — совершавшийся на празднике адоний обычай-обряд женщин брить себе волосы на голове, если они не хотели отдаться иностранцам. Почему волосы на голове? Потому что они тоже магически замещали и символизировали то, чем поклонницы божества должны были послужить ему и пожертвовать во имя его, клана и всей природы.

Наконец, скажем несколько слов о последнем неясном мифологическом мотиве, — о происхождении Адониса от кровосмесительной связи царевны Мирры со своим отцом, родственным мотивом чего является рождение Таммуза от Иштар и его супружеская связь с нею. Господствовавшая в древности в некоторых местах особая система социальных отношений дает нам ключ и к этим мотивам. Наследование там, в тех местах, происходило обычно по женской, материнской линии. Это вело к тому, что позднее иногда царская власть хранилась и передавалась по женской линии: чтобы получить ее, мужчина должен был жениться на царственной женщине. В случае, если жена умирала, он, дабы удержать власть, должен был вторично жениться — на своей и ее дочери; если умирал отец, сын, дабы вступить

во власть, должен был жениться на своей матери, брат женился на сестре, многие примеры чего мы видим в истории Египта, где даже около начала христианской эры на престоле сидели одновременно брат и сестра, вступившие в брак друг с другом. Система этих социальных брачных норм, очевидно, некогда существовавшая также в среде финикийских царей, и нашла свое отражение в разбираемом нами, отвратительном мифологическом мотиве кровосмесительной связи дочери со своим отцом.

Этим мы исчерпали главные и наиболее туманные, непонятные моменты мифологии и культа финикийского «господа» Адониса, и теперь подведем итог сказанному.

Мы нашли, что этот «христос» был первоначально кабаном, тотемным животным и божеством финикийцев, раз в году, на общеклановом празднике освящения и единения, умерщвлявшимся, оплакивавшимся и поедавшимся ими. На этом празднике, в силу экзогамии, для поддержания существования клана, а также для магического воздействия на размножение тотемных животных, происходило половое общение женщин с членами иных тотемных сообществ. Тогда, в ту эпоху, все тотемные животные считались табу, запретными, священными, божественными.

Позднее, с разложением тотемизма и появлением антропоморфизма, ежегодное умерщвление божественного кабана видоизменяется в жертвенное заклание, оплакивание и поедание, дальше — погребение человеческого воплощения тотема, обожествленного человека, вначале царя или его сына. В это время создается мифология и на почве объяснения центрального, главного обряда вырастает и складывается миф о царском сыне, охотнике Адонисе, умерщвленном на охоте кабаном, вепрем. Так как этот обряд совершается ежегодно и ежегодно умерщвляется — прежде животная, потом человеческая жертва, — то все это вместе с взглядом древних на смерть полагает начало

развившейся позднее идее и мотиву ежегодного воскресения божества. В дальнейшем, с развитием земледелия при помощи прирученных животных, скота, которое делается главным занятием большинства населения, Адонис, его мифы и культ постепенно принимают растительный характер, и он делается уже божеством растительности вообще, хлеба в особенности. Тогда его главный обряд и праздник соединяются уже с земледельческим производственным моментом, обрастают и усложняются новыми деталями и одной из своих целей имеют магически воздействовать на рост хлебов на полях, зелени на лугах, плодов на деревьях, чадородия в человеческом обществе и благосостояния всего народа, всего государства.

Однако былые тотемистические черты культа и образа Адониса не исчезают бесследно: они сохраняются, переживают как в мифах о нем, так и в обряде класть изображение кабана в плащаницу «господа», в запрете есть свиней, свиное мясо и, отчасти, в религиозной, обрядовой праздничной проституции его поклонниц.

IV. ФРИГИЙСКИЙ „ХРИСТОС“ АТТИС.

1. Фригийский „спаситель“ и его „пасха“.

В 205 г. до христианской эры Римская республика переживала глубочайший кризис, грозивший ей, казалось, неминуемой гибелью: то был разгар многолетней, смертельной борьбы Рима с Карфагеном. Непобедимый полководец последнего, ужас римлян — Ганнибал — находился еще в самой Италии и мог угрожать Риму; Испания была потеряна; другой карфагенский полководец — Магон, — захватил Геную и подумывал об Этрурии; римский консул Лициний доносил сенату, что в армии свирепствует эпидемия; другой консул — Сципион — организовывал в Сицилии поход в Африку, судьбы коего тяготили своей неизвестностью. Понятно, что при таком положении дел обострилось религиозное чувство, народ ломился в храмы, жрецы совершали всяческие жертвоприношения и обряды, но все это, конечно, не помогало.

Тогда прибегли к последнему средству: особая жрецкая коллегия обратилась к таинственным священным книгам вещей пророчицы Сивиллы и вычитала там пророческое указание. По словам одних авторов, оно было таково: «когда чужеземец-враг перенесет войну на италийскую почву, чтобы победить и прогнать его, надо будет сначала привести из Песинунта в Рим Матерь идейскую»; по другим — там было написано, что «римлянам следует построить храм в честь Великой матери богов и привезти святыни Песинунта — города Азии»; наконец, по словам третьих, там стояло туманное выражение: «Матери нет

здесь: мать тебе следует искать, римлянин. Таково мое повеление», и дельфийский оракул разъяснил, что имеется в виду Мать богов с горы Иды, во Фригии.

Туда, к царю Атталу, была послана специальная делегация; не обошлось, как водится, без чудес, и 4 апреля следующего 204 г. в Рим был привезен черный, конической формы камень, изображавший собой фригийскую богиню Кибелу, Великую идейскую мать богов. Закулисной стороной всего этого было, с одной стороны, желание одурачить народ и поддержать его возбуждение, поднять дух, а с другой, — и это главное, — привлечь на свою сторону Аттала, а чрез него — богатую Малую Азию. Когда после этого военное счастье переменилось, и Ганнибал был разбит, это приписали помощи богини, построили ей великолепный храм, освятили его в день приезда Кибелы и установили особый праздник, справлявшийся с 4 по 10 апреля. Отныне Мать богов прочно водворилась на семи холмах вечного города. Однако богиня водворилась там не одна: она привезла с собой и своего возлюбленного — страдающее и воскресающее божество фригийцев, их «христа» — Атгиса. Им-то мы и займемся теперь.

Зелинский, следуя рассказу древнехристианского писателя Арнобия, так рисует историю этого фригийского «спасителя»: «Сила (вернее, семя) Зевса во время сна стекает на землю; оплодотворенная земля рождает страшное двуполое существо, получившее от места своего рождения, горы Агда, имя Агдистис. Его разрушительная удаль заставила богов принять меры против него; по их постановлению Дионис налил вина в источник, из которого оно утоляло свою жажду, последствием чего был глубокий сон опьяненного. Тогда Дионис тонкой веревкой привязал его мужской детородный член к его же ноге, так что оно, проснувшись, сильным и быстрым движением само себя оскопляет. Из просочившейся на землю крови

вырастает миндальное дерево; один его плод срезает Нана, дочь речного бога Сангария, и прячет в своем лоне. Миндаль внезапно исчезает, Нана же становится беременной и рождает дитя Аттиса.

Аттис становится юношей неземной красоты; Агдистис, теперь уже только женщина, влюбляется в него, делает его своим товарищем на охотах и вообще всюду берет его с собой. Но и царь страны обращает на него свое внимание и назначает его мужем своей дочери. Во время свадьбы врывается ревнивая Агдистис; при ее виде всеми овладевает безумие. Аттис схватывает свирель Агдистис, бежит в горы и там, под сосной, сам себя осклапляет. За этим самоизувечиванием следует смерть. Тогда Агдистис раскаивается в своей ревности: она просит Зевса вернуть жизнь ее любимцу. Это, однако, оказывается невозможным; единственное, что он может ей даровать,— это нетленность его тела: его волосы продолжают расти, его мизинец продолжает двигаться. Агдистис хоронит тело Аттиса в Пессинунте и учреждает в честь его, как бога, ежегодное празднество и жреческую коллегию осклапленных «галлов».

Наряду с этим существовал другой миф, иначе рисующий дело. Однажды жена фригийского царя родила ему дочь, но он приказал выбросить ребенка на гору Кибелу. Там девочка была вскормлена дикими зверями, а затем найдена и взята к себе местными женщинами, назвавшими ее, по месту нахождения, Кибелой. Последняя, превратившись позднее в девушку, подарила свое сердце красавцу-юноше Аттису и сделалась от него беременной. После этого отец случайно обрел свою дочь и, увидев ее положение, велел умертвить юношу и оставить его без погребения. Узнав о несчастье, Кибела с дикими воплями и рыданиями стала бродить по горам в поисках трупа, но он исчез, исчезла и возлюбленная. Страну постигло

несчастье, и жители ее по совету богов постановили похоронить тело Аттиса, а Кибелу чтить как богиню. За неимением трупа они погребли изображение юности и установили ежегодное скорбное празднество по нему и богине, а также соответствующие жертвы им, как умершим.

Таковы мифы об этом фригийском «спасителе» и его возлюбленной — Великой матери богов, выводимой здесь под местными горными названиями Агдистис и Кибелы. Странно, что в них мы не находим одного мотива, который мы привыкли встречать во всех подобных мифах о божественных страстотерпцах, мотива воскресения из мертвых. Посмотрим, не дает ли нам его тот ежегодный, скорбный праздник, установление коего относится ко времени смерти божества и приписывается то самой богине, то местным жителям.

Как совершался этот праздник на родине культа Аттиса, в самой Фригии, мы хорошо не знаем, зато у нас много сведений о том, как он совершался позднее в самом Риме, куда был занесен вместе с культом, как мы видели, в самом конце III в. до христианской эры. Исследователь Анри Грэльо, перу коего принадлежит лучший труд по истории культа Кибелы и Аттиса, собрал все сообщения древних авторов об интересующем нас фригийском празднике, восстановил почти полную картину его, почему мы в главном и последнем его описанию:

Праздник был весенний и охватывал собою 15—27 марта, т. е. как раз то время, когда некогда справлялась христианская пасха.

Начинался он 15 марта, днем «Вхождения тростника»: особая коллегия «тростниконосцев», состоявшая из мужчин, женщин и детей, предводимая особыми лицами — их «духовными отцами и матерями», в торжественной процессии срезала и несла в храм Кибелы тростник.

В этот же день совершался другой обряд: члены названной коллегии водили шестилетнего быка, который потом закалывался «архипереем» — верховным жрецом в обеспечение плодородия нагорных нив.

С 16-го числа начинался девятидневный период покаяния, причем он сопровождался половым воздержанием и суровым постом; особенно строго запрещалось есть хлеб и вообще что-либо мучное, а также коренья, некоторые фрукты, свинину, рыбу и пить вино. В чем заключались самые обряды и службы этих дней — неизвестно.

С 22-го числа начинались наиболее священные, торжественные дни. День этот, по своему главному обряду, носил название «Вхождения древа» и распадался на три момента: на «рубку» священной сосны, на торжественное «шествие» и на «выставление». Первый момент проходил в том, что еще до восхода солнца особое братство «древоносцев» отправлялось в священную рощу богини и срубало там сосну. У подножья последней закалывался баран. Срубленную сосну частично очищали от ветвей, обвивали шерстяными красными, т. е. погребальными, пеленами-бинтами, увешивали венками из фиалок и вещами Аттиса: его палкой, свирелью, тамбурином, цимбалами и двойной флейтой. К середине дерева прикрепляли изображение — статую самого божества. Все это символизировало смерть Аттиса и делалось, якобы, в воспоминание о том, что он умер под сосной, был перенесен затем Кибелой в пещеру, куда она перенесла также и самую сосну, украшенную выросшими из крови покойного фиалками.

Самое перенесение умершего в пещеру и плач над ним богини символически выражались продолжением операции с сосной.

Срубив и убрав таким образом сосну, древоносцы, сменяя друг друга, и жрецы торжественно несли ее по улицам города в святилище. Пели печальные, скорбные

песни. Скопцы-жрецы — галлы, с длинными' распущенными волосами, грохотали своими тамбуринами и в знак горя били себя в грудь. Когда шествие подходило к храму, сосну выставляли на поклонение верующим в особом священном месте храма, на так называемом поле Матери богов. Поклонение длилось три дня, в течение которых в храме все время слышались жалобные причитания, громкие вопли, скорбные призывы, звуки тимпанов и цимбал, и все это чередовалось со скорбными песнопениями и возгласами жреца: «Плачьте по Аттисе! Бейте по Аттисе!» И верующие вопили по Аттисе, ударяли себя в грудь, более ревностные из них держали в руках сосновые шишки и били себя ими или царапали до крови. Многие проводили все эти ночи в храме, присутствуя на всенощных бдениях.

День 23-го числа, когда имело место «освящение труб» (подробности этого обряда до нас не дошли, равно как и придававшееся ему значение), проходил в печали, в скорби и измождении плоти, в молитве как наедине, в домах, так и в храме.

Следующий день, 24-е число, носил в календаре название «Крови», по совершавшемуся на нем кровавому обряду; проходил он в самом строгом посте и был главным из всего трехдневного периода оплакиваний умершего божества, почему на этот день прекращалась служба во всех учреждениях и не устраивалось заседаний сената. Начинался он с того, что главный жрец — архигалл в храме, стоя перед священной сосной с повешенным, распятым на ней божеством, ножом ударял себя в руку и льющейся из раны кровью окроплял сосну и жертвенники.

То было сигналом прочим жрецам и верующим: снова раздавались скорбные вопли, стоны, причитания, оглушительно гремели тамбурины и цимбалы, толпа неистовствовала в выражении своей скорби. Предшествующие дни с их постом, умерщвлением плоти, длинными нощ-

ными бдениями, скорбными песнопениями, рыданиями, воплями, оглушительной заунывной музыкой, — все это ко дню крови настраивало верующих на определенное настроение, доводило до высшего напряжения их нервную систему и теперь выливалось в самые дикие, изуверские формы.

Участники — жрецы и верующие, — опьяненные, возбужденные пускались в стремительную обрядовую пляску, хватали заканчивающиеся острыми колючками ременные бичи и стегали себя по спине, другие схватывали двулезвийные остроотточенные ножи и поражали себя в руку и плечи. Из ран от плетей и ножей потоками лилась кровь, и ею обрызгивали, окропляли священную сосну. Вид и запах льющейся крови доводил некоторых до безумия: эти некоторые бросались за обрядовыми, кремневыми ножами, хватали их и проделывали над собой то, что, якобы, некогда проделал сам Аттис, на жертвенник коего они метали, бросали теперь свою кровавую жертву. Они таким образом посвящали себя на всю жизнь на специальное служение божеству, делались его служителями-скопцами, галлами. Это кровавое посвящение на мистическом языке поклонников фригийского «христа» носило специальное наименование «совершения священной и неизреченной жатвы бога Галла» (т. е. Аттиса).

После этих кровавых и других жертвоприношений умершему «христу» происходило его торжественное погребение: священную сосну несли в подземную, пещерообразную комнату храма, ставили ее там, снимали с нее изображение Аттиса, полагали в гроб, на погребальное ложе, и оплакивали, как погребенного. Это выставление в пещере плащаницы и плач над ней символизировали погребение. Верующие и жрецы выходили из пещеры и закрывали дверь, — «христос» в гробу, в могиле! Этим заканчивалась первая часть обрядов данного дня.

Когда наступал вечер, богослужение возобновлялось. Сначала оно проходило в чтении различных молитв, в скорбных песнопениях и факельных шествиях с взыванием к божеству. Затем, около полуночи, в святилище гасился свет, наступала темнота, верующие замирали в трепетном ожидании. Ровно в полночь в глубине святилища внезапно блистал свет, и это было знаком того, что «христос» воскрес из мертвых. Тогда верховный жрец совершал таинство миропомазания: присутствующие один за другим подходили к нему, он священным маслом-миром мазал им горло, и тихим голосом говорил:

Воспряньте духом, мисты: бог спасен!
И мы обрящем от трудов спасенье.

«Мы радуемся!» — хором отвечала толпа на это фригийское «христос воскрес!».

Так начинались «гилярии» — фригийская «пасха», радостный праздник воскресения «спасителя», — воскресенье после трехдневного пребывания его во власти смерти. Начинался он, как видим, в полночь на 25 марта, в момент весеннего равноденствия в древности, — как раз тогда, когда начиналась пасха и у древних христиан.

Этот радостный, веселый весенний праздник пользовался большой популярностью в Риме и во всей империи. Обрядовым содержанием его были торжественное богослужение в храме, где приносились благодарственные жертвы воскресшему Аттису и Кибеле, и в не менее торжественной процессии по улицам города, привлекавшей к себе массу народа. Во II в. христианской эры эта процессия была самой блестящей в Риме, причем в ней принимали участие все высшие городские власти, армия, сенат, императорский двор и сами императоры, выдававшие на нее для несения пред статуей богини различные драгоценные вещи и произведения искусства.

В этот день все веселились, предыдущая скорбь, печаль сменялась необузданной радостью; верующие при встречах приветствовали друг друга словами: «Аттис воскрес! Эвоэ Аттис!» Все одевались в белые, праздничные одежды, украшали себя цветами, венками. Тогда же носили по улицам светильники, факелы, свечи, причем факелы эти имели свадебный характер: праздник воскресения Аттиса считался также торжеством и его бракосочетания, почему по его адресу раздавались приветствия: «Привет тебе, жених!» Некоторые из верующих в этот день переодевались, рядились, ходили в масках.

Самая процессия проходила таким образом:

Впереди шло духовенство: диакониссы несли священные сосуды; одетые в белое жрецы и жрицы держали в руках зеленые ветви и священные атрибуты; ими предводительствовал верховный жрец-архигалл, в пурпуровом облачении, с золотой, увешенной образками божеств, митрой на голове, в руках у него был священный ковчег, «хранящий в себе тайны великой религии»; окружала их толпа галлов, одетых в праздничные ризы со свешивающимися с них образками; далее несли статуи разных чтимых божеств из свиты Великой матери.

За ними двигалась влекомая поклонниками, украшенная серебром и дорогими материями, колесница с изображениями Аттиса и Кибелы. Воскресший «спаситель» был в своей национальной фригийской шапке, держал посох и вожжи; его возлюбленная была одета в дорогие одежды и держала царский скипетр. Временами шествие останавливалось, чтобы все могли видеть священные предметы; повидимому, тогда же приносились жертвы. Когда оно, совершив надлежащий путь, возвращалось опять к храму, статуи божеств и все прочее водворялись на свои места, а верховный жрец совершал торжественное моление за императора и его дом, за сенат, за римский народ, за армию

и флот, за все то, что составляет империю. После этого верующие проходили мимо священных изображений и расходились по домам, где заканчивали день веселыми пиршествами.

Так проходил первый день фригийской «пасхи». Второй ее день, 26 марта, назывался и был днем «Отдыха, покоя»: отдыхали от тревожностей предшествующих дней, почему никаких особых обрядов не совершалось. На третий день, 27 марта, имело место новое шествие: утром жрецы и верующие собирались в храме, вывозили повозку Кибелы, ставили на нее ее изображение и босыми отправлялись к ручью Альмону. Там повозку эту ввозили в воду, подходил одетый в пурпуровое облачение архигалл, обмывал водою и тер золой изображение богини, затем проделывал то же самое с ее священной повозкой, со священными сосудами, ножами для кровавого жертвоприношения и с прочими принадлежностями культа. В это время пелись гимны и играла музыка. По совершении обряда омовения, купания, почему и самый день этот в календаре назывался «Омовением», приносилась жертва, затем читалась молитва с предложением богине вернуться в город, и все это завершалось обратным шествием, причем по пути изображение Кибелы забрасывалось цветами.

Этим днем заканчивалась фригийская «пасха», а «омовением» — обрядовая сторона этого праздника. Попробуем теперь разобраться в них и посмотрим, что они нам говорят.

Первыми обрядами, совершавшимися, как мы видели, 15 марта, было срезание тростника, несение его в храм, а также заклание быка в обеспечение плодородия нив. Это обстоятельство определенно говорит за то, что мы имеем здесь дело с весенним земледельческим праздником. Действительно срезание растущего у воды тростника стояло в связи с земледелием и носило магическо-производствен-

ный характер — стремление магически обеспечить поли необходимой дождевой и речной влагой. Другие подобные примеры этого обряда мы видим хотя бы в культах древних лидийцев и дорян, где молодые девушки с целью магически вызвать на поля дождь украшали себя венками из тростника на время ритуальных танцев. Магический смысл заклания шестилетнего, т. е. сильного в половом отношении, быка — обеспечение плодородия полей — указывают сами древние авторы и источники.

Дальше, с 16-го числа, начинался девятидневный пост со строгим запрещением есть хлеб и вообще мучное и иметь половое общение. Все это дает нам новые указания. С одной стороны, отсюда следует, что фригийская «пасха» был некогда праздником, связанным с началом жатвы и обрядовым вкушением первого, из нового урожая, хлеба. Начатки всех злаков и плодов (и животных) в древних религиях считались священными, святыми, носящими в себе святость, т. е. магическую силу, растительного божества. Поэтому пред вкушением нового — «святого» хлеба запрещалось есть старый, обычный хлеб и печения из старой муки: они осквернили бы долженствующий быть чистым для восприятия «святости» желудок, иначе, смешавшись с ними, новый хлеб потерял бы свою силу, осквернился. Это — та же идея, что лежит в основе запрета и христианам есть что-либо перед таинством причащения.

С другой — длительный запрет половых общений показывает, что в главный день праздника, на «пасху», поедание священного хлеба и прочее некогда сопровождалось усиленным половым сжидением участников и участниц, так как оно носило опять-таки магический характер и должно было магически обеспечить плодородие нивы, полей и вообще природы. К этому дню и акту требовалась соответствующая подготовка, воздержание. Что это было именно так, подтверждается тем, что на этот период за-

прещались также некоторые фрукты, свинина, рыба и вино, — как раз то, что, по мнению древних и отчасти действительно, возбуждает половое чувство.

Следующий обряд срубания, заворачивания в погребальные бинты и внесения в храм священной сосны вскрывает нам еще одну сторону природы Аттиса. Если предыдущие обряды выявляли его связь с хлебом, нивами, то этот выдает его былую связь с деревьями, его «древесную» природу, как духа, божества фригийской каменной сосны, богатой съедобными орехами. Возможно, что эта природа его даже древнее его «хлебной» стороны, если мы учтем, что первобытные люди до занятия земледелием питались главным образом кореньями, травами и плодами с деревьев.

Перейдем теперь к рассмотрению дня «крови» и его кровавых обрядов самоистязания и самооскопления, что верующими объяснялось, рассматривалось, как подражание акту, деянию самого Аттиса, якобы, оскопившего себя под сосной. Характерно и показательно, что мотив оскопления резко подчеркивается как в мифах, так и в самом культе этого «христа»: оскопляется Агдистис, самооскопляются Аттис, его поклонники, служат ему скопцы-галлы, на жертвенник ему бросаются результаты оскопления, из соответствующих оторванных членов Агдистис рождается миндальное дерево. В чем тут дело?

Ответ на это дают обряды весеннего человеческого жертвоприношения и первобытная магия.

Когда мы рассматривали культы Озириса и Адониса, мы видели, что у их поклонников-крестьян существовали особые обрядовые песни (манерос и линос), кои пелись жнецами при срезании первых колосьев, якобы, в память некогда умерщвленных юношей, а на самом деле сложились на почве былого человеческого жертвоприношения в начале жатвы. И вот точно такая же песня имелась также у крестьян-фригийцев. Называлась она литиерсесом и пе-

лась в начале жатвы и молотьбы. В объяснение ее рассказывали, что Литиерсес был сыном фригийского царя и имел милый обычай: увидя во время жатвы какого-либо иностранца, он заманивал его к себе на ниву, серпом срезал ему голову, завертывал труп в колосья и бросал в реку. Однажды он так заманил героя Геракла, но тот одолел его и проделал с ним то, что тот проделывал с другими.

Перед нами здесь глухой отголосок или полуизглаженный намек на то, что некогда у фригийцев существовал обряд умерщвления человека в начале жатвы, т. е. как раз в момент разбираемого нами весеннего праздника: жертва резывалась серпом на ниве, труп завертывался в колосья и бросался в воду. Для чего? Чтобы магически обеспечить нивам и впредь, для следующего урожая, плодородие вообще, необходимую влагу (дожди, разливы рек) в частности. Умерщвлялся при этом царский сын, ранее сам царь, а позднее — какой-либо случайный иностранец. Но так ли все это происходило, или здесь, в этой песне, некоторые моменты остались неотмеченными? Думается, что да и что недостающее позволяют восстановить мифы и культ Аттиса; скажем прямо: вышеотмеченные мотивы оскопления, с учетом еще висящего на дереве распятого изображения божества.

Если учесть и соединить воедино все эти моменты, дело предстанет в таком виде. Когда весной, в конце марта, наступало начало жатвы, и оно отмечалось праздником ее и поеданием первого хлеба и плодов, древние фригийцы старались магически поддержать в природе вообще, в нивах и деревьях в особенности, плодородие. К этому празднику у них, как у вавилонян и других народов, приурочивалось жертвенное умерщвление человека, — сначала царя, потом его сына или какого-либо другого «заместителя».

Это умерщвление соединялось с производственной магией и завершалось тем, что жертву (может быть, опьяненную, — сравни опьяненную Агдистис) вешали на сосну, распинали, отрезали у ней соответствующий орган и бросали в землю, затем труп снимали с креста-дерева, серпом отрезывали голову, завертывали его в колосья и бросали в воду (ранее поедали). Бросание жертвы завернутой в колосьях должно было магически обеспечить впредь необходимую для нив влагу, отрезание и бросание в землю органа имело целью магически возобновить или поддержать в земле, в почве, плодородие, производительную силу, а повешение, распятие на кресте-дерева должно было сделать то же самое в отношении плодородия сосен с их питательными орехами.

Позднее этот кровавый магический обряд был несколько смягчен: производилось только оскопление или самооскопление, причем соответствующая вырезанная часть зарывалась в землю с той же магической целью — возобновить и поддержать плодородие. Когда сложилась вера в богов и стал развиваться антропоморфизм, на почве истолкования кровавого обряда весеннего праздника и его оскопляемых жертв сложился миф о том, что некогда и сам бог Аттис оскопил себя под сосной. Тогда, с развитием культа этого божества, ежегодно оскопляющие себя жертвы стали превращаться в его постоянных служителей, скопцов-жрецов, галлов, но с установлением их постоянной жреческой организации потребность в ежегодном возобновлении производительных сил природы и божества, т. е. в самооскоплении, все же не исчезла, и она удовлетворялась тем добровольным актом его, который мы наблюдали при рассмотрении обрядов «дня крови», совершавшихся даже в первые века христианской эры в центре мировой империи, в самом Риме.

После этого, — скажем теперь, — становятся понятными также встречавшиеся нам раньше и не объясненные

нами мифологические мотивы, что Изида из-частей растерзанного египетского «христа»-Озириса не нашла только его полового органа, и что дикий вепрь поранил финикийского «господа» Адониса в пах, точнее, в тот же половой орган, отчего он и умер: все это — глухие отзвуки человеческого жертвоприношения и отрывания у жертв этой части с соответствующей магически-производственно-хозяйственной целью.

Сделаем еще попутно несколько замечаний в связи со всем сказанным.

Первоначально жертва умерщвлялась ежегодно: одна сменяла другую, как в дальнейшем ежегодно же происходило самооскопление жертв. Это обстоятельство послужило одним из оснований к созданию позднейшего праздничного культового мотива ежегодного воскресения Аттиса. Наконец, повешение, распятие жертв на сосне нашло свое отражение в мифологическом мотиве смерти Аттиса под сосной и в культовом, более древнем и устойчивом, моменте: повешении, распятии изображения божества на сосне.

Из остальных «страстных» обрядов разбираемого нами праздника остались не разъясненными только два: оплакивание и похороны, погребение статуи божества и сопровождающая это дикая музыка. Первый из них сложился на почве обрядов человеческих похорон, а второй стоит в связи с поздним верованием, что весной, ко дням праздника, выходят из могил на землю мертвые, духи, злые демоны, и их-то старались отогнать оглушительными звуками музыкальных инструментов, равно как и напоить, умилостивить кровью закалываемого под сосной барана. Баран этот, — заметим кстати и вскользь, — повидимому, некогда был одним из тотемных животных фригийцев, и он-то первоначально вешался, распинался на сосне и оскоплялся.

Перейдем теперь к разбору мотивов и обрядов самой фригийской «пасхи», дня воскресения Аттиса и последующих.

Аттис лежит мертвым три дня и воскресает на четвертый. Почти такую же картину мы видели в культе Озириса: он воскресает на третий день. Причем тут эти числа и сроки?

Идея воскресения из мертвых возникла на почве многократно наблюдавшихся первобытными людьми случаев оживания мнимоумерших, причем, когда выработалось представление о существовании души, это оживание стали рассматривать как возвращение души в покинутое ею тело. Наряду с этим древние подметили, что признаки разложения трупа и, значит, несомненной смерти становятся резко заметными только на третий или четвертый день после смерти. Это повело к идее, что душа умершего все эти три дня пребывает еще около трупа, может в него вернуться, умерший — ожить, воскреснуть.

Аттис умер и три дня лежит мертвым: вышедшие на землю злые демоны держат его душу, не позволяют ей вернуться в тело, поэтому, чтобы пробудить, воскресить его, надо прогнать их. И его пробуждают, а их прогоняют носящими магический характер оглушительной музыкой, заклинаниями-молитвами, ношением пылающих факелов и внезапным внесением света в тьму пасхальной полночи: исчадия тьмы боятся света, бегут от него, — и умерший бог воскресает.

Воскресший бог в тот же день становится женихом и вступает в бракосочетание с богиней, на что намекают как именование его «женихом», так и брачные факелы, — деталь, наблюдавшаяся нами в весеннем, новогоднем празднике вавилонского «христа» Мардука. При разборе последнего мы нашли, что все это является отражением существовавшего некогда обряда-обычая: ежегодно сменяв-

шийся царь должен был при принятии власти вступать в брак. Сюда надо еще присоединить вскрытый нами в связи с «адониями» и обрядовой проституцией обряд-обычай: весенний праздник сопровождался половым общением женщин с чужекланниками и, повидному, мужчин с чужекланницами (а позднее — со своими), дабы поддержать существование клана и магически возобновить и усилить плодородие, производительную силу всей природы. Недаром к пасхальному дню готовились длительным половым воздержанием и недаром перед ним происходило магическое погребение в землю соответствующего члена человеческой жертвы, а позднее — самооскопление некоторых верующих.

На том же весеннем празднике Мардука мы видели характерное перевертывание вверх дном социального уклада: рабы превращались в господ, а господа — в рабов, причем это имело целью обмануть выходящих весной из земли злых демонов и направить их злобу, а также жажду крови на рабов вместо господ. Это поверие и цель лежат также в основе пасхального ряжения и надевания масок поклонниками Аттиса: последние таким путем старались обмануть демонов, сделаться неузнанными ими. Характерно, что этим праздничным переодеванием пользовались для целей политических: в 187 г. заговорщики нарочно перерядились на разбираемый нами праздник «Гилярий», чтобы убить императора Коммода.

Обратимся теперь к последнему обряду — к «омовению» статуи Кибелы 27 марта. Обряд этот носил двойной характер и смысл. С одной стороны, он рассматривался, как омовение новобрачной богини после ее первого общения с Аттисом. В древности был обычай-обряд: новобрачная после первой брачной ночи должна была омыться водой, ибо пролитая ею кровь, якобы, имела магический характер, а также привлекала демонов и делала ее нечистой, а от

нее нечистыми делались и все предметы, к коим она прикасалась: на них магически переходила нечистота, скверна. Этот обряд нашел свое отражение в праздничном ритуале Кибелы: ее, как новобрачную, и омывали 27-го числа в воде Альмона, а с нею и все ее вещи: колесницу, сосуды и пр. С другой стороны, здесь была производственная магия: купая статую богини в реке, старались магически обеспечить необходимую для плодородия полей влагу.

Этим заканчивался пасхальный ритуал фригийцев, этим и мы закончим его разбор.

Что же мы видели?

Фригийский, многодневный, сначала скорбный, затем радостный весенний праздник носил производственный характер: он был связан с началом жатвы и поеданием первого хлеба, а ранее — со сбором и едой первых орехов местной сосны. В отдаленные времена (быть может, в эпоху каменного века, если учесть употребление кремневых ножей при самооскоплении) на этом празднике происходило обрядовое умерщвление — сначала барана, позднее — человека: его распинали на сосне, отрезали половой орган, зарывали последний в землю, а труп обезглавливали серпами, завертывали в колосья и бросали в воду. Делалось это с производственной, хозяйственной целью: пытались магически вызвать и поддержать ослабевшую производительную силу земли и природы, их плодородие и необходимую для них влагу, — дожди и разлив рек. С той же магически-производственной целью и с целью поддержать существование клана тогда же происходило, имело место усиленное половое сохождение. Позднее все это несколько смягчилось и ежегодное умерщвление жертвы заменилось ее оскоплением.

Еще позднее, с дальнейшим изменением социальных условий, а отсюда — с дальнейшим развитием религиозных установлений и представлений, на почве истолкова-

ния обрядов данного праздника сложились соответствующие культ, образ, идеи и мифы растительного божества — Аттиса, а самый праздник был поставлен в связь с ним, стал рассматриваться в качестве чествования его смерти и воскресения. Разумеется, на всем протяжении своей последующей истории все это видоизменялось, обрастало новыми наслоениями, усложнялось, получало новые толкования. Поэтому культ и мифы Аттиса так, как они дошли до нас, в своем позднейшем виде, носят уже многообразный характер, различные черты, — наследие или следы различных эпох и различных этапов развития религии.

Однако, несмотря на все это, связь с производственными моментами — земледелием и жизнью растительности — не порвалась: фригийский «христос» удержал, сохранил природу и черты божества хлеба и всей вообще растительности. Это мы видели в его обрядах и мифах, это, — добавим теперь, — выступает также в именовании его «весьма плодоносным» и «срезанным спелым колосом пшеницы». Это, наконец, подтверждается его статуями, где он изображен с венком из плодов на голове, с пшеничными колосьями и фруктами в руках.

2. Мистерияльная сторона культа.

Характерной особенностью культа Аттиса и Великой матери было то, что он состоял из двух сторон: из внешней, доступной всем, и из внутренней, тайной, сокровенной, доступной только для избранных лиц — для «посвященных». Таким образом, культ этот, подобно позднему культу египетских Сераписа-Озириса и Изиды, носил мистерияльный характер, почему тоже назывался мистериями, т. е. тайнствами. Внешнюю сторону его мы уже видели: она прошла пред нами при разборе мифов и обря-

дов фригийской «пасхи», — поэтому обратимся теперь к ознакомлению с его внутренней, мистериальной стороной.

Выше мы сказали, что она была доступна только «священным». Кто же были они?

Это были тесные, замкнутые корпорации, своего рода духовные братства, которые состояли из сравнительно немногих лиц и в среду коих допускались только после определенного «искуса» и с соблюдением целого ряда особых тайных обрядов «посвящения». Во главе братств стояли верховные жрецы, архиереи или архгаллы, носившие особое звание «папы», т. е. «отца». Далее шли обычные рядовые жрецы и некоторые другие члены клира, причем среди них были и женщины, например диакониссы. Остальная масса составляла простых «посвященных», называвшихся обычно «мистами».

Чтобы попасть в число последних, надлежало удостоиться и пройти «посвящение», которое совершалось только однажды в год: на самом празднике «пасхи» или же сразу после него. Заметим кстати, что в первые века принятие в число христиан, сопровождавшееся тоже посвящением и крещением, также происходило один раз в году и как раз в пасхальную ночь. Больше того, как и здесь, в культе Аттиса посвящению предшествовало предварительное «оглашение» кандидатов.

Кандидаты наставлялись в общих элементах тайного вероучения, изучали некоторые из тайных обрядов и магические формулы, должны были присутствовать при всех богослужениях в храме и вообще посещать его чаще остальных обычных верующих. Самое оглашение производилось жрецами и, как можно предполагать, некоторыми из посвященных, сделавшимися в отношении оглашаемых их духовными или, беря христианской термин, крестными отцами, матерями. Сопровождалось оно постом, воздер-

жанием, обрядами искупления и просительными, молитвенными жертвоприношениями.

Затем происходило самое посвящение. Мы не знаем всего, что проделывалось тогда, ибо посвященные обязаны были под страхом смерти хранить в тайне все виденное, слышанное и совершившееся ими, и тайну свою они свято соблюли. Из скупо сохранных нам древностью сообщений, из отдельных, рассеянных по ее литературе, замечаний и намеков мы узнаем только о некоторых, хотя и главных, обрядах, таинствах, имевших место при посвящении.

Так, над посвящаемым совершалось таинство крещения: посвящающий лил на голову его освященную воду из особого сосуда. Крещение имело своею целью магически омыть человека от всех скверн его плоти и духа, от грехов, сделать его чистым, ибо только чистых боги делают своими избранниками. «Святая» вода крещения, — по учению мистов, — очищала человека от грехов как его самого, так и от содеянных некогда его родителями и предками: в его лице вода омывала и последних, очищала и их, ибо посвящаемый должен был не только быть чистым сам, но и происходить от чистых, безгрешных родителей. Характерно и не случайно, что эту идею мы встречаем так же в мистериальных кружках и таинствах раннего христианства, где существовал особый обряд крещения за некрещенных умерших, в первую очередь, за предков; о нем мы читаем в приписываемом Павлу первом послании к коринфянам: «... что делают крестящиеся для (за) мертвых. Если мертвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для мертвых?» (16, 29).

Однако магическое очищение, обезгрешивание посвящаемого этим не ограничивалось: ему надо было не только просто очиститься, а переродиться, возродиться. Это достигалось некоторыми другими обрядами-таинствами.

Одним из них было кровавое крещение, омовение кровью закалываемого быка или барана, так называемые тавроболий и криболий. Оно совершалось как некоторыми и над некоторыми отдельными лицами, так и сразу за всю массу посвящаемых, когда данный обряд проделывался над жрецом или кем-либо из других мистов, замещавшим собой в своем лице всех очищаемых. Хотя этот вид крещения часто применялся в мистериях Аттиса и Кибелы, мы все же считаем его здесь заимствованным из мистерий другого «христа» — персидского Митры, почему описание и рассмотрение его сделаем при разборе этого последнего, митраистического культа.

Другим таким же, приблизительно, обрядом было магическое и символическое погребение посвящаемого. Происходило оно, повидимому, около полуночи, перед самым моментом воскресения Аттиса, и заключалось в том, что в тайном отделении храма вырывалась могила, в нее ложился посвящаемый, зарывался до головы, и над ним производилось отпевание, как при погребении; делалось это в глубоком мраке. Затем в самую полночь, в тот момент, когда вносился свет и жрец возвещал о воскресении «христа», погребенный освобождался от земли и выходил из могилы, — воскресал, ибо воскресение «христа» магически влекло за собой и воскресение посвящаемого. Так в нем умирал грешный человек и рождался новый; человек возрождался чистым, очищенным, безгрешным, как новорожденный младенец; он воскресал к новой жизни и в тот момент воплощал в себе и символизировал самого «спасителя», «христа». Повидимому, после этого над ним тоже проделывалось уже встречавшееся нам таинство миропомазания: жрец священным маслом мазал ему горло.

Итак, в сокровенном культе Аттиса существовали таинства крещения и миропомазания; присоединим к ним еще одно: таинство причащения.

Таинству этому предшествовало, по видимому, вкушение особой, освященной пищи, связанное с обрядом несения «кернаса», — священного сосуда, род металлической тарелки или чашки, в коей находились священные хлеб и питье. После одного из обрядов очищения посвященный принимал из рук жреца этот «кернос», с обрядовой припляской нес его на голове к статуям божеств, совершал из него возлияние им и затем сам вкушал содержащуюся там священную пищу. Но это еще не было таинством причащения; последнее совершалось следующим образом:

Когда очищенный в разных обрядах, омытый водою крещения и возрожденный к новой жизни посвящаемый принимался в число полноправных членов братства, в круг посвященных-мистов, он приглашался на особую священную трапезу. Там ему предлагался священный хлеб на особом священном блюде, имевшем вид музыкального инструмента — тимпана; вместе с тем ему преподносилась также имевшая вид цимбала священная чаша с вином. Вкушение освященных хлеба и вина носило характер приобщения плоти и крови христовой. Причащаемый вкушал все это, приобщался и затем принимал участие также в остальной трапезе всех посвященных на ней, принимавших теперь его в свою среду.

Таинство это, как и прочие, — древнее соответствующего христианского, носило такой же характер и смысл, и между ними, — заметим пока, — не случайное сходство. Недаром впоследствии христианские авторы негодуют на это и стараются это объяснить кознями дьявола. Так, древнехристианский автор Фирмик Матерн с возмущением пишет: «В некотором храме человек, чтобы быть допущенным в святая святых и там принять смерть, говорит: «Я поел с тимпана, я напился с кимвала, я стал мистом Аттиса». Дурно, несчастный, сознаешься ты в допущенном

грехе: ты впитал в себя снедь смертоносной отравы, ты под наитием нечестивого безумия вылакал чашу гибели; за такой пищей следует смерть и кара... Иная та пища, которая дарует спасение и жизнь... Ищи хлеба Христа, пития Христа».

После таинства причащения следовал обряд знаменования принятого в мисты: раскаленным железом выжпгали на его теле таинственный знак, печать божества. На какой части тела и какой знак, — мы не знаем; повидимому, это был крест. Сделать такое предположение мы вправе: за это говорит пример митраистов, чего мы коснемся далее, за это говорят и раннехристианские авторы, негодую на большую роль древа-креста в культе Аттиса и видя здесь тоже козни дьявола.

Сопшемся на слова того же Фирмика Матерна: «Нечестивый палач (дьявол) установил (еще до появления христианства), чтобы его служба всегда возобновлялась с помощью древа (креста): (заранее) зная, что человеческая жизнь, прильнув к дереву креста, будет скреплена узами бессмертия; он хотел обмануть обреченных гибели людей подобием древа. В фригийском культе Матери богов ежегодно срубается сосна и к серед не ее привязывается изображение юноши». Что подобный обряд знаменования существовал и у христиан, — это общеизвестно.

Последним главным обрядом посвящения было мистическое бракосочетание с божеством: мужчин — с богиней Кибелой, женщин, повидимому, — с «христом» Аттисом. Дело происходило ночью, в особой священной комнате — «брачном чертоге», обычный доступ куда имели только жрецы и женщины. Посвященный проникал туда со всяческими испытаниями; он шел во тьме, не видя пути; наткнулся на разные препятствия; слышал страшный шум и грохот; видел ужасные видения, призраки, — все сво-

дилось к тому, чтобы внушить ему страх и испытать его мужество.

Когда, наконец, он готов был пасть от ужаса и отчаяния, вдали блистал путеводный огонек; он шел на него, произнося все время магические формулы и повторяя: «Я поел с тимпана, я напился с кимвала, я стал мистом Аттиса». Внезапно мрак сменялся ослепительным светом, и испытываемый видел себя в божественном брачном чертоге богини, встречаемый и приветствуемый жрецами и женщинами. В глубине комнаты высились два роскошных, приготовленных жрицами трона, кругом которых находились различные священные предметы, вазы, светильники. Один трон был для статуи богини, на другой садился прибывший.

Предполагают, что он для этого одевался в дорогие одежды, на голову ему надевали фригийский колпак, а в руки давали палку, — атрибуты Аттиса. Перед сидящими таким образом статуей богини и обручаемым с ней мистом пелись брачные гимны, происходили священные танцы и исполнялись другие свадебные обряды, причем все это сопровождалось поклонением сидящим, ибо они на это время воплощали собою и становились самими божествами: Кибелой и Аттисом.

Пройдя эти испытания, обручившись с богиней, испытываемый становился полноправным мистом-посвященным, спасение ему было обеспечено, и дальнейшее проходило в сообщении ему и изучении им как глубин сокровенного, мистериального учения, так и таинственных обрядов, предметов, символов и магических формул. Учение это было записано в недоступных для непосвященных, хранившихся в тайне священных книгах; до нас они не дошли, причем особенно приходится жалеть о пропаже мистериальной «библии», написанной философом Проклом.

В центре всего учения стояла идея, что «спаситель-христос» Аттис умер за мир, за людей, что его страдания, смерть и воскресение имеют искупительное и магическое значение: обеспечивают людям блаженное состояние за гробом, бессмертие. Эта идея лежала в основе всех древних мистериальных учений и культов; ее выражает устами одного из своих героев Софокл: «Трижды блаженны посвященные, когда они вступают в Аид (умирают): им одним дана жизнь вечная, для других же это — только страдания».

«Христос» умер за людей, но, как видим, силой его кровавой, искупительной смерти могут воспользоваться далеко не все, а только «посвященные», иными словами: для того, чтобы сделаться достойными обеспеченного «спасителем» загробного блаженства и бессмертия, необходимо было приобщиться к его «тайнствам», сделаться участниками их, войти в число мистов, хранителей этих тайнств, а для этого требовалось посвящение с предварительными магическими очищениями и испытаниями.

«Христос» Аттис умер за мир, за людей; за них он страдал, пролил свою божественную кровь, пал искупительной жертвой, притом жертвой добровольной: он сам себя принес в жертву. Так учили мисты, так гласило их тайное, мистериальное учение. Это, разумеется, само собой предполагает, что приведенные нами мифы, священные сказания об умирающем и воскресающем божестве, должны были в тайниках его святилищ, в среде посвященных, подвергнуться соответствующим истолкованиям, которые тоже своевременно открывались, сообщались новопринятым в общины мистов членам. Действительно, мы знаем, что это было, имело место, что существовало сложное — аттисианское богословие, пример коего можно найти хотя бы в дошедшем до нас трактате императора Юлиана Отступника о Великой матери богов.

Мы не можем здесь подробно останавливаться на всей этой мистериальной стороне культа фригийского «христа» и лишь кратко коснемся само собой напрашивающегося вопроса: как эта сторона сложилась, из чего она выросла?

Итак, из чего выросли и как сложились доступные только для посвященных «тайинства» Аттиса и их обряды?

Они сложились на основе первобытного, древнейшего классового разделения общества, — разделения возрастного, и выросли из тех обрядов, коими некогда сопровождалось принятие достигших совершеннолетия юношей (и девушек) в класс, число взрослых, полноправных членов клана. Эти обряды, существующие еще и теперь у некоторых диких племен, состояли в том, что юношей сначала подвергали всяческим испытаниям, мучительным операциям, истязаниям и пр., с целью выявить, установить, узнать их выносливость, мужество, силу и ловкость, ибо только обладающие всеми этими качествами могли считаться взрослыми, привлекаться к трудным и опасным работам, предприятиям, а потому становиться полноправными членами клана и получать свою долю во всем.

Происходило это на знакомом нам весеннем празднике.

Если испытуемые выдерживали искуc, их принимали в класс взрослых, полноправных членов клана и сопровождали это рядом новых обрядов. Одним из них была татуировка: принятым рисовали, вырезывали или выжигали на теле священный знак, чаще — символ тотема, носивший позднее и магический характер знака, отгоняющего злых духов, демонов. Тогда же их допускали к клановой, тотемной трапезе: к поеданию священного животного, — к источнику и первоначально «тайинства причащения» плоти и крови божества, причем эта трапеза носила характер скрепления уз между тотемным божеством и кланом взрослых.

членов клана, а также между ними самими. Таким тотемным животным-божеством у фригийцев некогда был кабан, позднее — также баран, пережитки чего мы видим в запрете вкушать свиное мясо и в заклании барана под срубом для праздника сосной.

Эту тотемистическую сторону культа Аттиса мы сознательно, дабы не усложнять работы, ранее не вскрывали, а взяли только его позднейшую стадию, связанную с развитым земледелием. На этой стадии весенний праздник сделался праздником начала жатвы, с его обрядовым умерщвлением замещающего тотем человека; с былым поеданием его мяса и крови, с вкушением первого, священного хлеба и, добавим теперь, священного вина, изготовлявшегося некогда из сосновых, кедровых орехов. С прекращением поедания человеческой жертвы и с созданием образа растительного божества Аттиса обрядовое вкушение первого хлеба и вина стало рассматриваться как то же поедание плоти и крови его «христа».

Дальше, вступая в класс взрослых, полноправных членов клана, будучи допущенными к священной трапезе, юноши и девушки считались уже зрелыми в половом отношении и им разрешалось или вменялось в обязанность на этом празднике принять участие в происходившем тогда половом общении, разгуле. После всего этого им, как равноправным, но еще новым членам класса-круга взрослых, старшими сообщались различные, державшиеся втайне, сведения, знания, приемы и т. д., обнаружение коих «непосвященным», выбалтывание каралось смертью.

Поясним все это несколькими примерами, приводимыми, хотя и в другой связи, Плехановым, заимствующим их из трудов Спенсера и Джиленна. Он пишет: «Спенсер и Джиленн сообщают, что некоторые туземцы Центральной Австралии воспитывают своих детей, как сказали бы мы теперь, «в страхе божьем», т. е. уверяют их, что за

известные дурные поступки они будут наказаны некоторыми духами. А когда молодые люди достигают совершеннолетия и становятся полноправными членами племени, тогда они узнают от стариков, которые проделывают над ними известные обряды, сопровождающие признание их совершеннолетия, что духов, требующих от них известного поведения, вовсе нет, а наказывать за дурные поступки их будет само племя (ранее: класс старших)». И совершенно то же самое сообщает У. С. Берклей о некоторых огнеземельцах. Они уверяют своих детей, что их за шалости накажет дух леса (очевидно, соответствующий нашему лешему), или дух гор, или дух облаков и т. п. И для того, чтобы окончательно убедить их в существовании этих духовных педагогов, они, так сказать, наряжаются духами, обвешивая себя ветками, вымазываясь белой краской, словом, придавая себе страшный для ребенка вид.

Но когда дети (т. е. собственно мальчики) достигают четырнадцатилетнего возраста и признаются совершеннолетними, то старики, преподав им целый кодекс (классовой) нравственности, признаются, что роль страшных духов-педагогов играли их же соплеменники, а для большей убедительности они сообщают им, как совершается процесс переодевания в таких духов. Будучи посвящены в эту важную тайну, они обязываются свято хранить ее от детей и женщин. Тому, кто нарушит эту тайну, грозит смертная казнь («О религии»).

Здесь мы имеем возрастное классовое разделение: на молодежь и замкнутый класс взрослых, обряды принятия достигших совершеннолетия в этот класс, предварительное запугивание и держание в неведении относительно некоторых вещей, последующее «посвящение» в класс и в классовые тайны взрослых, угроза смертью за выдачу этих тайн кому-либо из класса молодежи, «непосвященному».

Суммируя все вышесказанное относительно источников мистериальной стороны культа Аттиса, его «тайнств», мы устанавливаем, что она сложилась под влиянием классового, возрастного разделения внутри древних кланов. Все эти многообразные обряды развились из происшедшего на весеннем празднике сложного обряда посвящения юношей, принятия их в класс, — в замкнутый круг взрослых членов клана; отсюда — различные предварительные испытания, клеймение раскаленным железом, причащение хлебом и вином, (а некогда реальной) плотью и кровью «христовой», мистический брак с богиней — былое праздничное половое схождение; отсюда, наконец, сообщение различных тайн и смерть за их разглашение «непосвященным».

Конечно, за многовековой период, протекший с эпохи тотемизма до первых веков христианской эры, отмеченные нами первоначальные обряды видоизменялись, усложнялись, утончались, приобретали новые черты и новый смысл, пока, наконец, не превратились в то, что мы видели, — в пропитанные мистицизмом «мистерии-тайнства» фригийского «христа» и его Великой матери.

У. ПЕРСИДСКИЙ „ХРИСТОС“ МИТРА.

1. Победное шествие „Непобедимого бога солнца“— Митры.

Итак, культ фригийского «христа» Аттиса носил мистериальный характер. Другим таким же культом, притом игравшим неизмеримо большую, огромную роль в первые века христианской эры и бывшим одно время самым серьезным соперником раннего христианства, был митраизм, — культ персидского «христа» Митры.

Культ этот, история и корни коего восходят в седую древность, был некогда национальной религией огромной персидской монархии, а его божество — Митра — чествовалось в качестве бога света и правды, врага мрака, лжи и обмана. Считали, что Митра, находясь на небе и обладая тысячами глаз и ушей, все наблюдает оттуда, все видит и слышит, все знает; его нельзя обмануть, и он сурово карает всякую неправду, ложь, нарушение данного слова, клятвы. Отсюда — призывы к нему, клятвы им при заключении договоров и принятии на себя каких-либо обязательств. Думали также, что он ведет неустанную борьбу с силами мрака и зла и исправляет все испорченное, разрушенное или оскверненное ими. Он — жизнедавец, ниспосылающий урожай полей и обильный приплод скота, здоровье и силу, богатство и счастье, удачу и победу. Поэтому ревностными поклонниками Митры были все: и крестьяне, и аристократия во главе с царем, и, особенно, воины, солдаты.

Религия Митры — митраизм — рано вышла за свои национальные пределы и прежде всего проникла в Вавилон, где

претерпела ряд изменений, например, пропиталась звездопоклонством и некоторыми другими элементами. За Вавилоном настала очередь всей Малой Азии. Здесь культ этого персидского «христа» переплелся с культом Аттиса и Кибелы и разлился широким потоком, причем центрами его надолго сделались Каппадокия, Галатия, Понт с Арменией и Месопотамией, где осела в лице крупных землевладельцев персидская аристократия. Часть этих областей затем вошла в состав обширной монархии Митридата, которому указанная аристократия много помогала в борьбе его с Римом, как она помогала и Армении в борьбе с ним же. В эту эпоху Митра был еще на стороне врагов Рима, с ними и против него. Далее картина стала меняться.

После разгрома Митридата римлянами остатки его полчищ укрепились в Киликии, превратились в морских купцов и пиратов и начали бороздить Средиземное море, всюду занося свою религию — культ Митры. Это распространение особенно усилилось тогда, когда Помпей разгромил их, рассеял в разные стороны, часть умертвил, а часть отправил в качестве пленных и рабов в Италию. С этим событием древние авторы ставят в связь первое появление митраизма на италийской почве: его принесли с собой пленные киликийцы. В следующем I в. христианской эры римские легионы проникли далеко в глубь Малой Азии, в центр митраизма, и там начали знакомиться с ним.

Присоединение к Римской империи Понта, Каппадокии и Малой Армении, повлекшее необходимость иметь там постоянные гарнизоны, войска, ускорило дело: последние сделались ревностными поклонниками персидского божества борьбы и победы, — «Непобедимого бога солнца», как стал именоваться теперь Митра. В конце I в. часть стоявших там легионов была переброшена в Европу, к придунайским границам, за ними перекочевал сюда и митраизм, перебрался в другие армии и скоро разлился во всей

Европе, — повсюду, где только были стоянки римских гарнизонов. Многочисленные следы его, как то: остатки храмов, священные изображения, посвятительные надписи, находятся в теперешних Германии, Франции, Испании и Португалии, Англии, не говоря уже о придунайских странах.

Во II и III вв. митраизм охватывает всю огромную Римскую империю и делается почти официально признанной, государственной религией, чему содействуют не только войны, но и восточные купцы, ремесленники и рабы. Оправившиеся на армию императоры один за другим переходят в число поклонников воинственного Митры, за ними следует двор, родовая аристократия и т. д. Император Коммод первый посвящает себя в таинства Митры; в 270 г. Аврелиан строит в честь его лучший в Риме храм, где уже существовало много других. В начале IV в. император Диоклетиан со своими соправителями-цезарями Галерием и Лицинием официально провозглашают Митру покровителем империи и воздвигают ему, как «создателю их державы», храм в Карнунте, на Дунае. Если бы дело шло и дальше так, то... Продолжим словами Ренана: «Если бы христианство в силу какой-либо смертельной болезни остановилось в своем развитии, то весь мир исповедывал бы религию Митры». Итак, дальнейшая история митраизма переплелась с историей раннего христианства.

2. Божественный быкбойца и митраистические братства.

Завоевавший мировую Римскую империю митраизм, — как мы уже сказали, — носил мистериальный характер, почему обычно и назывался мистериями-тайнствами «Непобедимого бога солнца» — Митры. Что же рассказывали о нем самом его поклонники, какая «священная история» его представлялась верующим?

В начале мира, — рассказывали митраисты, — существовало Бесконечное Время — Зерван Акарана; оно породило из себя ряд новых божеств: Агура-Мазду или Ормузда — бога неба, Спента Армаити — богиню земли, супругу Ормузда, и Аримана — бога подземного царства, позднее — мрака и зла. От названий супружеской четы, в числе многих других, родился и лучезарный Митра. Пещера была его местом рождения, и он вышел из лона матери-земли, держа в руках меч и факел, подобно евангельскому Иисусу, якобы принесшему на землю огонь и меч. Пастухи около пещеры свои стада пастухи первыми заметили новорожденного, пришли на поклонение ему и принесли подарки.

Митра подрос и стал совершать различные чудесные, благодетельные для людей деяния. Первым таким и главным подвигом его было умерщвление дикого, страшного, первобытного быка, созданного Ормуздом. Митра долго гонялся за этим животным, наконец, настиг его, одолел в борьбе и, взвалив на спину, поволок. Тогда солнечный бог Гелиос (греческое имя) чрез своего вестника-ворона повелел Митре быка умертвить. С глубокой скорбью победитель выполнил приказание: вонзил меч в шею животного. И тогда произошло чудо: из мозга жертвы выросли хлебные злаки, из крови — виноград, из семени — полезные для человека животные; затем она была взята на небо и сделалась небесной покровительницей стад.

Это было главным деянием Митры, изображавшимся на всех главных иконах его поклонников, но не последним. Так, когда злой Ариман, желая уничтожить человечество, наслал на землю страшную засуху, люди взмолились к Митре, и он ударом стрелы в скалу извлек оттуда, подобно мифическому Моисею, воду. Затем Ариман наслал на землю страшное наводнение — потоп, но боги, очевидно, по просьбе Митры, спасли одного человека, который во-

время укрылся вместе со своим скотом в ковчег. Неудачей кончилась третья попытка Аримана — сжечь мир огнем. После этих и, повидимому, многих других деяний Митра счел свою земную миссию выполненной, собрал своих поклонников-учеников, устроил с ними последнюю вечерю со вкушением хлеба и воды с вином, претерпел (как — для нас неизвестно) мученическую смерть, воскрес и вознесся на небо, где сделался ходатаем за людей, божественным посредником между ними и богами.

Так рассказывали в святилищах митраистических организаций, братств. Что же представляли собой эти последние?

Митраизм, в главном, был тайной, сокровенной религией, доступной не всем, а только, как в культах Сераписа и Аттиса, избранным, «посвященным», мистам, причем и им соответствующие тайны культа открывались не сразу, а постепенно, по мере прохождения ступеней посвящения. Митраисты представляли собой замкнутые кружки, организации, построенные по типу обычных, господствовавших в Римской империи, кружков, товариществ. У них имелся список членов, устраивались общие собрания, на которых избирался особый совет, первые десять членов которого вели текущие дела. Избирались также особые заведующие, казначеи, адвокаты, бывали и «шефы»-патроны, т. е. богатые и знатные покровители, помогавшие деньгами и влиянием. Но все это была внешняя, «мирская» сторона братств, наряду с коей существовала также сторона внутренняя, религиозная.

В этом отношении все члены общины распадались на семь степеней посвящения: на Воронов, Тайных, Воинов, Львов, Персов, Солнечных гонцов и Отцов, во главе коих стоял духовный и светский глава братства — отец отцов; все члены называли друг друга братьями».

Как совершался прием, посвящение в первую степень — Воронов, — мы не знаем; известно только, что в нее прини-

мались даже дети. Не знаем мы и того, как происходило повышение, перевод во вторую степень — Тайных, название коих частично союит в связи с тем, что члены ее во время богослужений оставались скрытыми и одним из торжественных моментов было показывание их полноправным членам, сопровождавшееся литургическим возгласом: «Показать Тайных!»... Полноправным членам, — ибо Вороны и Тайные таковыми не считались, а находились на положении оглашаемых, подготовляемых, испытываемых и прислужников, послушников, причем их наставляли старшие.

Переход Тайных в число полноправных был связан с посвящением и принятием их в следующую, третью степень — Воинов *. Это был решающий момент и, может быть, потому мы знаем несколько больше о происходивших тогда обрядах.

Сюда мы относим, помимо подготовительных молитв и постов, прежде всего, предварительные испытания, коим подвергался принимаемый. В чем они заключались, хорошо неизвестно. Один из древних источников глухо говорит об испытаниях водою, огнем, снегом, голодом, жаждой, продолжительным бегом. Из слов другого источника лучший знаток митраизма, проф. Франц Кюмон, усматривает, что испытываемому «завязывали глаза, связывали куриными внутренностями руки и заставляли затем прыгать через наполненный водою ров. После этого подходил «освободитель» и ножом разрезал отвратительные узы».

В другом случае устрашаемый мист присутствовал, — если не в качестве активного участника, то во всяком случае в качестве зрителя, — при инсценируемом убийстве, которое первоначально, несомненно, было настоящим. На-

* Обычный, разделявший и нами раньше, взгляд, что первой полноправной степенью были Львы, а не Воины, мы считаем неправильным и объяснение этому дадим дальше.

конец, удовлетворялись тем, что показывали меч, обогранный кровью умерщвленного человека. «Можно думать, что инсценируемое убийство проделывалось также над самим испытуемым, причем или над ним заносили меч, или заставляли биться с кем-либо насмерть, с благополучным концом. Этим можно объяснить злую шутку императора Коммода, который, по словам Лампридия, «осквернил также мистерии Митры настоящим убийством, тогда как там обычно запугивали или словами, или путем инсценировки».

Как бы ни проходили эти испытания, цель их была одна — узнать, убедиться в мужестве, стойкости, отважности, выносливости и преданности посвящаемого. Когда он этот искус выдерживал, над ним производилось таинство крещения. Последнее было двойного характера: водное и кровавое. Обычное из них было первое, заключающееся в том, что неофита (новичка) погружали в воду или окропляли ею, почему митраистические храмы чаще всего строились около водных источников. Магический характер этого таинства понятен: священная вода магически смывала все скверны плоти и духа.

Более сильным в магическом отношении, более действительным средством для этого считалось второе, — крещение кровью закалываемого быка. Как оно совершалось, самое полное описание его дает нам христианский автор IV в. Пруденций.

«Вот главный жрец в необыкновенной инфуле (головной убор), имея виски, перевязанные праздничными лентами, украшенный золотым венцом, подоткнув шелковую одежду, спускается для священнодействия в яму, выкопанную в земле. Поверх ямы настлан помост из неплотно пригнанных одна к другой досок, имеющий поэтому щели; помост этот пробуравлен во многих местах острым железом и покрыт множеством мелких отверстий. На этот помост приводится огромный и свирепый бык; на шее у него гирлянды

из цветов; украшены и рога; даже на челе жертвы сияет золото; блеск металла украшает и шерсть на лбу. Когда это обреченное закланию животное вступает на помост, его поражают в грудь священным копьем, широкая рана извергает волну теплой крови, целая кровавая река заливает весь помост.

Мерзкий дождь крови спускается чрез многочисленные отверстия помоста вниз; находящийся там жрец приемлет кровавые капли, подставляя свою голову, пятная одежду и все тело: подставляет уста, подносит щеки, подставляет уши, ноздри, самые глаза обагрывает влагою, не щадит и неба, овлаживает язык, пока весь не напитается черною кровью. Но вот труп животного, исшедшего кровью, унесен служителями; тогда из-под помоста выходит бывший там жрец; вид его ужасен: голова — мокрая, борода — отяжелевшая от крови убитого пред тем животного; все приветствуют, поклоняются ему издали, думая, что кровь убитого быка... очистила его в то время, когда он находился в яме».

Таков тавроболлий — кровавое крещение поклонников Митры. Здесь оно производится над жрецом, для чего — мы скажем дальше, а пока отметим, что оно совершалось также над посвящаемыми, причем последние спускались в яму в погребальных одеждах, отпевались там, как умершие, и по выходе из этой могилы рассматривались как воскресшие, возродившиеся, безгрешные, как воплощение и образ самого божества, почему получали тогда божеское поклонение. Таким образом, тавроболлий носил характер не только очищения, но умерщвления, смерти и воскресения крещаемого: умирал грешный человек, возрождалось, воскресало божеское существо, бог. Эту идею выражали иногда тем, что по выходе из ямы ему давали вкушать смесь из молока и меда — пищу новорожденного и богов, что носило характер своеобразного таинства причащения, позднее перекочевавшего из митраизма в раннее христианство.

На этом дело не кончалось: после водного или кровавого крещения над неофитом совершали таинство миропомазания: на лбу мазали маслом священный, магический знак — крест, который иногда затем выжигался также раскаленным железом. Делалось это позднее по примеру римской военной практики, где при поступлении кого-либо в солдаты, в воины, — а третья митраистическая степень и именовалась Воинями, — его клеймили особым клеймом, а ранее, — что мы видели в других культах, — это носило смысл татуирования, изображения символа священного, кланового тотема.

Вероятно, в это время, а может быть, еще перед крещением имел место другой обряд: новому Воину на острие меча предлагали венец или венок, каковой он должен был сбросить рукой на свое плечо, отвергнуть со словами, что отныне его единственным венком является Митра.

Последним, заключительным обрядом посвящения в Воины была трапеза: новичка вели в священную залу, там приготовлялась для мистов трапеза, на которой все полноправные участники-члены вместе с ним вкушали, прежде всего, освященные хлеб и вино или воду. Это было одновременно и таинством причащения, и товарищеской трапезой по случаю принятия в свою среду нового члена, нового воина Митры. Вино пилось из похожих на рога чаш, а священные хлебы были помечены (как позднейшие христианские просфоры) крестами; предварительно они благословлялись верховным жрецом, Отцом отцов, или его заместителем, — кем-либо из простых жрецов.

Сделавшись Воином, мист становился рядовым бойцом священного «воинства Митры», как называли себя посвященные и как за ними потом стали именовать себя ранние христиане («воинство христово»). Это следование христиан было здесь настолько рабским, что с тех пор и доселе они при крещении даже ребенка называют «воином».

Звание Воина давало мисту теперь право быть уже «участником», т. е. допускаться и принимать активное участие в богослужбных и прочих моментах жизни братства. Затем он (при каких условиях — неизвестно) переходил в следующую степень — Льва; сопровождалось это новым очистительным обрядом: на руки ему лили мед и медом же мазали язык, дабы предохранить от всякого осквернения и греха. С этой же целью давали вкушать мед при посвящении в пятую степень, Перса, причем члены этой степени считались «охранителями урожая», замечая, таким образом, самого Митру, которому тоже приписывали эту функцию.

Других обрядов посвящения мы не знаем: дошедшие до нас источники хранят о них молчание, что и понятно, так как выдача тайн братства грозила виновному или нескромному смертью со стороны остальных членов. Не здесь ли кроется разгадка одной из жутких трагедий: в Германии, в развалинах одного митраистического храма, найден скелет человека в цепях? Характерно и показательно, что даже ранние христиане, из коих многие до своего перехода были поклонниками Аттиса и Митры, — даже они хранят молчание, не выдают некогда доверенных им тайн, или же, в редких случаях, роняют туманные намеки, делают общие замечания. Загущившая настоящее происхождение целого ряда христианских обрядов, т. е. заимствование их из культов названных божеств, они в объяснение сходства привлекают на помощь ни в чем неповинного дьявола и приписывают это ему, — что, мол, он еще до христианства установил у язычников подобные обряды, дабы заранее дискредитировать, опорочить религию Христа. Мы видели это раньше на примере Фирмика Матерна. Приведем теперь другой пример, — слова «светила церкви» Тертуллиана, который возмущенно восклицает по поводу митраистических таинств-обрядов:

«Конечно, это дьявол, задачей коего является исказить истину, — это он в идольских мистериях подражает самым священным таинствам! Это он помазует своих верующих; обещает омытие грехов водою крещения; он, — насколько я припоминаю о таинствах Митры, — знаменует (ставит кресты) лбы своих воинов, справляет преломление хлеба, вызывает образ воскресения, под мечом выкупает венец. Дальше, — не он ли установил, что верховный жрец имеет право жениться только один раз? У него имеются давшие обет девственности женщины и давшие обет целомудрия — мужчины», т. е. скажем прямо: монашки и монахи Митры.

3. Богослужение и учение митраизма.

Обрядами посвящения культовая сторона митраизма, конечно, не исчерпывалась: наряду с ним существовало также обычное, повседневное богослужение, принимавшее более торжественный и сложный характер в дни праздников.

Совершалось оно в особых храмах, называвшихся митреумами. Это были специальные, подземные или полуподземные, естественные или искусственные пещеры, обычно помещавшиеся у водных источников. Чтобы попасть туда, сначала чрез особую дверь входили в притвор, а из него чрез новую дверь — в ризницу, где хранились различные культовые предметы. Из ризницы, а иногда прямо из притвора, шла вниз лестница в семь ступеней, пройдя которую попадали в самое святилище.

Святилище представляло длинную, прямоугольную залу, вдоль боковых стен коей тянулись широкие скамьи; на них коленопреклоненно молились мисты и на них же они возлежали во время своих трапез. Между скамьями, почти во всю длину залы, шло возвышение для хоров и священнослужителей. Задняя стена святилища была занята новым

возвышением, алтарем, где в качестве главной иконы обязательно находилось изображение Митры, закалывающего быка. Там же стояли статуи других божеств: в первую очередь — божества времени Зервана. Последний изображался в виде человека с головой льва, с небесными ключами в руках, с петухом, молотком и клещами у ног: в нем видели всепожирающее время и божественного ремесленника, плотника, зодчего, построившего, создавшего мир. Перед статуями и в других местах стояли жертвенники, горели лампы и свечи; лампы свешивались и с украшенного звездами сводчатого потолка, символизировавшего собою небо.

Самое богослужение совершалось жрецом и его помощниками и состояло из ежедневной молитвы солнцу, пропознося которую утром он обращался лицом на восток, в полдень — на юг, вечером — на запад. Облачением этого жреца были: стихарь, широкий пояс, риза, на голове — митра, в руках — изогнутый жезл, на ногах — красные (как у римского папы) сапоги, и сам он назывался «папой» — отцом. Обедня помимо молитв заключалась в приношениях жертв: бескровных — богам неба, кровавых — богам преисподней; в длинных песнопениях под звуки музыкальных инструментов, в возлияниях, каждении, возможно, в выносе священной чаши, причем наиболее торжественные моменты отмечались звоном колокольчиков. Это имело место, например, тогда, когда отдергивалась завеса и показывалась верующим скрытая за нею, самая главная икона — изображение быкобойцы Митры.

Что же касается верующих, то они во время служб колелопреклонялись, осеяли себя крестным знамением, читали про себя молитвы, целовали амулеты и т. д. Древние авторы сообщают, что мисты принимали иногда также активное участие в службах: члены разных степеней, переодетые и замаскированные под воронов, львов, воинов и т. п.,

подражали хлопанью крыльев, крику птиц, реву указанных животных, т. е. старались подражать тем, чьи названия они носили. Можно думать, что в первые разделы этих служб присутствовали, хотя и переодетыми, все, но затем часть их, а именно «оглашаемые», т. е. члены первых двух степеней, удалялись, причем Тайные в это время находились в каком-нибудь отдельном, отделенном завесою, месте. Отметим, наконец, что при богослужении, несомненно, употреблялись, читались священные книги, имелись даже своего рода «требники», т. е. руководства для священнослужителей; один отрывок из них, содержащий часть «литургии Митры», открыл и исследовал в 1903 г. немецкий ученый Альбрехт Дитерих.

Более торжественные службы совершались у митраистов в праздничные дни, а таковых у них было много. Так, они праздновали каждый седьмой день недели и называли его «днем солнца». У них-то, поклонников Митры, заимствовали обычай праздновать этот день ранние христиане, причем сначала так и называли его «днем солнца», и только позднее, и то местами, стали называть его «днем господним» и «воскресеньем». Кроме своих «воскресений» митраисты праздновали также 16-е число каждого месяца и главные моменты хозяйственного, производственного года. Из этих моментов они особенно выделяли, отмечали самыми главными своими годовыми праздниками конец марта и конец декабря.

Весенний их праздник по времени и смыслу совпадал со знакомым нам фригийским праздником смерти и воскресения Аттиса, почему во времена Римской империи на ее территории соединился и слился с ним: поклонники фригийского «христа» чествовали тогда своего Аттиса, митраисты справляли свою «пасху», — смерть и воскресение своего «христа», — Митры. Главным содержанием его было, как и там, предварительное оплакивание, затем погребение

(статуи) божества с последующим, 25 марта, воскресением его из мертвых. То была фригийско-митраистическая пасха; к ней приурочивался, — заметим кстати, — прием, посвящение и перевод мистов из одной степени в другую.

Другим главным праздником митраистов было «рождество Непобедимого бога солнца Митры», справлявшееся ими 25 декабря, на какое-то число некогда падал зимний солнцеворот, поворот зимы и солнца на весну, начало удлинения до того уменьшавшихся дней и усиления теплотворной, жизнотворной деятельности солнца. Несомненно, что закрепление праздника за 25-м числом — элемент позднейший: некогда он должен был справляться вообще в конце декабря и начале января, т. е. тогда, когда дни становились заметно длиннее, а солнце — теплее; сложился же он на почве тех изначальных, чисто магических обрядов, кои в отдаленные времена применялись в середине зимы, с началом некоторых работ, с целью магически усилить необходимые для произрастания растительности, солнечные тепло и свет, магически, с хозяйственно-производственной целью воздействовать, повлиять на солнце. Является ли простой случайностью, совпадением то, что позднее и христиане стали праздновать 25 декабря рождество своего христа — Иисуса, тоже, подобно Митре, якобы, родившегося в пещере и приветствовавшегося пастухами, или здесь есть какая-то преемственность, об этом мы скажем в дальнейшем, а пока оставим культовую часть митраизма и перейдем теперь к его учению.

Характернейшей чертой митраизма (как и вообще древнеперсидского учения) был крайний, последовательный дуализм, — двойственность. Митраисты учили, что в мире существуют два основных начала: добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти. Воплощением одного из них является благодетельный, светлый бог неба Ормузд, другое воплощается в Аримане, — божестве тьмы, зла, подземного

царства, ада. Между Ормуздом и Ариманом искони идет борьба, борьба неустанная, упорная, непримиримая, ареной же борьбы является весь мир вообще, душа человека — в частности. Борются они не одни: у каждого из них имеются огромные полчища низших, служебных духов — ангелов и дэвов, причем во главе ангелов светлого божества стоят семь архангелов, предводителей его небесных воинств.

Но какую же роль здесь играет лучезарный Митра, кто он в отношении мира, людей и богов? Должны ли и люди и, если да, то как принимать участие в этой великой борьбе двух начал? Каковы судьбы вообще отдельного человека и всего человечества; каковы грядущие судьбы всего мира?

Ответим на это словам того же исследователя митраизма — Кюмона. Отметив, что Митра является «посредником» между небом и человеком, он так передает дальше учение митраистов...

«Митра — творец, коему Ормузд поручил заботы об установлении и поддержании порядка в природе. Он, выражаясь философским языком того времени, исходящее от бога Слово (Логос); разделяющее с ним всемогущество и, создавши в качестве творца (демиурга) мир, бодрствующее над ним. Имевшее место в начале мира поражение Аримана еще не заставило его сложить оружие. Борьба между добром и злом продолжается еще на земле между ангелами владыки неба и князьями демонов: она проявляется в небесных сферах в борьбе приносящих счастье и вредоносных звезд; она отражается и в сердце (душе) человека, как в микрокосме (малом мире).

«Жизнь — испытание, и чтобы выйти из него победителем, надо следовать закону, данному некогда древним магам (служителям Митры) самим божеством. Какие обязанности налагал митраизм на своих последователей, каковы

были те «заповеди» *, исполнением коих он обуславливал награду на том свете? Наше неведение здесь особенно велико, ибо мы не имеем даже права дававшиеся в мистериях Митры предписания отождествлять с теми, что даются в Авесте (древнеперсидской книге). Несомненно одно: мораль западных магов не сделала никакой уступки разнузданности вавилонских культов и сохранила, удержала свой возвышенный, древнеперсидский характер. Совершенная чистота осталась попрежнему конечной целью, к коей должен был стремиться верующий. Ритуал содержит многократные обрядовые очищения и омовения, долженствовавшие омыwać душу от осквернений, скверн. Эта катартика (магические очищения) соответствовала как древнеперсидским традициям, так и общим стремлениям эпохи. В достижении этого, — полнейшей чистоты, — митраисты доводили до крайности свои принципы, и их идеал совершенства склонялся к аскетизму. Они считали похвальным воздержание от некоторых родов пищи и полнейшее целомудрие.

«Подавление чувственности было одним из тех моментов, под углом зрения чего надлежало вести борьбу с началом зла. Эту борьбу со всеми подданными Аримана, в самых разнообразных видах оспаривавшими у богов власть над миром, должны были служители Митры вести неустанно. Их дуалистическая система особенно годилась для того, чтобы поддерживать целеустремленность каждого отдельного человека и давать выход человеческой энергии. Они, митраисты, отнюдь не топили себя, не ослабляли, подобно другим сектам, в созерцательном (т. е. бездейственном) мистицизме. У них благо, добро заключалось в деле, в действии. Твердость они предпочитали мягкости и мужество ставили выше смирения, кротости. Вследствие своего дли-

* О существовании их говорит император Юлиан.

тельного соприкосновения с варварскими культами в их морали, возможно, сохранился осадок, пережиток жестокости. Религия солдат, воинов — митраизм выше всего ставил и ценил воинские, солдатские добродетели.

«В той войне, которую неустанно ведет посвященный с демонами зла, его поддерживает сам Митра. Митра — тот божественный помощник, призывы к коему о помощи никогда не остаются неуслышанными; он — надежная пристань, якорь спасения для смертных в их бедах; сильный, могучий товарищ, поддерживающий людей в их испытаниях. Он всегда, — как у персов, — защитник правды и справедливости, охранитель святости и борец с адскими силами. Вечно юный и сильный — он безжалостно преследует их. Его, «всегда бодрствующего, всегда стоящего на страже», нельзя застать врасплох, и изо всей этой неустанной борьбы он всегда выходит победителем. Эта идея постоянно встречается в надписях; она же находит свое выражение как в персидском именовании Митры «Набарзесом», т. е. «победоносным», так и в греческих и латинских прозвищах его: «непобедимый», «непреодолимый». В качестве божества войска Митра своим поклонникам дает победу над их врагами — варварами; равным образом в моральной области он дарует им победу над нечистыми влечениями, желаниями, возбуждаемыми в них духом лжи, и гарантирует им спасение как на этом, так и на том свете, за гробом.

«Как все восточные культы, митраистические «таинства» в свои мифы о происхождении мира и богословские умозрения вносили идеи спасения и искупления, примирения бога с людьми. Митраисты верили, что в нас пребывает самосознающая себя божественная сущность; верили они также в награду и наказание за гробом. Души, в бесчисленном количестве населявшие небесные обители, спускались оттуда на землю, дабы облечься в человеческую плоть, потому ли, что горькая необходимость обязывала, принуж-

дала их войти в этот материальный и грешный мир, — или же они делали это по собственному желанию и побуждению, дабы бороться в нем с демонами.

«Когда после смерти человека его тело попадало во власть духа гибели, а душа покидала свою земную темницу, то духи мрака-дэвы и небесные вестники-ангелы вступали между собой в борьбу за обладание этой душой. Небесный суд решал: была ли она достойна того, чтобы возвратиться в рай. Если она запятнала, осквернила себя нечистой жизнью, посланцы Аримана (бесы) отводили ее в преисподнюю, где подвергали тысячам мучений, или же эта душа в наказание за свое вырождение присуждалась к временному вселению и пребыванию в телах нечистых животных. Наоборот, если ее заслуги перевешивали чашку с ее преступлений, душа возносилась в небесные чертоги.

«Небо разделялось на семь сфер, областей, из коих каждая была приписана отдельной планете. Нечто вроде лестницы, составленной из восьми следующих одна за другой врат, из коих первые семь делались из семи различных металлов, в митраистических храмах служило символическим изображением того пути, каковой душе надлежало пройти, чтобы достигнуть самой высокой области — неподвижных звезд. Действительно, думали, что для того, чтобы из одного небесного этажа попасть в другой, душе нужно было всякий раз проходить чрез особые врата, охраняемые ангелом Ормузда. Только мисты — «посвященные», коих специально с этой целью научали соответствующим (магическим) формулам, знали, как смягчить этих неумолимых стражей.

«Чем выше поднималась душа, чем дальше проходила она чрез эти различные небесные области, пояса, тем больше она слагала с себя, как одежды, страсти и способности, воспринятые ею при схождения на землю: Луне она оставляла свою жизненную и питательную силу, Меркурию —

свою склонность к жадности, Венере — свои любовные вождедения, Солнцу — свои умственные способности, Марсу — свою воинственность, Юпитеру — свое честолюбие, Сатурну — свою склонность к лени. Душа была нага, свободна от всех своих недостатков и всякой чувственности, когда она достигала восьмого неба, чтобы там, в качестве совершенного существа, обитать в обители вечного света, где обитали боги, и наслаждаться бесконечным блаженством.

«Митра был тем, кто в качестве охранителя истины, правды председательствовал на том суде, который ожидал душу после смерти; он был тем, кто в качестве посредника сопровождал верующих в него в их полном опасностей восхождении на высшее небо, он был также и небесным отцом, который, как вернувшихся из далекого и опасного путешествия детей, ласково принимал их в свое лучезарное жилище.

«Блаженство, коим должны наслаждаться на небе души праведников, не совсем понятно и оно, возможно, имело мало притягательного и мало говорило уму простого, рядового человека. Другое религиозное представление, являвшееся к тому, первому, чем-то вроде придатка, давало человеку надежду на более материальные утехи и радости: учение о бессмертии души завершалось учением о воскресении плоти, тела.

«Борьба между силами добра и зла будет продолжаться не вечно: когда истекут отведенные на эту борьбу века, то посланные Ариманом бедствия послужат знаком, предвестником конца света. Чудесный бык, аналогичный первому, закланному Митрой, снова появится на земле, Митра снова тогда сойдет с неба на землю и пробудит, воскресит людей. Все люди соберутся тогда в одно огромное сборище, и этот бог правды отделит добрых от злых.

«Тогда он заколет в качестве последней жертвы божественного быка, смешает жир его с освященным вином и

даст этот чудесный напиток праведникам, отведав который они получают бессмертие. После этого высший бог Ормузд, исполняя просьбу получивших блаженство праведников, низведет с неба губительный огонь, который поглотит, сожжет всех грешников. Поражение духа тьмы и мрака будет тогда доведено до конца; в этом мировом огне или пожаре Ариман и его нечистые демоны погибнут, а в обновленном, очищенном мире настанет царство вечного блаженства и счастья».

Таково было тайное, мистериальное учение митраизма, где мы находим представления о Митре, как о Слове божьем — Логосе, творце мира, поборнике правды, неустанном помощнике людям и борце с силами мрака, посреднике между высшим богом, богом-отцом, и людьми, судье на загробном суде, небесном отце, принимающем людей в свои небесные обители, и мессии, долженствующем вторично сойти на землю перед концом мира, воскресить всех умерших, победить Аримана с его полчищами демонов, произвести «страшный суд», обновить, очистить мир огнем мирового пожара и установить, основать на земле царство вечного блаженства.

Добавим к этому несколько деталей от себя.

Мы, прежде всего, подчеркиваем здесь, что воскресение умерших для «страшного суда» мыслилось полным, телесным, т. е. воскресением во плоти, причем верили, что первыми восстанут тогда, воскреснут: первый человек — Гайомар (род персидского Адама), затем — первая человеческая пара: Машия и Машияи, и за ними уже — остальное человечество. Далее, знамения, кои, якобы, будут предшествовать концу света, будут состоять в том, что произойдут частые солнечные и лунные затмения, страшные землетрясения, бури, многочисленные болезни и мучения нападут на людей, полчища неприятелей будут заливать страну, и каждому будет время спасать только себя самого, а не

детей, жену и имущество. Тогда же Ариман-дьявол освободит и пустит на землю страшного дракона Ази (антихриста), который нападет на праведников, пожрет третью часть всех людей, будет вредить и уничтожать воду, огонь, растения и совершать всяческие неслыханные грехи. После этого сойдет на землю, явится сам «христос» Митра; он будет носить имя Саошианта, т. е. «спаситель», и родится от девы, которая непорочно зачнет его от божественного семени, купаясь в озере, в воду коего это семя некогда было излито.

Не напоминает ли все это учение митраизма соответствующего учения христианского?

4. У истоков митраизма.

Ставим другой вопрос: как сложились рассмотренные нами братства Митры, и кто такой, по своей природе и происхождению, он сам — этот персидский «христос»?

Митраистическая догматика, как и всякая другая, является элементом позднейшим, производным, и потому не в ней нам надо искать ответа. Чтобы найти его, мы должны обратиться к элементу основному в каждой религии, — к обрядам, и на помощь привлечь выросшую на их основе мифологию. Здесь мы находим следующее: главным праздником митраизма была «пасха», — смерть и воскресение «христа»; происходила она ранней весной, в конце марта; к ней приурочивались прием и посвящение новых членов; предварялись они всяческими испытаниями, очищениями и заканчивались священной трапезой с таинством причащения в центре; тогда же происходило кровавое заклание быка; центральным мифологическим мотивом было опять-таки заклание быка Митрой.

Если мы соединим теперь все это воедино и припомним еще, что наблюдали при разборе культов Адониса и Атти-са, — ответ напросится сам собой: митраистические «таин-

ства» своими корнями восходят к исконному, древнеперсидскому, весеннему хозяйственно-производственному празднику, на коем происходили, с одной стороны, испытания и прием молодежи, а с другой, — умерщвление и поедание тотемного животного — быка; сам быкобоец Митра был некогда этим священным животным, тотемным божеством — быком. Действительно, если мы обратимся к рассмотрению древнеперсидской религии, мы найдем там соответствующие подтверждения в пользу такого именно понимания первоначальной истории митраизма.

В ту эпоху, когда персы активно выступили на историческую сцену, основным занятием их было развитое земледелие. Однако «священное писание» их, — сборник Авесты, — в своих древнейших частях сохранило ясные следы предшествующих эпох, связанных со скотоводством и ранее с охотой. Так, там имеются прямые указания на то, что священными животными некогда считались коровы и быки. В своей «Истории религий» Шантени-де-ла-Сосей отмечает, что «святость коровы и собаки столь же незыблема для парса (перса), как и святость самого Ормузда; они святы не только в том смысле, что смерть их считается несчастьем, а убийство — святотатством; но с этими животными связываются мифы и обычаи, из которых в достаточной степени явствует вера в их сверхъестественную силу. «Душа коровы», «творец коровы» суть старые мифологические представления, с которыми оперирует Гага (древнейшая часть Авесты); сотворение мира, животных и растений из убитой первокоровы (бык Митры) относится у иранцев (персов) к первым космологическим представлениям.

Но почитание коровы не есть только мертвый пережиток в Авесте; если мифы о коровах и являются темным воспоминанием, которое сохраняют, как наследство, то тем жизненнее «коровья этика»; давать обильный корм коровам есть не только сама по себе священная обязанность, но и обыч-

ный способ выражения исполнения долга вообще, точно так же, как выражение «приобрести корову» означает достижение небесного блаженства. Как у индусов и многих других народов, бычачья моча (у персов) есть самое священное очистительное средство, и это несмотря на то, что моча, согласно учению Авесты, вообще в высшей степени нечиста и делает нечистым».

Перед нами ясные, неоспоримые следы былого тотемизма, причем оказывается, что тотемом древних персов, священным видом животных были дикие (вначале) быки и коровы. Все это говорит за то, что некогда на главном весеннем празднике их происходило обрядовое умерщвление и поедание дикого быка, тотемного божества. Как это проделывалось? Обряд тавроболлий и мифологический мотив заклания Митрой первобытка, наряду с изображением этого «события» на главной митраистической иконе, дают нам ответ на этот вопрос, причем вскрывается одна любопытная деталь. Исследователи долго не могли объяснить происхождения самого названия обряда «тавроболлий», и только недавно объяснение было найдено: оказалось, что здесь кроется указание на то, что тотемное животное сначала ловили посредством длинного аркана, лассо. Бралась длинная веревка, на одном ее конце делалась подвижная петля, затем охотник или кто-либо другой брал в руку один конец веревки, а другой размахивал над головой концом с петлей и бросал ее далеко на голову дикого быка; петля захлестывала шею, пойманного таким образом быка притягивали и ловили. Точно так же в настоящее время индейцы и пастухи в Северной Америке ловят лошадей и крупный рогатый скот.

После этого мы можем восстановить приблизительно ход весеннего древнеперсидского праздника: специально для него и на время его кто-либо отправлялся с лассо за одним из представителей тотемного животного клана.

за диким быком, долго гонялся за ним (как Митра), улучал удобный момент, набрасывал на шею петлю, волок в стан, там пойманного закалывали ударом меча, а его мясом и кровью причащались, их поедали. Это имело целью укрепить узы родства тотемного божества и членов клана между собой, укрепить внутриклановую связь.

В дальнейшем, со связанным со скотоводством и переходом к развитому земледелию разложением тотемизма и с появлением отсюда антропоморфизма, на почве истолкования обряда сложился миф о божестве Митре, закалывающем быка, т. е. самого себя, жертвующем собою во благо человечества. Это — обычное явление в истории религии и мифологии: когда тотемное животное-божество начинает принимать черты человека, то соответствующее животное ставится в одну из двух связей с ним: оно, якобы, или умерщвляет его, как кабан Адониса, или же само умерщвляется им, как это мы и видим в убийстве быка Митрою. Совершился ли этот переход прямо или же с посредствующим звеном, — закланием воплощавшего тотемное божество человека, — мы не знаем.

Вместе с тем былой тотемический характер закалываемого быка остался, сохранился: заклание его приняло характер искупительной, заместительной и очистительной жертвы за весь клан, народ или за отдельного человека. Пример одного мы видели в тавроболии, совершавшемся над жрецом, где мы имеем дело с двойным замещением: жрец замещал собой весь народ или быть может группу посвящаемых мистов, а его самого замещал умерщвляемый бык. Пример второго рода — замещение отдельного человека — имеем в многочисленных, отмеченных в памятниках, тавроболиях, совершавшихся над одним, тем или иным, посвящаемым. Так, например, когда император Юлиан отказался от христианства и перешел в митраизм, он первым делом принял кровавое крещение: над ним совер-

шили тавроболий. Таким образом, тавроболий имел позднее смысл заместительного умерщвления и самоумерщвления, а также магического омовения, — очищения от скверн плоти и духа, причем приписывание огромной магической силы крови закалываемого быка, бывшего тотема, осталось.

Сделаем еще одно замечание об этом кровавом крещении.

Большинство исследователей обряд тавроболия считают принадлежавшим, по происхождению, не митраизму, а фригийскому культу Аттиса; этот взгляд ранее разделяли и мы. Теперь же мы считаем это неправильным: история обоих культов показывает, что бык играл роль тотемного животного у персов, а не у фригийцев: у последних им был ранее кабан, позднее или одновременно — баран. Поэтому, по нашему мнению, соответствующим исконно фригийским обрядом был действительно совершавшийся криоболий, т. е. заклание барана, а неоднократные, засвидетельствованные историческими памятниками, тавроболии у поклонников Аттиса явились заимствованием из митраизма на почве смешения и порой даже слияния двух этих культов.

Итак, на весеннем празднике древних персов некогда происходило обрядовое умерщвление и поедание тотемного божества — быка. Этим священная и вообще общеклановая трапеза не исчерпывалась: тогда же происходило обрядовое пьянство, причем пили опьяняющий напиток — «сому», добывавшийся из особого растения. Позднее сома в тех местах, где растение это не водилось, была заменена вином из винограда и др. Самый праздник носил общественный и производственно-магический характер и имел одной из задач — магически содействовать умножению тотемных животных, зверей. Позднее, с переходом персов на земледелие с применением животных, он соответственно изменил свой характер: был поставлен в связь с главными моментами производственного года земледельцев, что нашло свое

отражение в новом обряде — вкушении не только мяса, но и нового святого хлеба и вина, и повлекло создание мифологического мотива — происхождение хлебных знаков из крови закланного богом Митрой быка. Еще позднее, благодаря подмеченному влиянию солнечного тепла на жизнь растительности, Митра был наделен еще чертами солнечного божества, причем здесь нашло свое отражение также создание и укрепление монархического начала.

Обрядом тавроболия и общеклановой трапезы программа праздника не исчерпывалась: на нем имело место также посвящение молодежи в класс взрослых, полноправных членов клана. Это подводит нас к вопросу о происхождении замкнутых митраистических братств из семи степеней посвящения и соответствующих обрядов. Почему и как они сложились? Почему степеней было так много?

Потому, что первоначальное возрастное, классовое разделение персидских кланов носило, повидимому, сложный характер. Намек на это мы усматриваем, например, в воспитании персидских жрецов, где, по словам Шантепиде-ла-Сосея, «с достижением семилетнего возраста, после церемонии (обряд) «нозуд», при которой одевается священный шнур, сын жреца начинает изучать священное знание до 14-ти лет, когда он должен выдержать испытание, «набор», после чего в качестве «гербада», капеллана может отправлять служение при алтаре. После полного изучения Ясны и Вендидада (частей Авесты) он делается «мебедам», когда он получает место, он приобретает титул «дастур» и т. д.».

Исходя из этого и практики некоторых диких племен, мы восстанавливаем, приблизительно, такую картину: на весеннем празднике производили перевод малолетних ребят в первую клановую группу — класс детей, что сопровождалось обрядами; одновременно происходил перевод соответствующих детей этой группы в следующую группу, — в

группу подростков, юношей, кои до определенного возраста отделялись от женщин, держались обособленно и проходили какое-либо практическое обучение. Эти две группы вылились потом в членов первой и второй степеней митраистических таинств: в Воронов и Тайных, первыми из коих, как мы видели, могли быть и дети, а вторые отделялись и скрывались от остальных. Тогда же и там же взрослые юноши принимались в третью группу, — класс полноправных членов клана. Таковыми могли считаться в первую очередь и главным образом те, кто мог с оружием в руках защищать его, короче — воины, солдаты.

Чтобы узнать, годятся ли юноши в воины, достойны ли они принятия в число последних, требовались самые всесторонние, разнообразные испытания. Если они их выдерживали, то принимались, что было наиболее торжественным, важным моментом как для них самих, так и для всего клана, самое существование коего зависело часто от количества и качества его бойцов. На этой основе сложилась позднее третья по счету и первая по полноправию степень Воинов, предварительные и сложные испытания кандидатов на нее и последующие обряды (клеймение, очищение) с совместной трапезой в центре. Вероятно, в дальнейшем, с течением лет или ростом заслуг перед кланом, давались какие-либо дополнительные права и привилегии, что несомненно в отношении стариков, и отсюда ведут свое происхождение степени Льва, Перса, Солнечного гонца и Отцов. Возможно также, что некоторые из этих степеней сложились лишь вне Персии, под влиянием социальных условий тех стран, где поселялись персы — поклонники Митры — и образовывали свои замкнутые национальные кружки, общины.

В связи с этой замкнутостью коснемся вопроса: почему культ Митры носил тайный, сокровенный характер? Мы приведем только две причины, а их, конечно, было больше:

одной из них было то, что вообще дикие народы, племена, кланы держат свои обряды втайне и редко, при определенных условиях, открывают их посторонним, чужим. Другой причиной было то, что в самой Персии культ Митры позднее особенно привился у феодальной знати, у аристократии, а она-то потом со своей челядью и расселялась по соседним странам, где вначале замыкалась в национальные кружки, со своей национальной религией, и лишь с особым разбором и отбором принимала в свою среду чужеземных. Мы говорим «вначале», ибо потом дело, конечно, изменилось, персы смешались с местным населением, отчужденность прошла, национальная связь митраизма порвалась, и он сделался доступным для всех культом, удержав, однако, мистериальный характер, причем это отнюдь нельзя понимать так, что он был весь тайным, недоступным: доступная для всех внешняя сторона была и у него, например: мифы, часть учения, некоторые обряды и пр.

Что подкупало в этом учении, что привлекало к митраизму поклонников, особенно воинов? Думается, элемент активности, призыв к творческому делу, к неустанной борьбе, к мужеству и бодрости с надеждой на загробное воздаяние. Эта черта митраизма отражала в себе национальную черту его первых носителей, — древних персов. Их страна Иран носила суровый характер: бедная природа, неплодородная почва, неприветливый климат, а также незащищенность от нападений диких орд с севера и смежность на западе с культурными государствами — все это вырабатывало из жителей неутомимых работников, суровых борцов за существование, прекрасных воинов. Вместе с тем смена удач и неудач, урожая и неурожая, благосостояния и разорения от стихийных бедствий или неприятелей, жизни и болезни или смерти, наряду с другими такими же двойственными моментами, наводили на мысль о существовании в мире двух начал, двух сил — добра и

зла, — откуда с течением времени и сложился характерный для персидской религии дуализм, — вера в существование двух вечно борющихся между собой начал и божеств с их полчищами, причем в их борьбе так или иначе принимает и должен принимать участие человек.

Суровая природа выковала суровый народ, а суровый народ создал свою суровую религию, обряды коей он справлял в суровых, мрачных пещерах своих гор. Здесь, в этом находит свое простое объяснение особенность митраистических храмов — пещерность; недаром и про самого Митру рассказывали, что он родился в пещере, откуда (а не из культа только камня и огня) его обычные именованья: «рожденный из скалы», «рожденный из камня».

VI. ФРАКИЙСКО-ГРЕЧЕСКИЙ „ХРИСТОС“ ДИОНИС.

✕

Страсти священного быка.

Аналогичным по своей природе и происхождению персидскому Митре был фракийско-греческий «христос» Дионис, носивший также другие имена: Сабазия, Загрея, Вакха или Якха, т. е. «шумного», и пр.

На его второй родине, древней Греции, рассказывали, что он был сыном Зевса и царевны Семелы, в детстве дважды спасся от смерти и провел младенческие годы в кругу диких зверей, пастухов и виноделов. Подростки, он занялся культурнической деятельностью: прошел по разным странам, преподавал народам начатки различных наук и искусств и первый научил их разводить виноград и выделывать вино. Врагов своих он жестоко наказывал. Так, на непожелавшего почтить его, фракийского царя Ликурга он навел безумие, и тот, приняв своего сына за виноградную лозу, зарезал его. Другой царь — Пентей — был разорван на части собственной матерью за то, что подсматривал, как женщины веселились с богом.

Согласно другим, притом более древним мифам, начало культа было положено еще в дикой Фракии, на первой родине культа, Дионис был сыном Зевса и богини земли Персефоны. Родившись, он занял престол своего отца, но не надолго: ревнивая жена Зевса Гера наслала на мальчика диких титанов; убегая от них, он принимал на себя различные виды и был достигнут ими, когда принял образ быка. Они разорвали его на части и съели, за исключением сердца. За это Зевс молнией испепелил титанов, причем из их

пепла произошли люди, а Диониса воскресил. Мифы эти рассказывались также несколько иначе, но всех вариантов их мы приводить не будем.

Чтобы выяснить природу этого умирающего и воскресающего «спасителя», обратимся к рассмотрению его культа, причем начнем с того, что посмотрим, как последний совершался на изначальной родине Диониса — во Фракии.

Здесь он носил мрачный, дикий, кровавый характер. На главном празднике Диониса — ранней весной — поклонники и, особенно, поклонницы его темной ночью собирались в горах.

«Заливались флейты, оглушительно гремели литавры и медные тазы, люди с пронзительными криками бешено плясали и кружились под музыку. На головах их были рога, в руках извивались живые змеи, мелькали в воздухе кинжалы и обвитые плющем копыя. Жуткая тьма ночи, дикая музыка, бешеная пляска и круженье, может быть, еще вино и гашиш (дым сжигаемой конопли) зажигали душу пьяным безумием. В экстазе человек «исступал из себя»... Собственное тело человека становилось чуждым, не своим. Он жег себя огнем, колот кинжалами, — и боли не было, а если и была боль, то она давала только радость. И далеко была внизу вся обычная жизнь с ее страхами, нуждой и привязанностью. Мать в таком состоянии могла растерзать собственного сына, — и не было жалости...

И все гремели литавры, неистово кружились люди, священное безумие росло. Приводили жертву, в былые ранние времена это был человек, выбранный по жребию или военнопленный, позднее — бык. Люди бросались на жертву, живьем разрывали ее на части, пили льющуюся кровь, пожирали кровавое мясо. И творилось здесь великое чудо и великая тайна: растерзанная жертва — это был сам бог Сабазий (Дионис). Но и те, которые разрывали его на части, приобщались великому, страждущему богу Сабаз

зию, становились его частью, становились богами «Сабазиями» или «Сабами».

Так в своем «Аполлоне и Дионисе» рисует нам фракийский праздник Диониса В. Вересаев, ошибаясь только в одном: разрываемая и поедаемая жертва была сначала быком и только потом сменилась человеческой (стр. 38—39, 1924 г.). Почти таким же диким и кровавым обрядом справлялся этот праздник в других местах, куда позднее проник культ названного божества. Знакомый нам Фирмик Матерн описывает, например, как он проходил на острове Крите: «Чтобы смягчить гнев этого неистового тирана (Зевса, взбешенного убийством сына Диониса титанами), критяне установили скорбное празднество, на каковом раз в три года они освящают год особым обрядом, последовательно воспроизводя в нем все то, что дитя (Дионис) делало и как оно мучительно умерло. Зубами они разрывают живого быка, периодически таким образом воспроизводя кровавую трапезу титанов; делают они это в тайниках лесов, испуская беспорядочные крики».

Итак, культ Диониса в своем начале и на своей родине, — позднее также в других местах, — центральным моментом имел праздник с разрыванием на части и поеданием живого быка. На основании уже ранее встречавшихся нам подобных примеров мы можем определенно и прямо сказать, что здесь перед нами — пережитки былого тотемизма, и что божественный страдалец Дионис, подобно персидскому Митре, некогда был тотемным животным фракийцев — быком. Действительно, не говоря уже о кровавом обряде его главного праздника, былая тотемная, «бычачья» природа божества выдается прямо некоторыми из его именовании, прозвищ, а также изображениями.

В дошедшей до нас древнегреческой литературе этот фракийско-греческий «христос» прямо называется «быком», «рожденным коровой», божеством «с обличем быка».

«с челом быка», «с рогами быка», «рогатым», «двурогим», «украшенным рогами», и т. п. В Кизике его изображали или просто в виде быка, или богом с рогами быка. Подобных изображений до нас дошло много. Иногда статую его покрывали шкурой быка, причем голова последнего с рогами и копытами свешивалась сзади. На других изображениях Диониса мы видим его в виде мальчика, голова которого увешана виноградными гроздьями, а на тело наброшена бычачья шкура, рога коей выступают у него над головой. На одной вазе он представлен в виде сидящего на коленях у женщины мальчика с бычачьей головой.

Присоединим сюда еще то, что жители Кинифы на зимнем празднике Диониса выбирали в стаде быка и вели его в храм, причем полагали, что выбор внушает сам бог, являющийся тогда им в виде быка. Женщины Элиды в приветствиях называли этого бога быком и молили его прибыть к ним на своих бычачьих ногах: «Приди сюда, Дионис, в свой священный храм у моря! Приди с Грациями в свой храм, прибеги на своих бычачьих стопах, о благодетельный бык, о благодетельный бык!»

Думается, примеров достаточно; показания их красноречивы, и мы можем теперь восстановить природу, картину и дальнейшую историю фракийского культа и праздника Диониса-Сабазия.

У древних фракийцев в эпоху тотемизма тотемным, священным животным-божеством, несомненно, был дикий бык. На своем весеннем общеклановом празднике они с совершением некоторых магических обрядов ловили, разрывали на части и поедали живьем одного из представителей тотемного, животного вида, — быка, дабы укрепить свою родственную связь с ним и клановую — между собой.

Другой целью этого праздника было также — магически способствовать размножению тотемных животных, намека на что мы видим в обычае участниц отрывать поло-

вой орган быка и размахивать им или сделанными из кожи его изображениями, о чем мы будем говорить ниже.

В дальнейшем, с разложением тотемизма и, отсюда, с наделением тотемного божества человеческими чертами, с одной стороны, жертва бычачья сменилась человеческой: разрывать и поедать стали воплощение божества — человека. Такие человеческие жертвы засвидетельствованы, например, для островов Хиоса, Тенедоса и других мест; в Орхомене умерщвлялась жертва из царского рода. В приведенных нами мифах о Ликурге и Пентее тоже сохранились глухие отголоски того, что некогда жертвой этой были цари, позднее — их сыновья, еще позднее — простые граждане и рабы или военнопленные. С другой стороны, на почве истолкования обряда сложился позднее миф о божестве, растерзанном предками людей — титанами — и съеденном во образе быка, причем умерщвление быка стало рассматриваться как жертва ему.

Преследуемый, ловимый, растерзываемый (для таинства причащения) и поедаемый живьем тотемный бог-бык фракийцев превратился в преследуемого, растерзанного и съеденного в образе быка бога Диониса-Загрея-Сабазия, а ежегодность, многократность совершения этого обряда послужила одной из причин и основ создания мотива воскресения божества.

Возьмем дальнейшую историю культа Диониса.

Култ этот, как мы уже говорили, из Фракии был занесен в Грецию, где широко распространился и прочно привился. На этой новой почве, в новых социальных условиях он должен был претерпеть соответствующие изменения, смягчиться. В связи с тем, что основными занятиями большинства населения здесь были земледелие и виноградарство, фракийский «христос» принял в Греции характер и черты божества растительности вообще, виноградной лозы — в особенности.

Так, в греческих мифах о Дионисе рассказывается, что он некогда занимался земледелием и первый стал впрягать быков в соху, каковую до того времени тащили руками: пахал и сеял. Возможно, что эти черты земледельца он получил уже в некоторых местах своей родины, во Фракии: говорят, там в одной местности имелся большой храм его, в котором во время праздника, если урожай имел быть хорошим, горел яркий свет, а если плохим, — святилище окутывалось полумраком. Намек на хлебную черту некоторые исследователи усматривают также в том, что Диониса иногда изображали младенцем, лежащим в колыбельной корзинке из ивовых прутьев, — в так называемом ликноне, откуда его прозвище Ликнитес. Этот ликнон считают той корзинкой, в коей в древности, да еще и теперь, греческие женщины веют хлеб, отделяют от зерна мякину. Возможно, что это так, но возможно и то, что ликнон было корзиной, куда складывали срезанные виноградные грозди.

Яснее выступают «древесные» черты Диониса. Это видно хотя бы из того, что почти по всей Греции приносились жертвы «Дионису древесному». В Бэотии его называли также «Дионисом, что в дереве». Иногда рисовали его изображение выступающим из кустарника. Ему приносились жертвы с молитвой о росте деревьев, особенно — плодовых, и о неисплатии урожая фруктов. Говорили, что он открыл все плоды, в частности — фиги и яблоки. Называли его «обладателем многих плодов», «богом спелого фрукта», «произрастателем фруктов» и т. п. Священными деревьями его считались фиговое и сосна, шишками которой, а также плющом украшались палки на его праздниках.

Наряду с ними, но только в более тесной и исключительной связи с ним, находилась виноградная лоза. Дионис греческий — главным образом бог этой лозы, виноградарства и виноделия. Об этом говорят частично приведенные нами мифы, это выдают и его праздники. Их было несколько;

начинались они веселыми «осхофориями», т. е. «ношением гроздей», когда десять представителей от десяти афинских фил несли первые грозди из храма Диониса в храм богини Афины, — в дар ей от него. Затем праздновались, в декабре, сельские «Дионисии», на которых происходило торжественное шествие, приносились жертвы и устраивалось увеселения, например, танцы на надутых и смазанных маслом кожаных мехах для вина.

Окончание сбора винограда, в январе, отмечалось праздником выжимки винограда — «Ленемп». В феврале справлялись трехдневные и самые веселые «Анфестерии»: в первый день их открывались бочки и пробовалось новое вино; на второй день — «праздник кубков» — устраивались шествия под звуки музыки и с песнями, причем участники украшали себя первыми весенними цветами; третий день носил более строгий характер, так как этот день был днем умерших: им приносились жертвы.

Еще более торжественно праздновались в марте-месяце установленные афинским тираном Пизистратом «Великие дионисии». Справлялись они через каждые три года и носили блестящий, веселый характер. В первый день их происходило шествие: украшенные цветами, одетые в праздничные одежды, участники торжественно переносили из одного храма в другой изображение Диониса, после чего устраивались пирушки с изобильной выпивкой, пели, шутили, веселились. На следующие дни имел место «гвоздь» праздника: театральные представления, трагедии и комедии, разыгрывавшиеся в театре — храме Диониса.

Мы не можем здесь останавливаться на рассмотрении того, как впервые сложились и затем развивались эти сценические представления, скажем только, что они выросли из культа самого Диониса. Трагедия развилась из тех вакхических песен и обрядовых представлений, в коих изображалась и оплакивалась мучительная смерть боже-

ства, а затем выражалась радость по случаю его воскресения. Комедия сложилась из тех веселых обрядовых праздничных шествий, когда по улицам торжественно несли огромные изображения полового члена Диониса, сопровождавшихся шутками, забавами, остротами, насмешками над встречными со стороны подвыпивших, часто — переряженных поклонников бога вина. Шествие это носило магический характер: старались магически поддержать и усилить производительную силу самого божества, а через него и всей природы; переряживание и маскировка имели первоначальной целью обмануть выходящих на праздник из могил мертвецов, покойников.

На этом мы и закончим разбор природы и происхождения культа и образа Диониса. Подводя итог сказанному, мы видим, что культ этот сложился во Фракии на почве тотемизма, и что его божество было первоначально разрываемым и поедаемым на весеннем празднике тотемным животным — диким быком. В дальнейшем, с разложением тотемизма и возникновением антропоморфизма, сложились образ и мифы о человекообразном боге Дионисе. Культ и образ его при переходе на почву древней Греции видоизменились и переплелись с земледелием и виноградарством, почему и сам Дионис превратился в бога виноградной лозы и виноделия по преимуществу.

Тогда же были созданы все те мифы, где он выводится в качестве такового, причем, — заметим кстати, — ему стали приписывать чудесную силу превращать воду в вино. Больше того, стали рассказывать, что на празднике его богоявления и рождения, каковой праздник около начала христианской эры справлялся, как и Озириса, в январе, происходило чудо: вода превращалась в вино. Все это позднее было использовано, заимствовано христианством и вылилось как в евангельское чудо превращения Иисусом воды в вино на браке в Кане Галилейской, так и в приурочивание этого

чуда к празднику богоявления, 6 января; смысл же этого мотива — превращение водянистого сусла в вино.

В заключение добавим, что, подобно всем разобранным нами умирающим и воскресающим «спасителям», «христам» древности, Дионису тоже приписывали характер искупителя: в его трагической смерти видели искупительную жертву за все человечество, за всех людей, коих природа двойственна: титаническая и дионисическая, раз они произошли от пепла пожравших Диониса титанов.

VII. РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ И ДЕВСТВЕННАЯ БОГОМАТЕРЬ.

1. Языческие „христы“ на чужбине и их взаимоотношения.

Разбором культа божественного быка — Днионса — мы заканчиваем наше ознакомление с «языческими христами» и переходим теперь к вопросу об их дальнейшей судьбе и взаимоотношениях друг с другом.

Что же мы видим здесь?

Еще в предыдущих главах, когда мы касались песторни того или иного культа, мы всюду наблюдали одну картину: культы эти и их божества никогда не замыкались в свои национальные границы, не ограничивались узкими пределами своей родины, а переступали их и широким потоком разливались по соседним и даже дальним странам. Так было, например, с культами египетского Озириса, финикийского Адониса, фригийского Аттиса, персидского Митры и др. Разумеется, в этом своем распространении они неминуемо, неизбежно должны были встречаться, сталкиваться и вступать друг с другом в те или иные взаимоотношения.

Действительно, окидывая взором последние века до и первые после начала христианской эры, бывшие одновременно первыми веками и мировой Римской империи, мы видим там характерное явление: все эти культы широко распространились по всему средиземноморскому бассейну и прилегающим к нему странам, далеко от своих родин; больше того, они перемешались друг с другом, переплелись, часто до неразличимости. Любопытно при этом то, что знакомые

нам — в подавляющем своем большинстве восточные — культы поразительно быстро и прочно завоевали Запад, европейские части империи, где местами оттеснили на задний план местные, национальные религии.

Причины этого распространения и религиозного синкретизма, т. е. смешения, кроются в социальных условиях той эпохи; часть их хорошо вскрывает нам Кюмон.

«Если бы мы, — говорит он, — прикнувшись к теории, которая в настоящее время пленяет много светлых умов, пожелали во всей истории видеть равнодействующую хозяйственных и социальных сил, то можно было бы легко доказать их господство в этом великом религиозном движении. Промышленный и торговый перевес Востока (над Западом) ясен, как день: там находятся (в ту эпоху) главные центры производства и вывоза. Все более и более оживляющиеся сношения с Левантом (Азией) заставляют купцов оседать в Италии, Галлии, Придунайских странах, Африке и Испании, причем эти купцы в отдельных городах образуют настоящие колонии. Среди всех этих пришельцев особенно преобладают сирийцы (и александрийцы).

Италия закупает в Египте не только необходимый для себя хлеб, — она вывозит оттуда и людей. Для обработки своих, превратившихся (за период гражданских войн) в пустыню, полей римляне выписывают из Фригии, Каппадокии и Сирии рабов, для исполнения различных домашних обязанностей в своих дворцах они привлекают опять-таки сирийцев или александрийцев. И кто может сказать, какое влияние все эти служанки из Антиохии или Мемфиса оказывали на ум своей госпожи? В то же время потребности обороны и войны настоятельно требуют перемещения офицеров и солдат с границ по Евфрату на берега Рейна или к пескам Сахары, и всюду эти войны остаются верными богам своей далекой родины. Задачи управления заводят чиновников и их писцов, которые часто рабского

происхождения, в самые отдаленные провинции. Наконец, легкость сношений, которая все возрастает с проложением удобных дорог, увеличивает число и дальность путешествий.

Так взаимообмен людей и идей, естественно, делается все более и более многосторонним, и можно было бы утверждать, что богосмешение (синкретизм) являлось необходимым следствием смешения народов, что божества Леванта (и другие) следовали за великими торговыми и социальными потоками, а их оседание или поселение на Западе было естественным и сопутствующим явлением того движения, которое избыток населения азиатских городов и деревень влекло в менее густо населенные страны».

Иными словами: интересующие нас явления религиозного порядка вызывались тогдашними условиями развития античного торгово-промышленного капитализма, бюрократизма и рабовладения в мировой Римской империи, причем в первом из этих моментов доминирующую, подавляющую роль играл Восток, т. е. Египет и Малая Азия, — как раз бывшие центры исконных культов умирающих и воскресающих «спасителей».

Что же происходило тогда с самими этими культами и их «христами»?

Мы уже говорили выше и теперь подчеркиваем, что они не только распространяются, но и смешиваются, порой и местами даже сливаются, что облегчалось двумя моментами: родственностью их природы и происхождения, а также тождественностью их обрядов и учения, с идеей обеспечения личного бессмертия и блаженства в центре. Что дело обстояло именно так, — об этом говорят нам древние письменные и прочие памятники.

Так, знакомый нам Лукиан передает, что «некоторые из жителей Библа говорят, что египетский Озирис погребен у них и что оргии и траур совершаются не в честь Адониса, а в честь Озириса». Из этих и дальнейших его слов о ежегод-

ной присылке по морю папирусной головы женщинами Александрии библиоскам явствует, что в его время произошло уже смешение культов и образов Озириса и Адониса даже на их родинах. Стефан Византийский, говоря о кипрском центре адонисического культа — г. Амафунте, замечает, что там чтился Адонис-Озирис, коих отождествили, слили в одну личность кипряне и финикийцы. Другой христианский автор — Дамаскин — тоже отмечает, что жители Александрии чтили Озириса, считая его также Адонисом «в силу религиозного согосмешения», синкретизма.

Еще раньше произошло отождествление и местами даже слияние, несомненно, родственных между собой Адониса и вавилонского Таммуза: их прямо считали одним божеством, причем в слове «Таммуз» видели его имя, а в именовании «Адонис», т. е. «господь», — лишь звание, прозвище. Ориген пишет: «Говорят, что тот, кого греки (с финикиянами) называют Адонисом, евреи и ассирийцы называют Таммузом». Кирилл Александрийский делает аналогичное замечание, что Таммуз на греческом языке называется Адонисом. Прокопий из г. Газы говорит прямо: «Таммуз — он же Адонис».

Ту же самую картину наблюдаем в отношении Аттиса и Диониса. Так, Ипполит сообщает, что Аттиса «сирийцы называют Адонисом, а египтяне — Озирисом». Сократ в своей «Церковной истории» приводит ответ оракула родосцам, где Аттис назван «чистым Адонисом» и «Дионисом». Плутарх замечает, что «Адониса считают тем же Дионисом». На почве Египта Дионис настолько слился с Озирисом, что усвоил даже его праздник «рождества», почему стали рассказывать, что «богоявление» Диониса ежегодно имеет место 6 января, и что в этот именно день происходит чудо: превращение им воды в вино.

О теснейшей связи культов Аттиса и Митры мы уже говорили, отмечая, что их весенние праздники, — «пасхи», —

слились до неразличимости; к этому добавим, что из многочисленных надписей и других источников видно, что часто поклонники и жрецы одного из этих «христов» были одновременно членами и жрецами таинств, братств также второго, причем местами имели совместные святилища и погребения, кладбища. Такое смешение с митраизмом не миновало, конечно, и культа Озириса. Римский автор Апулей в своем, носящем частично автобиографический характер, романе «Золотой осел» рассказывает о посвящении некоего Люция в таинства Озириса и Изиды; посвящение это продельвает над ним верховный жрец, носящий имя Митры.

Как видим, документальные данные, — а мы привели их ничтожно-малую часть, — определенно и ясно говорят, что в разбираемую нами эпоху, т. е. тогда, когда зарождалось и складывалось христианство, все «языческие христы», все их культы перемешались, местами даже слились воедино и из всего этого сложился как бы один культ одного многоименного «христа», чествуемого в разных местах лишь под разными именами.

2. Богоматерь-дева и мать скорбящая.

Это явление бого- и культосмещения должно было, конечно, захватить также те божества, кои мы сознательно до сих пор оставляли в стороне: матерей, жен и возлюбленных этих «христов». Прежде чем смотреть, во что здесь все это вылилось, скажем несколько слов об их исконной природе.

Итак, кто же они были — все эти Изиды, Иштары, Астарты, Афродиты и пр.?

Они были воплощением женского, материнского начала в жизни человеческого общества и всей природы, причем так, как первобытный человек создал своих христов, так он

создал и их матерей. Так, в культе последних мы наблюдаем ясные следы, пережитки былого тотемизма. Египетская богоматерь Изида (сын ее Гор) постоянно и неизменно изображалась в виде коровы или с головой коровы, да и называлась священной коровой. Любопытнее дело обстоит с Иштар, Астартой и Афродитой: у них всех имелась священная птица — голубь, с коим в руках они часто изображались. Всюду, где только существовал их культ, голуби считались священными, их запрещалось убивать, вменялось в обязанность кормить, почему они массами водились, особенно при храмах этих богинь. Это — прямое указание, что некогда голуби были тотемом, тотемными птицами, божествами, причем таковыми они считались и чествовались первоначально, повидимому, женщинами, женской половиной соответствующих кланов.

Позднее, с разложением тотемизма, с появлением человекообразных божеств, а также с развитием земледелия, сделавшегося основным занятием большинства населения, создается образ богини — матери земли, рождающей из своего лона сына — хлебное, растительное божество, и оплакивающей его мученическую смерть под ударами серпов или палящих лучей солнца.

Здесь образ ее наделяется целым рядом характерных черт, одной из коих является ее девственность. В силу того, что первобытным людям ранее неизвестен был механизм деторождения, половому акту они придавали здесь значение второстепенное. Они считали, что зачатие женщиною происходит от того, что в ее тело проникает, в том или ином виде, дух предка, тотемное животное или растение, причем для его проникновения необходимо какое-либо отверстие. Отсюда создается представление, что девушка может зачать без всякого участия мужчины, если только чем-либо разрушена ее девственность. «На этом, — продолжим словами Рожицына, — основан отвратительный обряд,

имевший место во многих древних религиях. Некоторые девушки посвящались божеству, вводились в храм и там лишались девственности механическим путем, при помощи изображений мужского члена, или самими жрецами. Таким образом эти девушки становились доступными для принятия в свое чрево ребенка без участия мужчины. Рождавшиеся от них дети считались рожденными от дев-матерей» («Рождество христово», стр. 84, 1925 г.).

Разумеется, все это переносится также в мир божеств, откуда складывается широко распространенное в древности представление о богоматерях-девах. Таковой считалась, например, Изиды — мать Гора Младшего, в коем видели самого возродившегося Озириса, так что она являлась также матерью и его; именование ее «девой» мы встречали при разборе праздника рождества Озириса. Про богиню Иштар позднее рассказывали, что она зачала Таммуза от бога Эа чрез ухо: словами извещения посланцем его — Папсуккалем; эта идея была затем заимствована некоторыми ранними христианами, учившими, что дева Мария зачала Иисуса от духа святого чрез ухо, в момент благовестия ей Гавриилом. В мифах об Аттисе мы тоже наблюдали, что мать-дева зачала его от положенной за пазуху миндаины.

Таким образом матери разбираемых нами «христов» считались в древности девственными, а они сами непорочно зачатыми ими. От кого? От божеств, — почему и рассматривались в качестве «сынов божиих».

Но этим дело не ограничивалось: богоматери-девы считались также и матерями скорбящими. Эту сторону их мы видели в мифологическом мотиве сетований и скорби богинь по смерти своих сынов-возлюбленных. Она выступала пред нами также в разыгрываемых жрецами или поклонницами обрядовых сценических изображениях скорби этих богинь; она же подразумевалась в праздничных плачах

поклонниц в дни траура и погребения умершего божества. Здесь, в этом кроется подкладка, основа данного мотива и представления: они сложились на почве тех женских сетований, плачей, скорби, коими сопровождалось некогда умерщвление тотемного божества, а позднее — его человеческих и прочих «заместителей».

Итак, в лице фигурировавших в разбираемых нами культах и мифах богинь пред нами выводились в одном лице, одновременно, матери-девы и матери скорбящие, рассматривавшиеся в качестве богинь женского, материнского начала, позднее — также земли, произрастающей из своего, оплодотворенного небесными водами или речными разливами, лона растительность. С течением времени эти представления о богинях расширились еще больше, усложнились, и в последних стали видеть обожествление и олицетворение всей вообще природы и основной, высшей, действующей в ней силы, от коей, якобы, зависит все в жизни отдельного человека, общества или государства и всей вселенной.

Когда наступила эпоха синкретизма, с образами этих, родственных друг другу, богинь произошло то же самое, что и с образами сынов: из них всех создался один смешанный образ многоименной богини-девы и матери скорбящей, владычицы всего сущего. Об этом говорит нам хотя бы найденная в Египте посвятельная надпись: «Владычице людей, госпоже богине Изиде, богине Астарте».

Прекрасное выражение того, как представляли себе эту многоименную богиню в начале христианской эры, дает нам уже цитированный нами Апулей. В своем романе он вкладывает в ее уста такие слова:

«Я явилась к тебе, Люций, тронутая твоими мольбами. Я — природа, мать всего существующего, начало всех элементов, начало веков; я — высшее божество, царица теней, первая между небожителями, вмещающая в себе качества богов и богинь. Моей воле подчинены сияющие

небесные своды, ветры океана и мрачная преисподняя. Я — великая, единственная сила, которой поклоняется вся вселенная и которую чтут под разными именами.

Фригийцы... назвали меня Великой матерью богов Пессинунтской; афиняне назвали меня Афиной; у киприя я — Афродита Пафосская; ловкие стрелки — критяне называют меня Артемидой Диктийской; говорящие на трех языках сицилийцы — Прозерпиной Стигийской; для элевзинцев я — Деметра, древнейшее божество — «мать-земля»; у одних — Юнона, у других — Беллона; там меня называют Гекатой, здесь — Рампузией. Но те, которые впервые были озарены божественными лучами восходящего солнца, а именно: жители Эфиопии, а также египтяне, только они называют меня моим настоящим именем: цариц. й Изидой».

В другом месте Апулей говорит уже сам устами своего героя: «О, святая богиня, постоянно заботящаяся о сохранении человеческого рода, всегда расточающая свои милости и благодеяния смертным, утешающая, как мать, всех несчастных и гонимых судьбой. Не проходит ни дня, ни ночи, ни даже одного момента, чтобы ты не покровительствовала людям на земле и в океане, чтобы ты не охраняла их от бурь жизни и не простирала к ним свою спасительную руку. Этой рукой ты смягчаешь жестокие предначертания рока, умеряешь удары судьбы, уменьшаешь назначенные людям несчастья. Тебя почитают все боги неба и подземного царства. Ты даешь вселенной ее движение, солнцу — его свет, земле — ее законы, аду — его подземные пропасти.

Гармония небесных тел, времена года, милости богов, покорность стихий, — все обязано тебе своим существованием. По одному твоему знаку ветры начинают дуть, тучи собираются, семена прорастают и дают плод. Твое величие поражает священным ужасом всех... Но увы, чтобы перечислить все твои качества, — слишком слаб мой разум; чтобы

принести тебе жертву — слишком ничтожны мои богатства. Да, мой голос не в состоянии выразить чувства, которыми я одушевлен. И если бы я имел тысячу уст, тысячу языков, неутомимую грудь и вечный поток слов, я и тогда бы был не в силах выразить все твое величие. Но если я беден в этом отношении, то я могу быть религиозным: я вечно буду хранить твой святой образ в моей памяти, я сделаю из моего сердца храм, в котором буду воспевать тебя вечно».

Читая эти строки, можно подумать, что читаешь какой-то молитвенный гимн, составленный не в меру восторженным поклонником христианской «богоматери» Марии, а не «языческой богородицы», — многоименной богини. Случайность ли это, простое ли совпадение, или же между ними обемим какая-то внутренняя связь? Случайность ли и то, что эту богиню именовали так же, как позднее Марию, — «царицей небесной»?

Ответ на это мы дадим вскоре, а пока подведем маленький итог сказанному.

Итак, мы нашли, что к началу христианской эры, т. е. ко времени зарождения и начального развития христианства, из всех разобранных нами культов сложился и царил в Римской империи смешанный культ многоименного христа, сына божия, и его многоименной, скорбшей матери-девы, «царицы небесной». Если мы теперь введем сюда еще одного божественного члена, оставленного нами в стороне, то получим всюду царившую в древности «языческую» божественную семью: бога-отца, бога-сына — христа, — и богиню-мать, богоматерь-деву, священным символом и птицей коей был голубь. Не напоминает ли это позднейшей христианской «святой троицы» с ее богом-отцом, богом-сыном — христом, — и святым духом, имеющим своим символом и птицей голубя, а также с богоматерью-девой?

VIII. МНОГОИМЕННЫЙ „ХРИСТОС“ И ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКИЙ МЕССИЯ.

1. Языческий „христос“ у еврейского народа.

Предыдущая глава вплотную подвела нас к вопросу о той роли, какую сыграли культы многоименного христа в зарождении и развитии раннего христианства вообще, его образа Иисуса-Христа — в особенности. Так как эти моменты связываются обычно с историей и религией древнееврейского народа и населявшей им Палестины, посмотрим сначала, как обстояло дело и там с умирающим и воскресающим «спасителем».

Там мы наблюдаем характерное явление: длительное, прочное существование культа языческого «христа», а также позднейшее слияние последнего с образом мессии. Подтвердим сначала наличие первого момента.

Прямое, ясное указание на это мы находим в целом ряде мест ветхого завета и, в первую очередь, в книге пророка Иезекииля, где он пишет: «И привел меня ко входу во врата дома господня, которые к северу, и вот там сидят женщины, плачущие по Таммузу» (8, 15).

Итак, в самом политическом и религиозном центре древнееврейского народа: в Иерусалиме, в храме, некогда существовал культ Таммуза.

Пророк Исаия в двух местах сообщает о том же, причем из его слов видно, что Таммуз там уже был отождествлен с Адонисом, считался с ним одним и тем же божеством. Так, в одном месте у него читаем: «Ты забыл бога спасения твоего и не вспомнил о скале прибежища твоего; оттого развел

увеселительные сады и насадил черенки от чужой лозы. В день насаждения твоего ты заботился, чтобы оно росло и чтобы посеянное тобой рано расцвело; но в день собрания будет не куча жатвы, но скорбь великая» (17,10—11). Здесь, — как и у Иезекииля, — прямое указание на празднование смерти и воскресения Таммуза-Адониса, с характерными «садиками» его. Он же, Исаия, пишет: «Они (грешники) будут постыжены за дубравы, которые столь вожделенны для вас, и посрамлены за сады, которые вы избрали себе» (1, 29).

Эти «вожделенные дубравы» и «сады» являются теми рощами, где обычно происходило служение Иштар-Астарты и ее сыну — возлюбленному. Показательно, что такая «дубрава» долго имелась также в предполагаемом месте рождения Иисуса — в Вифлееме, который был в древности одним из иудейских центров культа Таммуза. Об этом сообщает, например, отец церкви — Иероним: «Вифлеем, принадлежащий теперь нам (христианам), священнейшее место мира... некогда был осенен рощей Таммуза, т. е. Адониса; и в той пещере, где когда-то пребывал младенец Христос (Иисус), оплакивали возлюбленного Венеры» (Иштар-Астарты).

Вифлеемская «пещера рождения Иисуса» была ранее пещерой Таммуза-Адониса!

Новые красноречивые указания мы находим у пророка Иеремии, который вел длительную и неудачную борьбу с этим культом. Так, когда он однажды бичевал за него иудеев и призывал их к служению одному только Ягве, «отвечали Иеремии все мужья, знавшие, что жены их кадят иным богам, и все жены, стоявшие в большом множестве, и весь народ, живший в земле египетской, в Пафросе, и сказали: слова, которые ты нам говорил именем господа, мы не слушаем от тебя, но непременно будем делать все то, что вышло из уст наших, чтобы кадить царице небесной

и возливать возлияния ей, как мы делали, мы и отцы наши в городах Иудеи и на улицах Иерусалима, потому что тогда мы были сыты (!) и счастливы и беды не видели.

А с того времени, как перестали мы кадить царице небесной и возливать ей возлияния, терпим во всем недостаток, и гибнем от меча и голода. И когда мы кадили царице небесной и возливали ей возлияния, то разве без ведома мужей наших делали мы ей пирожки с изображением ее и возливали ей возлияния» (44, 15—19).

Дополнением к этому служит описание Иеремией одного праздника: «Не видишь ли, что они делают в городах Иудеи и на улицах Иерусалима! Дети собирают дрова, а отцы разводят огонь, и женщины месят тесто, чтобы сделать пирожки для царицы небесной и совершать возлияния иным богам» (7, 17—18).

Здесь имеется в виду радостный праздник воскресения Таммуза-Адониса, связанный у земледельцев с началом жатвы и вкушением хлеба из первой муки, причем хлебу этому при изготовлении и выпечке придавали форму женского полового органа, дабы магически обеспечить плодородие полей. Позднее обряд печь и вкушать этого рода «пирожки» был заимствован ранними христианами и частично вылился в изготовление традиционных пасхальных «куличей», носящих таким образом также фаллический, связанный с половым органом, характер.

Приведем еще один пример того, насколько развит был этот культ и как с ним боролось иногда законническое направление в иудейской религии. Находим мы его в 4-й книге царств, где видим такую картину:

«И повелел царь Хелки первосвященнику и вторым священникам и стоящим на страже у порога вынести из храма господня все вещи, сделанные для Ваала и для Астарты... и сжег их за Иерусалимом... И отставил жрецов, которые кадили... и вынес Астарту из дома господня за Иерусалим, к потоку Кедрон, и истер ее в прах,

и бросил прах ее на кладбище всенародное; и разрушил дома блудилищные, которые были при храме господнем, где женщины ткали одежды для Астарты... И изломал статуи и изрубил дубравы» (23 гл.).

То же было проделано в г. Вефиле и «в городах Самарийских» (на севере Палестины).

Дома блудилищные и находящиеся при них женщины-ткачихи Астарты указывают на наличие при иерусалимском храме постоянного штата храмовых блудниц-проституток, бывших «священными девами», служительницами названной богини и Таммуза-Адониса.

Ограничимся хотя бы этими примерами и сделаем одно общее замечание.

Когда древнееврейские орды впервые вторглись в Палестину и огнем и мечом заняли ее, чтобы окончательно осесть там, исконное население страны своим главным занятием имело земледелие, а в связи с этим, в религиозном отхождении, — широко развитой культ умирающего и воскресающего божества растительности, христа, и его матери-богини. Божества эти носили там различные местные имена, но часто, в силу их несомненной родственности с Таммузом-Адонисом и Иштар-Астартой, прозывались именами последних. Еврейский народ, осев и перейдя от скотоводства к земледелию, подпал всяческому влиянию своих более культурных побежденных.

От них-то он усвоил и культ языческого христа с его матерью, причем культ этот особенно прочно привился в среде простого народа, крестьян, так как неразрывно связан был с их главным занятием земледелием: в служении этим божествам еврейские крестьяне стали видеть залог своего благосостояния, урожая полей, обеспечения себя хлебом насущным, что мы наблюдали в словах их к Иеремии. Тщетно потом жрецы и их союзники, — ревнители национального бога Ягве, громили народ за это, призывали к разрыву с местными богами и к исключительному

служению Ягве, — народ не уступал и пребывал в «двоеверии»: поклоняясь своему исконному божеству, он все же, но только более ревностно, служил также своим местным «кормильцам»: хлебному, растительному «христу» — Таммузу-Адонису и его матери, «царице небесной», Иштар-Астарте.

Итак, в среде древнееврейского народа, в Палестине, искони существовал и процветал в своем чистом виде культ знакомого нам языческого многоименного «христа».

2. Ветхозаветный христос-мессия.

Такое положение дел неминуемо должно было, конечно, отразиться на официальной религии еврейского народа, на юдаизме, что мы и наблюдаем, например, в истории идеи и образа мессии.

Первоначально «мессией», греческим «христом», т. е. «помазанником», у евреев назывался царь, в коем видели посредника между людьми и богом. Позднее, в эпоху национального упадка, так стали называть идеального будущего царя, который родится некогда на земле, победит врагов Израиля и оснует могучее царство, причем царя этого стали ждать от семени мифического царя Давида, национального героя иудеев, а в действительности, историзованного, превращенного в мнимо-историческую личность, древнего божества Давида, Дауда или Дода — одной из местных разновидностей Таммуза-Адониса.

В дальнейшем идея и образ мессии претерпевают новые изменения — под влиянием новых социальных условий, сложившихся в эпоху так называемого «вавилонского плена» и длительного затем господства персов. Еврейский народ усваивает дуалистическое мировоззрение последних, вводит в свой религиозный обиход идеи двух борющихся в мире начал — добра и зла, царства светлого, благого бога

и царства Аримапа, — сатаны, дьявола, с их полчищами ангелов и демонов и т. д. Усваивает он и персидское представление о «посреднике» между богом и людьми, являющемся в будущем притти на землю, победить дьявола и после страшного суда основать новое царство блаженства; короче—представление о персидском «христе», «спасителе», Саошпанте-Митре.

Это представление евреи переплетают и затем сливают с идеей своего царя-мессии из рода давидова, откуда складывается новый образ: мессии — «сына давидова», носящего черты персидского Митры-Саошпанта, божественного героя и сына божия, долженствующего притти на землю, победить врагов Израиля и основать вселенское царство. Такой образ сложился у иудеев, южан, где богатая родовая аристократия, во главе со жречеством, не легко сносила иго иноземцев и мечтала о восстановлении могучего, независимого государства с царем из рода Давида во главе.

Иной образ мессии сложился на севере Палестины, — в Галилее и Самарии, население коих почти наполовину состояло из «язычников»-сирийцев. Тамешние евреи хищнически эксплуатировались югом, иерусалимским жречеством и иудейскими богачами, почему ненавидели их и несколько не интересовались их чаяниями. В силу местных социальных условий образ мессии у них слился с царившим там культом христа, страдающего и умирающего «спасителя», «искупителя», и вылился в образ страждущего христа — «сына Иосифа», каковое именование дано было ему потому, что северяне выводили себя от колен Манассии и Еффраима, якобы происходивших от мифического Иосифа. Про этого мессию рассказывали, что он придет на землю, прольет свою кровь за народ, падет искупительной жертвой за него, после чего вознесется на небо.

Таким образом, у древних евреев существовало некогда два представления и образа мессии-христа: христа торже-

ствующего, царственного «сына Давида», и Христа страдающего — «сына Иосифа», причем оба они сложились под непосредственным влиянием языческих культов многоименного Христа. Второй из этих образов постепенно проник на юг, был усвоен и там некоторыми слоями населения, чему, конечно, отчасти способствовало исконное существование в массах культа Таммуза-Адониса. Позднее в сознании некоторых евреев оба эти образа объединились, и сложилось представление, что в свое время придет на землю мессия — сын Иосифа, своею кровью искушит народ, падет за него жертвой и вознесется на небо, чтобы притти потом снова в виде «сына Давидова», победить врагов и основать свое мессианское царство.

Итак, еще в дохристианскую эпоху мы находим также у евреев существование идеи Христа, умирающего и воскресающего спасителя; его, этого дохристианского Христа, ждал еврейский народ, но особенно его ждали некоторые сектанты, члены тайных, замкнутых братств, у коих эта идея переплелась с культом божества Иисуса и у коих он потому получил имя Иисуса. Тем самым мы говорим, что наряду с «дохристианским Христом» существовал также дохристианский культ Иисуса.

3. Дохристианский Иисус.

Действительно, за последние десятилетия историческая наука, в лице целого ряда ученых исследователей, установила любопытный факт: в последние века до начала христианской эры среди евреев как в самой Палестине, так и на чужбине, в странах «рассеяния», в силу ряда социальных условий сложилось сильное сектантское течение, называвшееся гностицизмом и распадавшееся на много ручейков, на много сект. Члены последних образовывали тесные тайные, замкнутые братства, аналогичные братствам поклонников

Митры, Аттиса и др., и называли себя общим именем гностиков, т. е. лиц, обладающих «гносисом», «знанием» недоступных для масс обрядов и учений. Принимали они в свою среду тоже после надлежащих испытаний и посвящения, главными таинствами имели соединявшиеся с главной трапезой причащение и крещение и главным догматом — учение о христе — сыне божием, сходящем на землю для искупления грехов человечества, претерпевающим здесь мученическую смерть и затем воскресающим и возносящимся на небо. Что эти братства сложились под влиянием знакомых нам братств «языческих», несомненно.

И вот, некоторые из этих гностиков своего «христа» и «спасителя» называли Иисусом. Невольно напрашивается вопрос: почему и откуда они заимствовали это имя?

Потому, что так назывался местами, в среде простого еврейского народа, старинный растительный, умирающий и воскресающий «христос», культ коего он справлял еще со времен своего поселения в Ханаане, заимствовав его у первоначальников этой страны. Как ни старалось жречество позднее искоренить его, изгладить самые следы его существования, — это не удалось, и мы видим их даже в ветхом завете.

Первое указание на это мы имеем там в «истории» и личности Иисуса Навина. Еще в прошлом столетии было доказано, что в лице этого библейского героя, якобы введшего еврейский народ в «землю обетованную», скрывается все тот же знакомый нам умирающий и воскресающий бог растительности типа Таммуза. Он прозывается Навином, т. е. «сыном рыбы», ибо и Таммуз, — как мы видели, — считался сыном водного божества Эа, изображавшегося часто рыбой или с хвостом рыбы (один из пережитков тотемизма). Главным праздником Иисуса была весенняя пасха со вкушением пресного хлеба и агнца, барана: она сложилась в связи с началом жатвы и вкушением первого, нового

хлеба и переплелась с элементами былого еврейского скотоводчества, — вкушением барана. Аналогичного происхождения и природы, — заметим кстати, — был также Моисей, личность мифическая, причем Иисус Навин был некогда божеством северян, а Моисей — южан.

Недавно точно такую же картину установил И. Франк-Каменецкий в отношении двух ветхозаветных пророков: Илии и Елисея. В своей книге «Пророки-чудотворцы» (1925 г.) он путем кропотливого анализа соответствующих библейских рассказов доказал, что пророки эти — личности мифические, что в их лице скрываются исконные, еще хананские, знакомые нам растительные божества — «христы», Илья — южан, Елисей — северян, и что имя последнего звучало первоначально — «Эль Иешуа», т. е. «бог Иисус».

Присоединим сюда еще Иисуса — «великого первосвященника», про коего рассказывали, что он, подобно Иисусу Навину, ввел евреев в Палестину после возвращения их из вавилонского плена. В библии он наделяется божественными чертами «спасителя», «мессии», явно замещая собою соответствующее чтимое божество.

Мы не можем дольше останавливаться на выявлении следов былого культа божества Иисуса в ветхом завете, скажем только, что приведенные примеры Иисуса Навина, Иисуса-Елисея и Иисуса первосвященника, вместе с некоторыми другими, оставляемыми нами без рассмотрения моментами, определенно свидетельствуют, что одна из местных разновидностей старинного палестинского растительного божества, типа Таммуза, носила имя Иисуса и под этим именем чтилась. Имя «Иисус» значит: «бог-помощь», «поможет бог», «божественный помощник», «спаситель».

(1) Прямые свидетельства о существовании дохристианского гностического культа Иисуса мы находим в ряде внебиблейских источников. Так, в одном дохристианском магическом папирусе, изданном Веселым, есть такая магическая фор-

мула: «Заклинаю тебя богом евреев — Иисусом». В прошлом столетии было найдено дохристианское иудейское сочинение под заглавием «Учение 12 апостолов»; фигурирующее там божество именуется опять-таки Иисусом. В самом новом завете есть ряд мест (в Деяниях), кои можно понять только в том случае, если допустить, что культ Иисуса местами существовал еще до того, как туда проникло то, что обычно называется христианством.

Все эти библейские и внебиблейские источники, — а мы привели только часть их, — определенно говорят за то, что в среде еврейского народа искони местами существовал культ старинного растительного божества Иисуса, типа Таммуза, и что этот культ его позднее в братствах сектантов-гностиков переплелся, слился с идеей страдающего мессии-христа, вылившейся тоже, в свою очередь, из языческого дохристианского культа многоименного «христа». Стоит ли теперь добавлять, что из этих именно гностических братств, кружков и вылилось потом христианство в своей самой ранней, первоначальной форме.

IX. ЯЗЫЧЕСКИЕ „ХРИСТЫ“ И РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО.

1. Религиозный переворот в Римской империи и первые века христианства.

Так мы подошли теперь к вопросу о происхождении христианства и роли в этом языческих культов многоименного «христа».

Ответ на первую половину вопроса кроется в том религиозном перевороте, который имел место в Римской империи в первые века христианской эры и который отражал собою складывавшиеся тогда новые социальные условия. Этот момент хорошо вскрыт В. Рожицыным в его работе «Золотая легенда», почему мы в основном последуем за ним. Он пишет:

«Д. Робертсон в своей «Краткой истории христианства» отмечает необходимость разграничивать, как два разных явления, веру в богов и веру в «христов». «Человек, — говорит он, — создал «христов» так же, как он создал богов, и было бы удивительно, если бы способность его к созданию богов была бессильна таким же образом творить христов». Если с этой точки зрения мы охватим длительный религиозный переворот в рамках Римской империи в первые века нашей эры, то мы увидим, что основным фактом было распространение культа «христов» и непрерывное вытеснение культа богов или выделение из их культов и мифов верований, связанных с учением об искуплении человечества смертью богочеловека.

«Развитие культа Иисуса составляет только часть этого общего процесса, который, в свою очередь, является отражением происходивших в Римской империи социальных перемен. Римская городская знать непрерывно теряла свое значение. На ее место в ряды господствующих сословий всадников и сенаторов проникали зажи-

точные слои италийского населения и новых богачей из западных провинций. Во втором веке, кроме западных провинциалов, в состав сената проникают все в большем количестве выходцы из восточных областей империи, где преобладал греческий язык. Но самым важным социальным явлением было образование нового слоя господствующего класса, не знавшего национальности или забывавшего ее на службе императору.

«Не знающие своей национальности, состоящие из пестрой смеси всех народов командный состав армии и чиновники, поддерживавшие абсолютную монархию, не могли знать и богов. В античном мире вера в богов была неразрывно связана с постоянным гражданством, с оседлостью в городе, где господствовал культ данного бога. Пришельцы стояли вне культа местных богов, ибо они стояли вне местного гражданства. Лишенные национальности, легко перебрасываемые с места на место чиновники и солдаты, купцы и деклассированные массы населения больших приморских городов повсюду встречали чужих богов. Тайны местных культов ревниво оберегались от чужеземцев-варваров. Поэтому новая знать, как и та часть населения больших городов, которая не была связана с гражданством, искала и находила свою «свою» форму общественной организации в культах интернациональных «спасителей», рассеянных повсюду.

«В особенности заметно эти социальные и культурные процессы проявлялись в армии. Если раньше солдат шел на войну во имя родных ему римских богов, то теперь армия с преимущественно варварским составом профессиональных солдат знала только «христов», веру в которых солдаты несли с собой и культ которых они могли встретить повсюду.

«Во втором веке подверглась варваризации императорская власть. Африканец Север и его сыновья, родившиеся от матери-сирийки, ненавидели римскую аристократию и поддерживали варварскую знать, а вместе с нею и религию Христа. Вслед за тем на престоле стали появляться императоры — сирийцы, фракийцы, арабы, выходцы из Паннонии и Иллирии.

«Усиление варварской знати, появление на престоле императоров-варваров в точности соответствовало росту силы и влияния христианства. Эпоха императора-африканца Люция Септимия Севера, провозглашенного паннонскими легионами (193—211), была вместе с тем эпохой роста влияния бюрократии, усиления христианства и его распространения по «всем областям империи» (стр. 55—56; 2-е изд. 1925 г.).

И дальше:

«Причины победы христианства лежат, в конечном счете, не в личности (мифического) Иисуса, не в христианских идеях, а в том, что культ Христа объединил вокруг себя противников римской аристократии, — противников сенатских богов и сторонников самодержавной бюрократии, укрепившейся при Константине и поднявшей на себе к мировому господству культ государственного покровителя — бога Христа» (стр. 137).

Действительно, путем обстоятельного анализа раннехристианских документов, особенно — «житий мучеников», названный исследователь устанавливает любопытный и трудно оспоримый факт: раннее христианство распространилось главным образом и в первую очередь среди имущих слоев не-римского происхождения, среди представителей античного торгово-промышленного капитала, среди варварских помещиков, крепостников и рабовладельцев и среди нарождавшегося тогда чиновного сословия — бюрократии. Все эти слои, все более и более набравшиеся сил, ненавидели единовластную римскую родовую аристократию — сенаторский класс; когда настал удобный момент, они вступили с ней в длительную ожесточенную борьбу за власть, долго шедшую с переменным успехом и закончившуюся, наконец победой новых социальных группировок с установлением абсолютной самодержавной монархии на бюрократической основе. Вместе с ними победило и христианство, носителями которого они были.

Но здесь возникает новый вопрос: почему все названные слои приняли именно христианство, т. е. культ юдаизированного Христа, Иисуса, а не какой-либо другой? Кто или что содействовало этому?

Нет сомнения, что большую роль сыграло в этом еврейство, сумевшее создать стройную и крепко спаянную, централистическую организацию, своего рода церковь, со-

стоявшую из массы местных отделений, обществ, кружков, церквей с церковной столицей в Иерусалиме.

К первой половине I века хр и тиапской эры оно населяло не только Палестину, но было разбросано по всем частям тогдашней Римской империи, причем группировалось главным образом в больших торговых городах, где занималось торговлей и ремеслами. Здесь евреи образовали свои общества, кружки, объединенные как экономическими интересами, так и моментом религиозным. Кружки эти поддерживали постоянную связь с Иерусалимом и тамошним храмом, на содержание коего и его высшего духовенства отчисляли, жертвовали деньги. Для сбора этих денег и вообще пожертвований, а также для передачи своих распоряжений иерусалимский первосвященник имел особый штат сборщиков, числом 12, называвшихся по-гречески «апостолами», что — заметим кстати — позднее отчасти повлекло к созданию мифических «двенадцати апостолов» Иисуса.

Самые кружки, местные церкви имели у себя особые молельни, дома для молитв и собраний, где богослужение велось особыми священниками, жрецами. Кто же были членами этих кружков: только ли евреи? Нет, не только они.

«Иудейская церковь, — говорит Р. Виппер, — расширилась далеко за пределы национальности. К ней принадлежали не одни только иудеи, оставшиеся в Палестине и поселившиеся в провинциях Римской империи. Почитание бога Израиля утратило свои грубые черты и подверглось облагораживающему влиянию Индии и Персии. Благодаря этому иудейская вера стала всемирной, общедоступной. Она стала увлекать представителей самых различных наций: и горячих воображением сирийцев, и рассудительных греков, и степенных, замкнутых в себя, египтян. Тогдашнее иудейство было до известной степени противоположно современному. Оно не замыкалось само и не было отмечено запретом со стороны. Оно носило характер космополитический, как позднейшее христианство. Вовсе не надо было иметь в своих жилах семитическую кровь, чтобы принадлежать к великой религиозной семье избранного народа божия, которому за верность его господу было обещано

торжество над всем миром. Главный вклад иудейства в устройство христианской церкви и состоял в той мысли, что вера народа-избранника распространится по всему свету и восторжествует над темной массой язычников (т. е. других «народов»). Осуществлением этой мысли должна служить великая организация, единая и нераздельная «церковь» (Возникновение христианства, стр. 52—53, 1923 г.)

Такое положение дел имело место, конечно, не только в среде правоверного еврейства, но и среди тех иудейских сектантов-гностиков, поклонников Христа Иисуса, о которых мы говорили раньше, и которые, — скажем теперь, — вначале не порывали со своей официальной религией. Организованные тоже в кружки, братства, «церкви», они только вели более ревностную пропаганду, считая себя единственными носителями средств спасения. Правда, доступ в свою среду они вначале обставляли предварительным испытанием, как и все мистериальные культы, но испытания эти носили более невинный характер, зато самые обряды и учение были ближе, понятнее знакомым с различными христами «язычникам». В силу этого и ряда других причин эти гностические церкви завоевывали себе все больше и больше членов из неевреев, переполнялись обращенными из «язычников», кои, входя туда, вносили, конечно, и много своего, из своих религий и культов, а также отменяли, отбрасывали некоторые юдаистические элементы. Так постепенно нарождалась новая религия из смеси иудейства и «язычества», причем распространению ее первоначально много содействовал античный торгово-промышленный капитал, одними из главных представителей которого были как сами евреи, так и входившие в их организации язычники.

Этой нарождавшейся религией было христианство.

В дальнейшем большую роль сыграло неудачное кровавое восстание евреев против римлян, кончившееся раз-

громом Иерусалима и разрушением религиозного центра юдаизма — иерусалимского храма. В этой борьбе потерпело поражение также правоверное направление иудейской религии, рассчитывавшее на приход и помощь победоносного мессии — «сына давидова», и более правыми сочли себя сектанты-гностики со своей верой в мессию страдающего, Христа Иисуса. Происшедший после этого разрыв с юдаизмом, облегченный как разрушением храма, так и преобладанием в «церквах» язычников, окончательно толкнул новообразующуюся религию на путь теснейшего сближения с последними, причем, в первую очередь, с теми имущими слоями населения, которые, подобно евреям, не мирились, ненавидели правивший тогда и угнетавший всех класс родовой римской аристократии-сенаторов. Разумеется, в первое время эта молодая религия не носила какого-либо единообразного характера: она распадалась на массу различных направлений, в коих, в зависимости от местных условий, складывались свои образы Иисуса Христа; но потом из них всех стало выделяться одно; оно мало-по-малу одержало верх, и тогда из остальных оно одни раздавило, уничтожило, другие — отбросило, отвергло как «еретические».

Дальнейшую историю христианства, т. е. с помощью кого, как и почему оно победило, — мы уже знаем.

2. Культы языческих „христов“ и раннее христианство.

В заключение посмотрим теперь, сыграли ли какую-нибудь особую роль знакомые нам культы языческих «христов» в образовании раннего христианства, и победило ли оно их путем борьбы и полного уничтожения, или же дело обошлось более мирным порядком.

Никакой борьбы как таковой не было, и христианство просто поглотило в себя все эти культы, заимствовало из них все то, что помогло ему постепенно развиться в слож-

ную религию, с богатым обрядовым, догматическим и прочим содержанием.

«С восточным культом богов-«христов», — шипет В. Рожицын, — христианство не столько боролось, сколько заимствовало из них свои основные положения, свою мифологию, свои обряды и празднества. Заимствование было настолько основательным, что поглощало в себе разногласия. Боевой момент в раннем христианстве был, несомненно, очень силен. Это было христианство воинствующее против язычества, и все внимание заострялось на моментах разногласий, а не на моментах сходства.

Только в тех случаях, когда язычники указывали христианам на их заимствования, они говорили и писали о них, чтобы оправдаться. Во всех остальных случаях работа слияния религий, их взаимодействия и сплетения происходила молчаливо и как бы беззвучно, не оставляя, во всяком случае, отголоска в христианской литературе. Когда восточные заимствования становились односторонними, вышуклыми, когда чужие начала перевешивали в христианстве то, что оно считало своей сущностью, церковь вмешивалась и объявляла последователей этого одностороннего смешения христианства с одной формой язычества еретиками» («Золотая легенда», стр. 156).

Присоединим сюда еще одно его замечание:

«Идейный и обрядовый процесс поглощения христианством восточных религий и их исчезновения как самостоятельных культурных величин происходит без всяких заметных внешних событий. Едва ли есть более прочно установившаяся истина, как тот факт, что христианство есть синкретическая (смешанная) религия, что оно образовалось из смешения религий, а не из преодоления и подавления плотным массивом новых истин и богослужений, что в нем нет ничего нового, даже нет новой личности, т. е. основателя религии Иисуса Христа, как бы ни старались

отстоять его личность либеральные немецкие богословы» (стр. 153).

Итак, борьбы не было, а было только заимствование, поглощение. Что же христианство заимствовало из разобранных нами культов языческих «христов»?

Мы приведем здесь часть, только маленькую часть всех соответствующих многочисленных моментов.

Так, мы отмечаем и подчеркиваем, что оно заимствовало оттуда самую идею и образ главного своего героя — Иисуса Христа, умирающего и воскресающего «спасителя». Что последний — личность мифическая, не историческая, — это уже доказано, и мы видели, из чего и как этот образ сложился: он является юдаизованным растительным божеством, а еще ранее — священным тотемным животным и его заместителем — человеческой жертвой, разрывавшимися на части и поедавшимися дикарями на их весеннем общеклановом празднике. Итак, в этом образе пред нами — наследие дикарского прошлого.

Заимствована оттуда и «богоматерь» Мария, личность тоже мифическая: в ее лице мы имеем знакомую нам, многоименную богиню женского начала, плодородия, земли и природы, «царицу небесную», девственную мать и мать скорбящую, чей культ сопровождался развратом и священной проституцией, за что и наделил ее также именованием «блудницы». Что ее культ связан был как с кровосмесительными браками отцов с дочерьми, сыновей с матерями, так и с тотемным почитанием коров и голубей, — мы это тоже видели. Добавим, что эта богиня выступает в евангелиях также под именами многих Марий, якобы оплакивавших умершего Иисуса, в частности под именем Марии Магдалины — блудницы. Она же, многоименная богиня, послужила первоначалом также христианского образа «святого духа», который и до сих пор изображается в виде ее священного символа и тотема голубя и который —

скажем теперь — некогда считался женским существом, — матерью Иисуса. Так, например, в одном гностическом евангелии («От евреев») в уста Иисуса вкладываются такие слова: «Мать моя — дух святой — взяла меня за волосы и перенесла на гору Фаворскую».

Этим объясняется тот, казалось бы, странный факт, что в христианской «святой троице», заимствованной из тех восточных культов, после бога-отца и бога-сына встречаем вдруг голубинового бога-духа вместо само собой разумеющейся богини-матери.

Из других евангельских героев причислим сюда еще хотя бы небесного ключаря-апостола Петра: он — не кто иной, как слитые в одну личность и христианизированные митраистические божества: ключарь Зерван и сам Митра.

Центральные мотивы евангельской мифологии и христианской догматики: рождение Иисуса от девы и мученическая искупительная смерть его, взяты опять-таки из религий языческих «христов». Первый мотив своими корнями восходит к дикарскому непониманию процесса зачатия и к омерзительному обычаю разрушать у девушек девственность путем искусственного мужского полового члена или с участием жреца. Второй мотив сложился на почве дикарского умерщвления тотемных животных, а позднее — человеческих жертв, переплетенного еще с дикарскими воззрениями о силе магии, причем большую роль сыграло здесь бывшее распятие «путовских царей».

Из этого кровавого обряда вышло также заимствованное христианами «таинство причащения плоти и крови Христовой», ранее — действительное поедание мяса и крови умерщвленных человеческих и животных жертв, якобы воплощавших или замещавших собою божество.

Другое христианское «таинство» — крещение — опять плод заимствования и ведет свое происхождение из тех далеких времен, когда первобытный человек, впервые под-

метив полезную (в медицинском отношении) роль воды и не понимая причины этого, приписал ей магическую силу — смывать, очищать «скверны плоти и духа».

Третье христианское «тайнство» — миропомазание — отсюда же и восходит к дикарскому обычаю — обряду татуировки — изображения на теле клейма, тотемного знака клана.

Перейдем теперь к христианским праздникам.

Главный из них Пасха, — так, как она справляется теперь, — в большей своей части заимствована из культов Атгиса и Адониса. Из них взяты: предшествующая «страстная седмица» с ее постом, оплакиванием умершего «христа», устройством и выносом «плащаницы», погребальными обрядами и песнопениями, последующие — дни радости, радостные, торжественные службы в честь «воскресшего», приветствия словами «христос воскрес», обильные яства и пития, древний обычай принимать в число христиан и крестить новообращенных и многое другое, вместе с самой датой — 25 марта, так как именно в этот день ранее праздновался христианами, вслед за поклонниками Атгиса и др., этот праздник.

В своей первооснове он, — как мы видели, — является старинным весенним праздником, связанным с началом жатвы и вкушением первого хлеба. Ранее именно на нем происходило умерщвление и поедание животных — тотемных и человеческих жертв, а также принятие молодежи в класс взрослых, причем все это сопровождалось обрядовым пьянством и половым смешением.

Второй большой праздник «рождество Христово» — заимствован христианами из культа Митры в IV веке, о чем откровенно пишет даже один из древнецерковных авторов.

«Причина, — говорит он, — почему отцы церкви изменили праздник 6 января и перенесли его на 25 декабря,

была следующей: как раз 25 декабря язычники справляли (митраистический) праздник рождества солнца и в честь его возжигали огни. В этом празднестве и в этом увеселении принимали участие также христиане. И вот, когда учителя церкви заметили, что христиане прельщаются этим языческим праздником, они приняли меры и на этот день (25 декабря) перенесли праздник настоящего рождества, за 6-м же января сохранили праздник богоявления. Таким образом они удержали этот праздник до нынешнего дня, а вместе с ним — и обычай возжигать огни».

В свое время мы говорили уже о производственной подкладке этого праздника, почему на ней останавливаться здесь не будем, а перейдем к третьему празднику — «крещению и богоявлению господню» — 6 января.

Он сложился впервые в Египте, в Александрии, заимствован из тамошнего смешанного культа Озириса-Диониса и носил сначала тройной характер: рождества, крещения и богоявления, из коих первый момент был позднее, как мы видели, перенесен на 25 декабря. Первоначально это был праздник рождества и богоявления Озириса и Диониса и стоял в связи с появлением первой зелени на полях после спада нильских вод. Дионисическая природа его выступает в христианстве, между прочим, в том, что именно в этот день церковью празднуется также никогда не имевшее места в действительности чудо превращения воды в вино на браке в Кане Галилейской.

Аналогичного происхождения и некоторые другие христианские праздники, но на них мы останавливаться не будем; напомним только, что обычай еженедельно праздновать воскресенье взят из митраизма.

Далее — самое богослужение.

Христианские утреня, обедня и всенощная сложились в подражание таковым же моментам в культах Сераписа-

Изиды, Аттиса и Митры, откуда были взяты даже мотивы для великой ектении, а также «отпуст». Характерно, что в теперешнем литургийном чине сохранились следы того, что некогда он делился на две части: одна — для всех, другая — только для «посвященных», пред коей удалялись делившие на ряд степеней «оглашаемые», неполноправные. Оттуда же заимствованы: показывание «святых даров»; просфоры, употребление свеч, ладана, «святой воды», крестного знамения, самого креста, коленопреклонения, почитание и целование икон и статуй, молебны, крестные ходы и др. Присоединим сюда еще культ мощей и святых, чего мы ранее не касались, и на чем останавливаться здесь не можем.

Затем самые места богослужения — храмы. Большинство древнехристианских храмов имело пещерообразный вид — влияние митраизма; обычай украшать потолки церкви или купола звездами остался до сих пор. Традиционные колокола разрослись из митраистических богослужебных колокольчиков, удержавшихся до сих пор еще у католиков. Наконец, святыни католицизма, собор св. Петра в Риме, построен на месте бывшего митраистического храма, и даже хранящийся там древний папский престол, якобы, принадлежавший некогда ап. Петру, оказался после обследования бывшим престолом-седалищем митраистического «папы» — первосвященника, «отца отцов», по примеру которого он до сих пор носит красные туфли на ногах, митру на голове и изогнутый посох в руке. Пресловутая тонзура, выбритая верхняя часть головы, у него и всех католических священников — наследие бывших жрецов Сераписа и Изиды.

Добавим еще, что «святыни» христианства, пещера и храм рождения Иисуса в Вифлееме, принадлежали некогда тамошнему исконному культу Адониса-Таммуза и просто заимствованы.

Ограничимся хотя бы этими только моментами, показывающими роль культов языческих «христов» в зарождении и развитии христианства, и спросим себя: к чему же мы пришли?

Христианство, бывшая религия эксплуататоров-богачей и до сих пор поддерживаемая ими, — мрачное, дикарское наследие далекого прошлого. Оно — лишь позднейшая, смешанная и несколько утонченная форма «языческого» культа многоименного «христа», сложившегося на почве технической примитивности, хозяйственной беспомощности, невежества и дикости первобытного человека. В лице теперешних христиан, идущих в церковь и там причащающихся «плоти и крови Христовой», на нас глядит полузвериный лик первобытного дикаря, в своей пещере жадно пожирающего сырые, еще дымящиеся кровью куски мяса растерзанной им человеческой или животной жертвы

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	<i>Стр.</i>
Введение	3
I. Египетский «христос» Озирис:	
1. Сказания об Озирисе	5
2. Египетские земледельческие праздники	10
3. Озирис — божество зерна, растительности, плодородия и мертвых	20
4. Мистерии-тайнства Сераписа и Изида	34
II. Ассиро-вавилонские «христы» — Таммуз и Мардук:	
1. Мифы и культ Таммуза	40
2. Мардук и новогодний праздник его воскресения.	47
III. Финикийский «христос» Адонис:	
1. История финикийского «господа» и его культа.	63
2. Природа Адониса и отдельные моменты его культа.	74
IV. Фригийский «христос» Аттис:	
1. Фригийский «спаситель» и его «пасха».	90
2. Мистерияльная сторона культа	108
V. Персидский «христос» Митра:	
1. Победное шествие «Непобедимого бога солнца» — Митры	120
2. Божественный быкобойца и митраистические брат- ства	122
3. Богослужение и учение митраизма	130
4. У истоков митраизма	140
VI. Фракийско-греческий «христос» Дионис:	
1. Страсти священного быка.	149
VII. Религиозный синкретизм и девственная богоматерь:	
1. Языческие «христы» на чужбине и их взаимоотно- шения	158
2. Богоматерь-дева и мать скорбящая.	162

	<i>Стр.</i>
VIII. Многоименный «христос» и древнееврейский мессия:	
1. Языческий «христос» у еврейского народа.	168
2. Ветхозаветный христос-мессия	172
3. Дохристианский Иисус.	174
IX. Языческие «христы» и раннее христианство:	
1. Религиозный переворот в Римской империи и пер- вые века христианства	178
2. Культы языческих «христов» и раннее христианство.	183

